

ЧАСТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ»
(ЧОУ ВПО «ИСГЗ»)

**КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ**
(сборник научных статей)

Материалы Международного
научно-методологического семинара
г. Казань, 26 марта 2015 г.

Казань
ЮНИВЕРСУМ
2015

УДК 371.671.11:94(06)
ББК 74.202.682я431+63.3р-4я431
К652

*Печатается по решению кафедры Философии и гуманитарных дисциплин ИСГЗ
(протокол № 9 от 12.04.2015)*

Иллюстрации на обложке:

Казанский Кремль; слева – Русский марш в Казани 4 ноября 2014 г. (фото А.В. Овчинникова);
справа – шествие татарских националистов 11 октября 2014 г. в честь «Дня памяти защитников
Казани», погибших при взятии города войсками Ивана Грозного в 1552 г.
(источник: https://vk.com/photo-41094377_290812462).

Ответственный редактор и составитель:

Овчинников А.В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры
Философии и гуманитарных дисциплин Института социальных и
гуманитарных знаний, г. Казань

Технический редактор: Ершова Г.Н.

Рецензенты:

Бордюгов Г.А. – кандидат исторических наук, руководитель Международного
Совета Ассоциации исследователей российского общества «АИРО-XXI», г. Москва
Миллер А.И. – доктор исторических наук, профессор Российской
государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва;
приглашённый профессор Центрально-Европейского Университета, г. Будапешт

К652 **Конфликтогенный потенциал национальных историй** (сборник
научных статей): Материалы Международного научно-методологиче-
ского семинара, г. Казань, 26 марта 2015 г. / Отв. ред. и сост. А.В.
Овчинников. — Казань: Изд-во «Юниверсум», 2015. — 229 с.

ISBN 978-5-9991-0300-0

В сборник включены доклады участников Международного научно-методологического
семинара, проведённого 26 марта 2015 г. в Институте социальных и гуманитарных знаний
(г. Казань).

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

УДК 371.671.11:94(06)
ББК 74.202.682я431+63.3р-4я431

© Коллектив авторов, 2015
© Овчинников А.В., составление, 2015
© Институт социальных и гуманитарных знаний, 2015
© Оформление. Издательство «Юниверсум», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	5
Общие вопросы изучения этноцентризма и конфликтогенного потенциала национальных историй	
<i>Линченко А.А.</i> Этноцентризм и его формы в историческом сознании молодежи в России и за рубежом	9
<i>Сыров В.Н.</i> К вопросу о возможных истоках конфликтогенного потенциала национальных историй	21
Конфликтогенный потенциал национальных историй: дореволюционный и советский опыт	
<i>Михайлов Д.А.</i> Национальный дискурс в историографии Сибири XIX в	31
<i>Даркина А.В.</i> (Пере)осмысление национальной истории на примере творчества Рерихов	46
<i>Головашина О.В.</i> Нация после империи: конструирование новой идентичности в России и Австрии в 1918–1938 гг	58
<i>Ильхамов А.</i> Якубовский и его роль в канонизации узбекской национальной истории	69
<i>Аетдинов Э.Х.</i> Конфликтогенный потенциал советского государственного мифотворчества в отношении крымских татар	91
Национальные истории и социально-политические конфликты на постсоветском пространстве (Украина, Азербайджан, Казахстан)	
<i>Аникин Д.А.</i> Национальные мифы в украинской политике памяти: попытки консолидации или основания раскола?	101
<i>Румянцев С.</i> Как рассказывают национальную историю детям в Азербайджане	113
<i>Галиев А.А.</i> Национальные истории Казахстана и их конфликтогенный потенциал	135

Проблемы конфликтогенности современных российских национальных историй

<i>Беляев В.А.</i> Мифы в «идеологии» региональных политических элит России	150
<i>Мурзина Д.Ш.</i> Национальная история как предмет мифологизации в регионах России	161
<i>Люкшин Д.И.</i> Опыт национальных историй на постсоветском пространстве: ошибка в определении или детские болезни дискурсивной формации?	166
<i>Овчинников А.В.</i> Кровь и плоть воображаемых сообществ: биологизация этничности в дискурсах национальных историй (по материалам постсоветского Татарстана)	177
<i>Галиндабаева В.В., Карбаинов Н.И.</i> Конструирование национальной истории на форумах «Сайта Бурятского Народа»	199
<i>Кирчанов М.В.</i> Национальные истории в постнациональном государстве: «большие нарративы» или «места памяти» (на примере чувашской и эрзянской историографий)	206
<i>Жих М.И.</i> «Именьковская проблема»: продолжение дискуссии (ответ Н.А. Лифанову)	213
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	226
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	228

От редактора

В предлагаемый вниманию читателя сборник включены доклады участников Международного научно-методологического семинара «Конфликтотенный потенциал национальных историй», организованного кафедрой «Философии и гуманитарных дисциплин» Института социальных и гуманитарных знаний (г. Казань) 26 марта 2015 г.

Необходимость проведения семинара была обусловлена все возрастающим значением национальных историй в жизни постсоветских государств. Данные нарративы стали частью официальных идеологий молодых политических режимов, что делает их предметом изучения не только историков, но и политологов, социологов, конфликтологов, философов и других представителей гуманитарных наук.

В ходе работы семинара был определен круг наиболее важных с точки зрения участников проблем, которые затем были рассмотрены в представленных к публикации статьях. Заинтересовавшее авторов проблемное поле можно выразить постановкой следующих вопросов. Что движет людьми, которые конструируют явно мифические нарративы, на что именно они акцентируют внимание в воображаемом прошлом и кладут в основу мифического ряда (язык, государственность, культуру)? Какое место в искусственно создаваемой гармонии занимают «Другие», и что они, исходя из «исторической правды», должны делать сегодня, как вести себя в политике, экономике и т.д., чтобы не разрушить «вековой идиллии»? Какую версию национальной истории поддерживает государство и делает, фактически, своей идеологией, и каково отношение официальной власти к другим национальным историям, которые оказались маргинализированы?¹ Не является ли такое положение дел потенциально конфликтотенным, вернее – не заложена ли здесь ложная мифическая объяснительная схема, которая усугубляет последствия борьбы элит за ресурсы?

Главным итогом семинара стало, пожалуй, осознание необходимости активного поиска общего методологического ключа для анализа огромного

¹ Например, в Татарстане бюрократией поддерживается татарская национальная история, в рамках которой идет в целом незаметная для обывателя борьба татаристов и булгаристов. В то же время в республике функционируют нарративы русской национальной истории, которые сочиняют близкие к местным русским националистическим организациям публицисты и краеведы. Кроме того, «общественниками» и отдельными учеными активно конструируется крышская национальная история. Русская и крышская версии находятся в явной оппозиции к татарской национальной истории. Последняя позиционируется в качестве академического знания, но доминирует не столько благодаря «качеству продукта», сколько покровительству на самом высоком республиканском уровне.

корпуса не только текстов национальных историй, но и сопровождающих (и порождающих) их возникновение динамичных социально-политических ситуаций. С одной стороны, этот ключ может быть найден в работах специалистов по декодировке мифов, с другой – в трудах по социально-культурной, политической и экономической антропологии. Что касается последних, то, пользуясь правом ответственного редактора и составителя сборника, позволю обратить внимание коллег на характерные особенности конструирования образов «истории межэтнических отношений». На правах требующей дальнейшего обоснования гипотезы отмечу, что алгоритм «отношений между народами» воспроизводит законы взаимодействия между семьями и общинами традиционного социума. В основе этих законов лежат не безличные постулаты рынка, а глубоко личностные механизмы дарообмена (реципрокности)¹ и перераспределения (редистрибуции) (о т.н. «моральной экономике» см. работы Д. Скотта², М. Мосса³, К. Поланьи⁴ и др.).

Обычно «свой народ» является по отношению к другим дарителем каких-либо достижений (изобретений, великих ученых и т.д.) или оказывает в прошлом судьбоносной важности услуги (ценой больших жертв спасает от сильного и беспощадного врага). Другие народы уже в настоящем должны оказать ответную услугу, т.е. в качестве «отдарка» уступить, например, в территориальных или экономических спорах. У «ответчиков» есть свои мифы, в которых, наоборот, их народ предстаёт дарителем и альтруистом. Запускается механизм бесконечной гонки воображаемых одариваний, сопровождаемый обидами за неблагодарность, что схоже с зафиксированным экономантропологами и разорительным, с точки зрения рыночной экономики, соперничеством престижными подарками в традиционных социумах. Символическое соперничество может привести к реальному конфликту, что

¹ См., например: *Ерискина Н.В.* Историко-культурные формы дарообмена и этнического сувенира народов Камчатки: Дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01. Владивосток, 2005. 149 с.; *Суроганова З.К.* Традиционный обмен дарами у казахов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Томск, 2007. 23 с.

² *Никулин А.М.* Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник РУДН. Серия Социология. 2003. № 1(4). С. 130–140.

³ *Мосс М.* Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М., 1996. С. 85.

⁴ *Поланьи К.* Экономика как институционально оформленный процесс // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под общей редакцией проф. Р.М. Нуреева. М., 2006. С. 65; *Розинская Н.А.* Экономические воззрения К. Поланьи: Дис. канд. ... эконом. наук: 08.00.02. М., 2000. Л. 36, 37.

опять находит аналогии в особенностях моральной экономики (по мнению известного антрополога К. Леви-Стросса, «*существует связь, своего рода непрерывность, между враждебными отношениями и поисками реципрокальных (дарообменных – А.О.) пересечений. Обменные операции – это мирно разрешённые военные конфликты, а войны – это результат неудачных сделок*»¹). Таким образом, распространённый сюжет о добрососедстве народов, веками живущих на определенной территории и обменивающихся культурными и хозяйственными достижениями идентичен идеалам взаимоотношений между двумя соседними общинами.

Корректность приведённых суждений, на мой взгляд, подтверждается преобладанием в современной России и большей части постсоветского пространства вне рыночных (дарительных и распределительно-раздаточных) экономических механизмов (см. исследования Барсуковой С.Ю.², Бессоновой О.Э.³, Кирдиной С.Г.⁴ и др.). В самом образе «народа» нашло отражение характерное для т.н. «восточных обществ» слабое развитие частной собственности и преобладание собственности коллективной (семейной и общинной). «Народу» принадлежат «накопленные за века» богатства «его» земли. В благодарность за то, что «народ» его вырастил, накормил и защитил, индивид живёт и работает не для себя, а для «народа». Исходя из этого, складывается отношение человека к предлагаемым интеллектуалами историческим «друзьям своего народа» (в течение веков много сделавшим для предков последнего) и его, таким же «вековым», «обидчикам». Видимо, присутствие подобных мировоззренческих стереотипов вызвано, в том числе, и особенностями советского урбанизационного процесса, по многим параметрам напоминавшего обычные крестьянские переселения. Можно предположить, что объясняющий «национальный» миф отражает реалии «посткрестьянских» и «постобщинных» социально-экономических отношений между людьми. Следовательно, анализируя национальные истории, в которых фигурируют порождающие конфликты сюжеты о забытых или недооцененных подвигах предков и их несоразмерно большом вкладе в сокровищницу мировой культуры

¹ Салинз М. Экономика каменного века. М., 2000. С. 264.

² Барсукова С.Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. Препринт WP4/2004/02. М., 2004. 52 с.

³ Бессонова О.Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск, 1997. 72 с.; *Её же*. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М., 2006. С. 142. (Серия «Россия. В поисках себя...»).

⁴ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2001. 307 с.

(такие построения есть практически в каждом подобном нарративе), исследователь вполне может внести в свой методологический инструментарий концепт «моральной экономики исторических образов межэтнических и межгосударственных отношений».

Автор этих строк надеется, что представленный сборник вызовет интерес у коллег и послужит стимулом для дальнейшей работы над затронутыми в нем вопросами.

А.В. Овчинников

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОЦЕНТРИЗМА И КОНФЛИКТОГЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ

Линченко А.А.

ЭТНОЦЕНТРИЗМ И ЕГО ФОРМЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ¹

Можно ли говорить о том, что этноцентризм² остается важным измерением исторического сознания молодежи? Насколько тенденции этноцентризма сохраняются в историческом сознании молодых россиян и европейцев? Ответить на эти вопросы нам помогает сравнительный анализ основных европейских и отечественных исследований. В рамках данной статьи остановимся на работах конца 1980-х–2000-х гг., поскольку именно они позволяют оценить трансформации исторической памяти и исторического сознания молодежи в эпоху интенсификации глобализационных процессов.

Параллельно вышеупомянутым исследованиям в 1989–1992 гг. были проведены два кросс-культурных исследования. Их общей идеей было выявление сходств и различий между различными видами исторического сознания молодежи в европейских и неевропейских странах. Лейтмотив работы оставался традиционным для дидактики истории и состоял в том, чтобы через структуру исторического сознания проанализировать политические представления и склонности учащихся. Вместе с тем, учитывая культурную специфику исторического сознания молодежи в каждом регионе, была представлена общая рамка содержания тематических блоков, предполагающая открытые и закрытые вопросы.

Первое из указанных исследований проводилось путем открытых вопросов и эссе группой ученых под руководством Й. Рюзена в пяти европейских странах (Россия, Бельгия, Эстония, Германия, Швеция) и трех неевропейских

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-6968.2015.6 «Политика памяти в условиях межкультурного противостояния».

² В данном исследовании этноцентризм трактуется как *«объективное, универсальное (выделено мной. – А.Л.) свойство этнического сознания оценивать культуру других этносов, мир, историю сквозь призму ценностей собственной этнической группы, скрепляющее группу»* (выделено мной. – А.Л.) и *потому изначально не приводящее к отрицательным последствиям»* (Ковригин В.В. Этноцентризм в содержании отечественных и зарубежных школьных учебников. М., 2013. С. 19).

(Аргентина, Индия, ЮАР). Выборочная совокупность составила 200 студентов в возрасте от 17 до 21 лет. Материалы были рубрицированы, что впоследствии дало основание выделить базовые термины и понятия, позволяющие уяснить специфику каждого культурного ареала исторического сознания. Такими «маркерами» в Южной Африке стало понятие «утро», в Эстонии – «месть», в России – «гордость» и «беспомощность», в Германии – «просить совета» (ask for counsel). Затем были представлены попытки объяснения специфики данных категорий¹. Исследование выявило существенное влияние национальных представлений и национальной истории на восприятие и периодизацию всемирной истории, что само по себе не ново в свете наличия подобных особенностей в любой системе национального образования². Так, респонденты в Эстонии определяли XIX в. периодом с 1701 по 1917 гг., а в России – с 1812 по 1917 гг. Молодежь Аргентины помещала его в хронологический отрезок между 1848 и 1914 гг., а южноафриканские юноши и девушки указывали на 1780 и 1870 гг. соответственно. Также исследование выявило ряд концептов, дробивших восприятие национальной истории на «до» и «после»: период национал-социализма в Германии, «серебряный век» и перестройка в России, революция 1917 г. и оккупация 1940 г. в Эстонии. Были выявлены существенные различия в исторических интересах школьников. В каждой культуре выделялись свои доминанты в изучении прошлого. Так, например, подростки в Аргентине и Эстонии мало интересовались Второй Мировой войной, в то время как школьники Швеции рассматривали Новое время в качестве наиболее интересного объекта изучения (наиболее яркий период шведской истории приходится именно на данную эпоху). Немецкие исследователи также выявили три уровня национальной идентификации: субнациональный, национальный и сверхнациональный. Субнационально-мыслящие группы определялись религиозно в Индии, лингвистически в Эстонии и этнически в Южной Африке. О своей этнической принадлежности говорили и в России, но лишь четверть опрошенных. В Германии национальная идентификация представлялась в большей степени негативно, что связывалось авторами исследования с опытом национал-социализма. Помимо собственно национального

¹ *Borries B. von. Exploring the Construction of Historical Meaning: Cross-Cultural Studies of Historical Consciousness Among Adolescents // Reflections on Educational Achievement: Papers in Honour of T. Neville Postlethwaite to Mark the Occasion of his Retirement from his Chair in Comparative Education at the University of Hamburg, edited by Wilfried Bos and Rainer H. Lehmann. New York, 1995. P. 27.*

² Здесь мы отсылаем читателя к ставшей уже «классической» работе: *Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 2010.*

измерения, был выявлен и сверхнациональный уровень, когда студенты говорили о своей принадлежности к «Европе» (Аргентина), к «СССР» (русские в Эстонии), к «человечеству» (Швеция, Эстония).

Важным инструментом исследования явилось выделение и анализ «аналитического» и «оценочного» типов исторического сознания молодежи. Так, Аргентина, Эстония, Бельгия, Германия показали высокий уровень «аналитичности», в то время как подростки в России, Индии и ЮАР, а также в Швеции оказались более склонны к широким оценкам и меньшей рациональности ответов¹.

Другое исследование, проводившееся в 1992 г. в 9 европейских странах (России, Венгрии, Польше, Германии, Италии, Франции, Великобритании, Норвегии, Швеции) охватило 900 школьников в возрасте 14 лет. Главная цель заключалась в выявлении межкультурных сходств и различий в рамках общих тем по истории, исторических личностей и концептов исторического сознания. Критерием оценки выступали такие показатели, как состояние знаний, интересы, мыслительные ассоциации, ценности и отношения. Результаты исследования показали достаточно высокий уровень национального измерения исторического сознания молодежи. Так, термин «нация» получил принципиально различные толкования в Германии, Франции и Великобритании. Если немцы включали Великобританию в Европу, то сами англичане по данному вопросу заняли диаметрально противоположную позицию, а для молодых французов «европейской историей» была та, в которой Франция принимала самое непосредственное участие. Молодые норвежцы проявили низкий уровень сопричастности к евроистории. Еще большая этнически-ориентированная разница чувств наблюдалась в Восточной Европе и посткоммунистических странах. Так, поляки больше немцев обнаружили склонность к этноцентризму. Любопытно обратить внимание читателя на тот факт, что и в Польше, и в Германии слова «гордость» и «национальная гордость» – одни из самых популярных в ходе проведенного исследования. При этом для поляков восприятие «национальной гордости» имело положительный, альтруистический оттенок, а для немцев – негативный. Результаты проделанной работы показали неоднозначность инструментария в понимании исторического сознания, всегда растворенного в социокультурном и этнонациональном контексте проблем.

Относительно конкретных эпох и личностей исследование выявило преобладание национальной и этнонациональной специфики. Например, восприятие Средних веков было двойственным. С одной стороны, боль-

¹ *Borries B. von. Exploring the Construction of Historical Meaning... P. 29.*

шинство респондентов во всех странах указали на негативное значение эпохи. С другой стороны, каждая страна имела свой ракурс рассмотрения Средневековья. Например, в Германии наибольшая частота упоминаний была связана со Священной Римской империей, в Норвегии – с культурой викингов, в Польше – с воспоминаниями о Великой Польше, а в России – с царской властью. Для целей нашего исследования предельно важно выявленное отношение респондентов к колониализму и колониальной истории, поскольку это напрямую связано с проблемой этноцентризма.

Табл. 1. Ассоциации в отношении колониальной истории¹

Страна	Эксплуатация других стран	Содействие прогрессу	Предубежденность против других народов	Открытие	Утверждение превосходства белой расы
Россия	0,78	0,82	0,44	1,17	0,41
Венгрия	0,24	0,02	-0,07	0,28	-0,39
Польша	0,95	0,02	0,46	0,88	1,02
ФРГ	0,85	0,16	0,64	0,74	0,44
Италия	0,55	0,41	0,27	0,45	0,10
Франция	0,65	0,04	0,40	0,49	0,41
Великобритания	-0,17	0,27	-0,46	0,70	-0,25
Норвегия	0,95	-0,07	0,66	0,40	0,87
Швеция	0,68	0,37	0,45	0,66	0,77
В целом	0,61	0,23	0,31	0,64	0,38

Пределы ответов: от -2 до +2; N = 900 (студенты 9 европейских стран)

Ответы респондентов в Норвегии, Польше, Германии и Франции выявили отчетливую тенденцию к антиколониализму, в то время как в Великобритании и России оценки молодых людей представляются, по меньшей мере, двойственными.

Также мало различий было зафиксировано в отношении Великой Французской революции и Второй Мировой войны. Исключение составили польские студенты, которые причисляли СССР наравне с Германией к виновникам Второй Мировой войны и совсем исключали вину Великобритании и Франции. Последний факт представляется несколько неожиданным в силу известной позиции Англии и Франции во время нападения Германии на Польшу. Что касается отношения к Гитлеру и Холокосту, то

¹ Ibid. P. 34.

в данном вопросе позиции всех респондентов в Европе оказались однозначными.

Этноцентризм есть явление, связанное с глокализацией и регионализмом. Анализу последнего было посвящено внутригерманское исследование, предпринятое Й. Рюзенем в 1992 г. и охватившее 6480 студентов в Восточной Германии, Северной Рейн-Вестфалии и Южной Германии. Были выявлены глубокие различия между социал-демократически и консервативно настроенными учителями и высокий уровень этноцентризма и самоопределения у восточных немцев.

Принципиально важен один из выводов: «*этноцентризм в добавлении к «пониманию истории как субъекта», «историческому знанию», «способности к исторической переоценке», отражает четвертое измерение исторического сознания»*¹. Высочайший уровень этноцентризма был зафиксирован в России и Венгрии, а во Франции и Англии данный уровень был оценен исследователями как самый низкий. Судя по результатам исследования, большинство посткоммунистических стран в той или иной мере тяготеют к этноцентризму. Бодо фон Боррис приходит к выводу, что каждая национальная или этническая культура истории имеет множество измерений свободы и различные комбинации традиций и тип длительности. Им была выявлена преимущественно политическая значимость межкультурных исследований².

С начала 1980-х гг., а также в 1988, 1991–1992, 1996–1997 гг. локальные исследования молодежного исторического сознания проводились на историческом факультете Софийского университета (Болгария) под руководством профессоров Шопова и Биткова, доцентов Кушевой и Тодорова. На факультете были подготовлены и прочитаны курсы по дидактике истории³.

Проект Ю. Тодорова преследовал три основные цели: выяснение того, как ученики оценивают историю и преподавание истории; определение основных элементов и измерений исторического сознания учащихся; соотнесение исторических интерпретаций и политических представлений болгарских юношей и девушек. Исследование проводилось в 16 населенных пунктах Болгарии и основывалось на анкетах 583 человек. Существенное значение имели этнокультурные и религиозные факторы, поскольку население Болгарии включает в себя не только болгар, но и турок, а также

¹ Ibid. P. 47.

² См. подр.: *Borries B. von. Das Geschichtsbewusstsein Jugendlicher. Erste repräsentative Untersuchung über Vergangenheitsdeutungen, Gegenwartswahrnehmungen und Zukunftserwartungen von Schülerinnen und Schülern in Ost- und Westdeutschland.* München, 1995.

³ *Тодоров Ю.* Историческое съзнание на младежта – историко-дидактическа концепция за емпирично изследване // *История.* София, 1998. Г.6. б/р 4/5. С. 16.

болгар-мусульман. Важной социальной группой являются болгары-атеисты. Подобная дифференцированность болгарского общества, по-видимому, и является источником сильных этнокультурных и этноцентристских тенденций. В большей степени этноцентризм, основанный на религиозных представлениях, проявили молодые граждане Болгарии турецкого происхождения. Так, по вопросу о возможности эмиграции большинство респондентов-турок высказались положительно, в то время как большинство болгар – отрицательно. В отношении к «другим» турки снова отличились большей нетерпимостью¹. Сходные тенденции наблюдались и в оценках приобщения Болгарии к ценностям общеевропейской культурной идентичности. Если большинство молодых болгар однозначно одобряли данный процесс, то турецкая молодежь обнаружила явно отрицательное отношение. В этом мусульмане-болгары оказались очень похожи на православных молодых болгар. Таким образом, религиозная самоидентификация оказалась в Болгарии решающим фактором этноцентричных настроений и националистических тенденций². Впрочем, данный факт не удивляет, если принимать во внимание трагические страницы истории Болгарии и трудности ее борьбы за независимость в XIX в.

Наиболее масштабным проектом по изучению исторического сознания молодежи в Европе, дающим ценные представления об источниках этноцентризма и его формах, стал «Youth and history». Всего зимой 1994–1995 гг. и весной 1995 г. было опрошено 31000 учеников и 1250 учителей из 26 стран. Общая цель проекта – не просто сбор и интерпретация сведений об исторических знаниях учащихся, а анализ представлений молодых людей о прошлом и специфики их исторического сознания, степени евроисторичности последнего. Поставленные цели были реализованы в контексте трех исследовательских задач:

- исследования перспектив логики исторического сознания;
- выявление политической значимости роли исторического сознания в преодолении рисков европейского развития;
- педагогический анализ и формирование методологических инструкций для школ.

Однако в каждой стране и во всех рубриках исследования явно или неявно присутствовал центральный вопрос: сможет ли Европа в сознании (и с помощью исторического сознания) молодежи действительно преодолеть регионализм и национализм отдельных общностей и народов?

¹ Там же. С. 25.

² Там же. С. 28.

Учитывая масштабный характер проекта и его результатов¹, ограничимся лишь теми выводами, которые напрямую или косвенно касаются проблемы этноцентризма. Сразу укажем на тот факт, что в ходе исследования из общего числа опрошенных 52,1 % составляли девушки, а 47,9 % – юноши. Исследование выявило существенное влияние культурного протекционизма и традиционных националистических настроений, связанных с общей тревожностью ожидания будущего (в аналитических результатах даже употреблялся термин «катастрофические ожидания будущего»). Вместе с тем, как полагает хорватский исследователь Н. Блануса, есть основания утверждать и об «историческом прогрессизме», представляющем собой веру в прогресс, исторический оптимизм и желание учиться на ошибках прошлого своей страны и мира².

Только на Севере Европы традиционный национализм остался изолированным от других элементов исторического сознания и, судя по материалам исследования, занимает скромное место в представлениях молодых людей. В Западной Европе традиционный национализм сохраняется и выражается в большом значении позитивных ассоциаций по отношению к историческим периодам. Наименьшая связность и целостность исторического сознания выявлена в Восточной Европе, где этнонациональные факторы оказались весьма высокими, в то время как в странах Центральной Европы националистические и этнонациональные настроения были глубоко взаимосвязаны с либерально-демократическими ценностями.

В целом ученые склонны расценивать подобную популярность этнонациональных представлений как проявление скепсиса молодых людей в отношении единства европейской цивилизации и европейской государственности. Одним из источников подобных представлений, на наш взгляд, необходимо считать влияние учителей. Исследование показало высокую роль интерпретаций прошлого, транслируемых педагогами своим ученикам. Роль учителей оказалась на второй позиции в списке наиболее важных источников знаний о прошлом по оценкам европейской молодежи, их обогнали только учебники по истории. По мнению Бодо фон Борриса, данный факт является, по-видимому, неизбежным и вполне объяснимым³.

¹ См. подр.: Angvik M. & von Borries B. (Eds.) *Youth and History: A comparative European survey on historical consciousness and political attitudes among adolescents*. Vol. A: Description; Vol. B: Documentation. Hamburg, 1997.

² *Blanuša N. Historical consciousness of young people in Europe at the turn of the Millenium // Politička misao*. Vol. XLII (2005). № 5. P. 46.

³ *Borries B. von. Methods and Aims of Teaching History in Europe. A Report on Youth and History // Knowing Teaching and Learning History, National and International Perspectives / Peter N. Stearns, Peters Seixas, Sam Wineburg (eds.)*. New York & London, 2000. P. 247.

Он также полагает, что необходимо говорить о различных культурах преподавания истории¹. Сходным образом дело обстоит и в Канаде, где проблемы этноцентризма, взаимоотношений франкоговорящих и англоговорящих канадцев всегда оставались в центре общественного внимания. Примером может служить ситуация с историческим сознанием в Квебеке, где исследователями в последние годы отмечено удивительное несовпадение «*оптимистических и полных надежд*» учебников истории Канады и «*меланхолических тенденций*» в представлениях о прошлом среди квебекской молодежи, обучающейся по данным учебникам. Квебек, по мнению учеников – это жертва британской оккупации и ассимиляции². Итогом исследования явилось обоснование факта активного воздействия учителей, формирующих у молодых жителей Квебека вариант исторической памяти, слабо согласующийся с официальной версией учебников.

Возвращаясь к проекту «Youth and history», отметим, что в ответах на вопрос о целях исторического обучения учащиеся не выбрали распространение демократических ценностей, которые по праву могут считаться одним из источников преодоления этнонационального регионализма. Наоборот, опрошенные педагоги посчитали данную цель одной из самых приоритетных. Показатель «*познание традиций, характеристик, ценностей и задач нашей нации и общества*» практически совпал с показателем «*поиск знания о наиболее значимых фактах прошлого*» (3,96% и 3,99% соответственно у учеников и 3,21% и 3,61 % – у учителей)³.

Подводя итоги анализа данного проекта со стороны проблемы этноцентризма и выражаясь языком теории типов исторического сознания Й. Рюзена, отметим, что учащимся в Северной Европе более присущ критический тип нарратива о прошлом, в Южной и Восточной Европе молодежь склоняется к традиционному, а в Великобритании, Норвегии и Болгарии – к генетическому⁴.

«Youth and history» и похожие на него европейские локальные проекты не исчерпывают всей палитры роста интереса к историческому сознанию молодежи. В 1989 и 1999 гг. в ЮАР было проведено лонгтюдное исследование, направленное на выявление элементов национализма и расизма в историческом сознании студентов. Исследование 1999 г. также было призвано выявить статус понятия «южно-африканская нация» у студентов-историков

¹ Ibid. P. 248.

² *Létourneau J., Moisan S.* Young people's Assimilation of a collective Historical Memory: A Case Study of Quebecers of French-Canadian Heritage // *Theorizing historical consciousness.* Toronto, 2004. P. 112.

³ *Borries B. von.* Methods and Aims of Teaching History in Europe... P. 249.

⁴ Ibid. P. 254.

первого курса¹. Вслед за Й. Рюзенем, исследователь У. Ван Бик подчеркивала не только гносеологические, аксиологические, но и праксиологические функции исторического сознания как средства избавления от расистского мышления. Методология анализа была полностью ориентирована на проект «Youth and history». В опросе приняли участие 223 респондента, две трети из которых уверенно отмечали связанность всех трех времен (прошлое, настоящее и будущее) как предмета истории.

Для избранной темы важно отметить, что результаты южноафриканского исследования показали наличие элементов апартхеида в сознании южноафриканцев, что, однако, компенсировалось стремлением к переменам и к осознанию себя как «южноафриканской нации». Три четверти молодых южноафриканцев полагали, что расизм не исчез и в той или иной форме может возродиться², т.е. налицо некоторые ожидания апартхеида. Выводы исследования, по мнению У. ван Бик, убедительно свидетельствуют о наличии элементов этноцентризма при общем движении сознания в сторону расовой гармонии³.

Сходные выводы были сделаны и в труде И. Вассермана. В исследовании 2006 г. приняли участие 49 человек из южноафриканских школ в англоговорящей части ЮАР. Все респонденты были белыми, а 96% из них причисляли себя к христианам.

Был выявлен противоречивый характер этноцентризма в представлениях южноафриканской молодежи. С одной стороны, мировая история для них более интересна, чем южноафриканская, с другой стороны, 66% опрошенных идентифицировали себя с Африкой и африканской культурой. Наибольший интерес в изучении истории занимала тема апартхеида и его преодоления. Южноафриканскую молодежь (87,3 % опрошенных), как и их сверстников в США и Европе, интересовали история семьи и генеалогия, что подтверждает многочисленные мнения о росте внимания к семейной истории в современном мире⁴.

Интересно заметить, что респонденты оценивали политические изменения в ЮАР после 1994 г. не только как рост справедливости и свободы,

¹ *Van Beek U.* Youth in the New South Africa: A Study of historical consciousness // Pol. sociol. bull. Wroclaw etc., 2000. № 3. PP. 339–354.

² *Ibid.* P. 351.

³ *Ibid.* P. 353.

⁴ Сравним: *Wasserman J.* The historical consciousness of Afrikaner adolescents... P. 154; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю... С. 111, 158; Историческая память населения России (материалы «круглого стола») в РАГС при Президенте РФ 20 ноября 2001 г. // Отечественная история. 2002. № 3. С. 200; *Утенков В.М., Закалин А.С.* Об историческом сознании студенческой молодежи // СОЦИС. 2000. № 6. С. 122.

но и как новый виток расизма¹. По мнению Й. Вассермана, представленные факты показывают существенное сохранение ожиданий возвращения расизма в ЮАР. Об этом также свидетельствует и высокий уровень ожидания этнических конфликтов в будущем². Специфичными представляются ответы на вопрос о приоритетах сохранения «наиболее важных мест» в городе в случае строительства хайвея. Первое место заняли парковые птицы, затем с большим отрывом респонденты назвали старые церкви и исторические места³.

Укажем на кросс-культурное исследование, проведенное группой ученых из ФРГ и России под руководством Й. Рюзена и В.М. Немчинова при поддержке немецкого фонда научных исследований в 2000 г. Проект был призван охарактеризовать особенность самоидентификации учащихся в Германии и России, выявить особенности воспроизведения «Другого», в том числе и осознание прошлого как «Другого». Результаты данного исследования представляют интерес. Так, при ответе на вопрос: «*Представьте, что Вы ненадолго сможете вернуться в любое прошедшее историческое время. Тогда в какое конкретно время Вы вернулись бы?*», подавляющее большинство наших подростков отметили Россию. Это позволило исследователям вполне обоснованно говорить о наличии чувства острого осознания исторической связи с Родиной. Также участники проекта отметили высокий уровень стремления российских учащихся изменить прошлое, вернувшись в него. При этом в ответах зачастую прослеживались совершенно взаимоисключающие друг друга смыслы, что в принципе характерно для массового исторического сознания, тем более в ситуации нивелирования различных источников знания о прошлом (школа, СМИ, сверстники).

Вместе с тем, изучение типов интерпретации прошлого показало преобладание отстраненности. Любопытно, что большинство подростков как в Германии, так и в России отдали свои предпочтения XX в. Особенно интересны выводы, касающиеся пространственно-культурной самоидентификации. Подводя итоги анализа, В.М. Немчинов отмечает: «...самоидентификация у русских подростков «по привязке» к своей стране встречается более чем в два раза чаще, чем у немцев...»⁴. Немчинов заключает, что «*Национальность*

¹ *Wasserman J.* The historical consciousness of Afrikaner adolescents – A small scale survey // *Historical consciousness – historical culture.* International Society for History Didactics 2006 / 2007 Yearbook. Schwalbach, 2008. P. 156.

² *Ibid.* P. 157.

³ *Ibid.* P. 157.

⁴ *Немчинов В.М.* Эмпирическое исследование исторического сознания подростков в Германии и России // *Славяно-германские исследования* / отв. ред. А.А. Гугнин, А.В. Циммерлинг. М., 2000. С. 602.

в России намного менее связана с принадлежностью к социуму, чем в Германии. Социум в глазах подростков гораздо более тесно связан с субнациональной принадлежностью к своей команде, своей школе, своему району и семье»¹.

В 2003–2005 гг. Т.П. Путятин (БелГУ) провела исследование, охватившее 980 школьников. Было выявлено преобладание «традиционно-русских ценностей»². Приведем таблицу из работы названного автора.

Табл. 2. Ценности, которыми должны руководствоваться россияне (в % к общему массиву)

Традиционно русскими (коллективизм, вера в добро, справедливость, совестливость)	38,2
Западными (индивидуализм, эгоизм, преобладание «я» над «мы», практицизм)	3,0
Советскими (модернизированными традиционно русскими)	5,5
Западными и традиционно русскими	14,3
Традиционно русскими и советскими	14,3
Русскими, западными, советскими	12,3
Другими	1,0
Затрудняюсь ответить	9,9

Сопоставляя результаты различных по своей направленности и объему выборки исследований по всему миру, в отношении интересующей нас проблемы этноцентризма можно сделать несколько выводов:

- Во-первых, несмотря на наличие неких общих моментов в историческом сознании молодежи, на сегодняшний день трудно говорить о едином содержании этноцентризма в нем. Это связано с тем, что элементы этноцентризма зависят от специфики конкретной территории проживания, социокультурного контекста, типа политической системы и уровня социально-экономического развития.

- Во-вторых, проблема этноцентризма в историческом сознании молодежи оказывается в фокусе внимания во второй половине XX в. и новом тысячелетии только в тех странах, где этнонациональные отношения обострены (Германия, Болгария, Эстония, ЮАР, Канада).

- В-третьих, основным источником этноцентризма в историческом сознании молодежи является учебная деятельность. Ключевую роль в формировании исторических представлений учащихся играют преподаватели

¹ Там же. С. 603.

² *Путятин Т.П.* Состояние исторического сознания современных школьников // Социология власти: журнал социологического центра РАГС. 2007. № 5. С. 110.

и учебники. Вторым по значимости источником сохранения и развития этноцентризма продолжает оставаться семейная память.

- В-четвертых, несмотря на сложность выявления универсальной структуры этноцентризма в историческом сознании молодежи, на основе имеющихся зарубежных и отечественных исследований возможно определение сходных признаков и характерных черт, позволяющих наметить в дальнейшем универсальную типологию форм этноцентризма и его сущность.

Анализ имеющихся к настоящему времени публикаций позволяет говорить о наличии как минимум трех уровней в историческом сознании молодежи: субнационального, национального и сверхнационального. Это и объясняет главную проблему в формировании равномерного, сбалансированного отношения к этноцентричному взгляду на прошлое – проблему совмещения региональной, национальной и глобальной истории. Однако содержательное наполнение каждого из уровней зависит от конкретного положения субъекта исторического сознания в социальном времени и пространстве, истории страны, ее исторической культуры. Это подтверждается исследованиями немецких, болгарских, южноафриканских и российских ученых, убедительно показавших, что типы и формы этноцентризма в историческом сознании молодежи могут зависеть от религиозных (Болгария, ЮАР), политических (ФРГ, Россия), лингвистических (Эстония, Квебек) и антропологических (ЮАР, ФРГ) факторов. В транзитивных, трансформирующихся обществах (например, в посткоммунистических странах Восточной Европы) интенсивность этнонациональных интерпретаций истории у молодых людей значительно выше, чем в обществах стабильного типа (Западная Европа). Сходным моментом, имеющим универсальное значение, выступает и тематический интерес детей и юношества. Речь идет об отсутствии равномерного взгляда на историю не только всего мира, но и своей страны. Наибольшей популярностью пользуются яркие эпохи в истории своего отечества, зачастую связанные с ростом его значения на мировой арене, культурными или военными достижениями. Этноцентризм проявляется в стремлении молодых людей по-иному рубрицировать хронологические границы той или иной эпохи или столетия. Также можно говорить о различном понимании роли пространства как символа этноцентризма в историческом сознании молодежи. В России пространственная локализация молодого человека (дом, улица, район, город) оказывает гораздо большее влияние на его историческое сознание, чем в ФРГ. Несмотря на универсальное значение учебной деятельности и семейной памяти, специфика этноцентризма в историческом сознании молодежи существенно различна и лишь в некоторой степени сопоставима, всегда завися от перипетий региональной исторической культуры.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОКАХ КОНФЛИКТОГЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ¹

Вряд ли возможно установить одну определяющую причину, порождающую конфликты интерпретации национальных историй. В данной статье мы попытаемся обратить внимание на аспекты, которые носят характер, обычно неосознаваемый профессиональным сообществом в рамках «нормальной» науки. Среди этих аспектов, как представляется, можно выделить два: это тема функций исторического знания в культуре и форматов, посредством которых истории создаются. Совокупность операций, применяемых для создания таких историй, Хайден Уайт метко обозначил термином «осюжечивание» (emplotment). Как отмечал американский мыслитель, *«под осюжечиванием я подразумеваю просто представление фактов, содержащихся в хронике, как компонентов тех или иных видов сюжетных структур»*².

Будем утверждать, что эти темы взаимосвязаны и даже взаимно обуславливают друг друга. Иначе говоря, цель определяет средства, и наоборот, средства, устоявшись, блокируют или деформируют возможность использования той или иной информации для иных целей. С этой точки зрения форма не является нейтральной по отношению к содержанию. Тем самым типы конфигурации будут обуславливать общую организацию, распределение и селекцию эмпирического материала. Этот тезис был актуализирован Уайтом по поводу приемлемых способов описания событий XX в. (Холокост, ГУЛАГ): *«Есть ли какие-либо границы у тех видов повествований, что могут взять на себя ответственность за рассказ об этих феноменах. Могут ли эти события с равной степенью ответственности быть воплощены в любом из модусов, символов, типов сюжетов, жанров, которые наши культуры используют для «придания смысла» столь экстремальным событиям нашего прошлого»*³.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-6968.2015.6 «Политика памяти в условиях междивизиационного противостояния».

² *White H. Historical Text as Literary Artifact // H. White. The Tropics of Discourse. Madison, 1978. P. 83.*

³ *White H. Historical Emplotment and the Problem of Truth // The History and Narrative Reader / Edited by Geoffrey Roberts. London, 2001. P. 375.*

Конечно, забегая вперед, следует отдавать себе отчет в том, что данный тезис уже является выражением определенной теоретической позиции. Как справедливо отметил тот же Уайт, представление, что «форма, в которой исторические события себя презентуют потенциальному рассказчику более открывается, чем создается», характерна для тех, кто убежден, что «содержанием исторических рассказов более являются события реальные, события, что действительно имели место, чем воображаемые события»¹. В рамках данной статьи мы не будем обосновывать конструктивистскую точку зрения, являющуюся основанием принимаемой нами позиции, а примем ее как предпосылку последующих рассуждений. Для историка отторжение или принятие данной позиции будет являться скорее результатом собственного рефлексивного опыта.

Не случайно было подчеркнuto, что вышеописанные темы зачастую не являются объектом рефлексии для профессионального сообщества. Дело, конечно, не в том, что пишущий не знает, для чего и как пишутся истории. Дело, скорее, в том, что как цели, так и средства зачастую представляются, так сказать, самоочевидными. Иначе говоря, кажется, что если история как вид знания существует, то она может быть только такой и только для таких-то целей. Парадоксальным образом сообщество, будучи исторически мыслящим по отношению к объекту своей деятельности, оказывается аисторичным по отношению к ее контексту. Поэтому ощущение, что «дела пошли не так», выливающееся, как правило, в тезис о кризисе исторической науки, может быть обусловлено именно утратой значимости тех или иных целей и неспособностью вообразить возможность другой ценности знаний о прошлом.

Наиболее категоричным можно считать нашумевший в свое время тезис Михаила Бойцова о связи целей и форм написания историй с существованием весьма определенной социальной структуры, размывание которой привело к утрате значимости тех видов знания, которые эту структуру обслуживали². Если это так, то резонным было бы начинать обсуждение темы кризиса исторической науки с переосмысления актуальности тех целей, ради которых она существует в культуре.

В конкретизации вопроса о целях или функциях исторического знания в культуре оттолкнемся от рассуждений немецкого исследователя Йорна Рюзена. Правоммерно полагая, что именно нарративизация формирует поле

¹ White H. The Question of Narrative in Contemporary Historical Theory // History and Theory. 1984. Vol. 23. № 1. P. 2.

² См.: Бойцов М.А. Вперед, к Геродоту! // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. С. 17–41.

исторического сознания, придавая смысл опыту времени, он видит предназначение исторических нарративов в том, что они организуют и упорядочивают опыт прошлого (опыт прошлого времени), обеспечивая тем самым осмысленность настоящего времени и будущих перспектив; обеспечивают связность трех временных изменений посредством концепта непрерывности и, наконец, именно благодаря идее непрерывности формируют идентичность (стабильность во времени) авторов и слушателей нарративов¹.

В своих работах с середины 2000-х гг. Рюзен подчеркивает, что, по крайней мере, одна из задач, которую решали исторические нарративы, все более ставится под вопрос. Причина в том, что *«растущая плотность межкультурной коммуникации бросает вызов исторической мысли»*, а именно традиционным способам формирования идентичности². В чем причина? Рюзен полагает, что дело в самом способе ее конституирования. Он использует для его обозначения понятие этноцентризма как проявления асимметричного и ценностно нагруженного отношения между «своим» и «чужим»³. Иначе говоря, «свое» трактуется как позитивное, а «чужое» – как негативное. Причина такого положения дел кроется не только и не столько в намеренно проводимой идеологии, а в самом способе самоопределения. Недаром автор подчеркивает, что *«этноцентризм (во всех его формах) квази-естественным способом присущ человеческой идентичности»*⁴.

Дело в том, что идентичность любого предмета строится посредством полагания различий. Ответ на вопрос «что это?» возможен лишь путем помещения определяемого предмета в сеть отношений, построенных на полагании тех или иных вариантов различений. Достаточно вспомнить семиотический квадрат Альгидраса Греймаса и, кстати, его роль в конституировании нарратива⁵. Уделить этому внимание стоит для того, чтобы осознавать всю сложность преодоления этноцентризма, поскольку истоки его оказываются укорененными в структурах мышления как такового.

С присущей ему педантичностью Рюзен конкретизирует логику реализации этноцентристской культурной стратегии. Она воплощается, во-первых, в асимметричном распределении позитивного и негативного в характеристике «своего» и «чужого», причем одна сторона отношения потому и ста-

¹ Rösen J. History: narration, interpretation, orientation. Berghahn Book, 2005. P. 10, 11.

² Rösen J. How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century // History and Theory. 2004. Vol. 43. № 4. P. 118, 119.

³ Rösen J. How to make sense of the past – salient issues of Metahistory // The Journal for Transdisciplinary Research in Southern Africa. 2007. Vol. 3 № 1. P. 181, 182.

⁴ Rösen J. How to make sense of the past... P. 181, 182.

⁵ См., к примеру: Prince G. A dictionary of narratology. SCOLAR PRESS. 1988. P. 85.

новится «чужим»), чтобы оттенить значимость «своего» и, наоборот, вторая становится своим за счет полагания иного как «чужого». Во-вторых, этноцентризм подразумевает телеологическую непрерывность ценностной системы, формирующей идентичность. Иначе говоря, то или иное сообщество предстает некоторой сущностью, неизменной с момента своего происхождения и непрерывно длящейся во времени, с предположением, что эта сущность и далее будет такой же. Ну и наконец, в-третьих, этноцентризм строится на моноцентричной пространственной организации своей собственной жизни, когда предполагается, что собственная культура находится в центре и тем самым является доминирующим объектом интереса, в то время как все остальное остается периферией с соответствующей степенью внимания к ней¹.

Нет нужды спорить с тем, что доминирующей формой этноцентризма и по сей день остается европоцентризм, если не на уровне идеологии, то на уровне тех или иных практик. Столь же нет нужды спорить с тезисом Рюзена о том, что такой подход в современных условиях неизбежно ведет к «столкновению цивилизаций», причем как в сфере практической, так и в области академических исследований². Что касается последнего, как справедливо замечает Рюзен, хотя академический дискурс характеризуется определенной дистанцией от практической жизни, но когда тема идентичности проникает в академическую сферу, такая дистанция становится проблематичной: *«Никто не может быть нейтральным, когда твоя собственная идентичность ставится под вопрос»*³.

Возможно, что складывание национальных государств или государственных наций должно было усилить этноцентристские тенденции как в практике, так и в соответствующих формах дискурсов посредством актуализации уже не только своих различий с «внешними другими», но и унификации внутри. В итоге, как отметил Бенедикт Андерсон, *«сама идея «нации» прочно угнездилась ныне практически во всех печатных языках, а национальность стала практически неотделимой от политического сознания»*⁴.

Рюзен справедливо предостерегает от упрощенного подхода к решению проблемы. Резонно, что простое переворачивание оппозиций доминирование/подавление, центр/периферия задачи не решит. *«Большинство попыток критиковать западный этноцентризм и заменить его просвещен-*

¹ Rüsén J. How to make sense of the past. P. 182–184.

² Rüsén J. How to Overcome Ethnocentrism. P. 119.

³ Rüsén J. How to Overcome Ethnocentrism. P. 128.

⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 153.

ным образом незападных культур только воспроизводят этноцентризм самой критикой его западной манифестации»¹.

Бесспорно, что этноцентризм как подчеркивание не столько различий как таковых, сколько позитивности своего за счет негативного иного, является одной из основных причин «столкновения цивилизаций». Обсуждение условий и способов его преодоления или ограничения предполагает анализ условий и причин его генезиса. Что касается его идейных оснований, то, как представляется, этноцентризм следует рассматривать как одну из форм проявления более общей моноцентристской логики, связанной с убеждением, что имеют место быть сущности, более значимые, чем другие, и что их наличие носит абсолютный, неподвластный времени характер. В социальной реальности они могут быть связаны с нацией, классом, полом, верованиями. В постмодернистской философии такой стиль мышления принято именовать метафизическим. Ричард Рорти в свое время назвал это убеждением в возможности сказать последнее и окончательное слово.

Резонно предположить, что именно убеждение в существовании тех или иных окончательных истин должно было обусловить как определенную трактовку истории, так и определение ее значения, более того, произвести сам проект такой истории. В рамках конструктивистского подхода мы могли бы утверждать, что определенные социально-культурные потребности в столь же определенный период не только обусловили определенные представления о характере истории и ее роли в жизни, но и превратили их в убеждение, что такова сама историческая действительность (вернее в убеждение, что существует историческая действительность и она именно такова). Американский исследователь Луис Минк назвал бы такой подход верой в существование «нерассказанной истории»².

Какими же предстают история и ее культурная ценность с таких позиций? Как правомерно отметил Жак Деррида «*«Линия» – это лишь одна из моделей, хотя и имеющая свои преимущества. Она стала (и осталась) образцом выше всякой критики. Если принять, что линейность речи неразрывно связана с расхожим мирским понятием временности (однородной, подчиненной форме данного момента) и идеалу непрерывного движения по прямой линии или по кругу) ... , тогда размышление о письме и деконструкция истории философии становятся неотделимыми друг от друга*»³.

¹ *Rüsen J. Tradition: A Principle of Historical Sense-Generation and Its Logic and Effect in Historical Culture // History and Theory. 2012. Vol. 51. № 4. P. 58.*

² *Mink L.O. Narrative Form as Cognitive Instrument // L.O. Mink. Historical Understanding, ed. by Brian Fay, Eugene O. Golob, and Richard T. Vann. Ithaca and London, 1987. P. 188.*

³ *Деррида Ж. О грамматологии. М, 2000. С. 221.*

Если спроецировать эти рассуждения на трактовки истории, то можно говорить об истолкованиях прошлого как некоторого непрерывного и относительно однородного процесса. Поэтому суждения о связи прошлого, настоящего и будущего в таком контексте обычно интерпретируются как прямая преемственность. Настоящее выступает простым продолжением прошлого и обусловленным им. С позиций конструктивизма такой подход выглядел бы скрытой ретроспективой, когда подразумевается, что сущности, значимые (или предполагаемые, что они обладают значимостью) в современности, существовали в таком же виде в прошлом. Исторический процесс с такой точки зрения подавался бы как становление, развитие или продолжение существования тех или иных сущностей (идентичности, к примеру), а разрывы воспринимались бы как поверхностные эффекты, не затрагивающие трансформаций их природы. В таком контексте время фактически представляло бы лишь оболочкой, так сказать, простым измерением длительности процессов.

Собственно такие интерпретации, прямо не декларируемые, но фактически реализуемые, выступают вариациями телеологического видения истории. Конечно, большая телеология в виде учения о всемирно-историческом прогрессе в целом себя дискредитировала, что и нашло свое выражение в тезисе о конце мета-нарративов. Но судя по всему, в конкретном историческом дискурсе она распалась на множество локальных телеологий, повествующих о становлении наций, идентичностей и тому подобных сущностей, и продолжает оставаться моделью для создания тех или иных исторических нарративов.

На поданную в таком виде историю возлагается весьма определенная, хотя и не всегда эксплицируемая функция. Для ее обозначения можно использовать понятия обоснования или оправдания. Иначе говоря, прошлое должно выступить обоснованием или оправданием современности, так сказать, условием её легитимации. Понятно, что с позиций конструктивизма такой подход является по сути проекцией современных ценностных установок в прошлое. Гегель охарактеризовал бы это положение дел как такое, когда *«дух автора и дух тех действий, которые он описывает, тождественны»*¹, но не потому, что автор еще не вышел за пределы предмета своего описания, а в силу убеждения, что писать историю можно только так, а не иначе (тему сознательных исторических спекуляций оставляем в стороне).

Резонно предположить, что данный подход к пониманию прошлого и его значения в современности задает определенные способы форматирования или конфигурации прошлого. Рюзен правомерно отметил, что *«нет*

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 58.

пути создания истории без использования критериев успеха или провала, которые всегда обладают нормативным измерением»¹. Нарративные формы, в которые и по сей день облачается прошлое, хорошо известны. Это повествования о победах или поражениях, как правило, принимающие эпическую или трагическую формы. Не обязательно, что успехи и провалы подаются в буквальном виде как, допустим, в политической истории, где они поистине превращаются в «саги о великих личностях и государствах»². Это могут быть повествования об испытаниях, происхождении, приобретениях или освоениях.

Вышеописанный нарративный формат может носить имплицитный характер, выступая некоторой концептуальной подразумеваемой рамкой, задающей выбор соответствующего языка, характер тем и проблем, селекцию источников и т.д. С этой точки зрения конкретные работы по конкретным и частным темам могут быть внешне ненарративными, но частями общего нарратива. Важно то, что данная нарративная конфигурация предполагает весьма определенное распределение акцентов. Введение и характеристика субъекта наррации с неизбежностью будет разворачиваться по оси, конституированной и конституирующей оппозицию герой/антигерой; победитель/побежденный; позитивное/негативное и т.д. Так, дискуссия о том, кто является автохтоном, уже располагается в контексте нарратива о доминировании или приоритете.

Нетрудно заметить, что данное прочтение прошлого предполагает определенное следствие. Победителем можно быть лишь за счет кого-то еще. Кто-то с неизбежностью должен трактоваться как проигравший. Такая интерпретация прошлого кажется вполне правомерной в том, что соответствует «порядку вещей», а потому воспринимается не как интерпретация, а как констатация течения самой исторической жизни. Проблема в том, что такая форма нарративного описания прошлого сама по себе программирует конфликтную ситуацию, актуальную или потенциальную. Писать истории подобным образом – значит заранее обрекать себя на конфликт. Иначе говоря, конфликтотенный потенциал национальных историй может быть обусловлен теми нарративными форматами, которые сообщество историков или обществом в целом воспринимаются как единственно возможное воплощение истории.

¹ *Rüsen J. Criteria of Historical Judgment // Historical Truth, Historical Criticism and Ideology. Chinese Historiography and Historical Culture from a New Comparative Perspective / ed. by H. Schmidt-Glintzer, A. Mittag and J. Rüsen. Brill Leiden – Boston. 2005. P. 134.*

² *Furet F. From narrative history to problem-oriented history // The History and Narrative Reader / Ed. by G. Roberts. Routledge, 2001. P. 270.*

Деррида справедливо подчеркнул, что надо «*пытаться избежать простой нейтрализации бинарных оппозиций метафизики и вместе с тем – простого укоренения в запертом пространстве ее оппозиций, согласия с ним*». ¹ Этот тезис мы можем воспринимать как методологическое указание, в каком направлении двигаться для преодоления вышеописанного конфликтного потенциала тех или иных историй.

Прежде всего стоит указать на освобождающий потенциал конструктивизма, который заключается не просто в осознании, что мы имеем дело лишь с текстами, а не с самой исторической реальностью, а в том, что историческая реальность только такими текстами создается и для нас существует только в них. При этом задача конструктивизма заключается не в пропаганде безбрежного релятивизма и скептицизма, а в освобождении от опасной иллюзии, что существует некий естественный порядок вещей, а в данном случае, что истории можно писать только так, а не иначе, что их функции в культуре могут быть только такими, а не иными, а осуществляться только таким образом, а никаким иным.

Мысль Дерриды подразумевает, что такое освобождение не означает простого переворачивания оппозиции. С этой точки зрения сам по себе критический анализ существующих нарративов еще не означает решения проблемы, если он подразумевает простую перемену мест членов оппозиции. Задача заключается в осознании их социально-культурной (исторической) обусловленности, которая должна облегчить возможность выхода за пределы самих этих оппозиций.

Данный подход находит свое выражение в путях преодоления этноцентрической логики, предложенных Рюзеном. Он обозначает их как принципы равенства или взаимного признания различий, исторического развития и полицентризма². Что касается первого, то Рюзен справедливо отмечает, что признание различий еще не означает полагания их ценностного распределения по полюсам низшее/высшее, свое/чужое. Что касается второго, то он предстает реализацией требования историчности в описании национальных историй, а именно осознания идеологической подоплеки телеологических версий таких историй. Что касается третьего, то он выступает реализацией права на свою собственную перспективу в видении прошлого³.

Можно двинуться дальше, поставив вопрос о способах конструирования самой идентичности, в частности, о возможности множества идентич-

¹ Деррида Ж. Позиции... С. 71.

² Rüsén J. How to make sense of the past. P. 187.

³ Rüsén J. How to make sense of the past. P. 187–189; Rüsén J. How to Overcome Ethnocentrism. P. 125, 126.

ностей, историчности их формирования и т.д., подразумевая историчность национальной идентичности. Эта тема необходимая в обсуждении направлений преодоления культурных конфликтов, но выходящая за пределы данной статьи. Поэтому в заключение мы сосредоточимся на вопросе о роли исторического знания в этом процессе.

В рамках конструктивистского подхода мы можем предположить, что описание прошлого как непрерывного процесса, переходящего в современность, является лишь одной из интерпретативных версий. Естественно, что утверждать о ложности такой версии стоит с большой осторожностью. Если ложность отождествляется с соответствием т.н. «исторической реальности», то конструктивист должен остерегаться использования подобного рода аргументов. Его аргументативный ресурс может быть связан лишь с когерентистским или прагматическим подходами. В частности, мы можем говорить о податливости тех или иных версий прошлого мифологическим или идеологическим манипуляциям, подразумевая под ними не прямую намеренную фальсификацию, а опасные формы создания и использования знания. Как справедливо отметил Ролан Барт, *«миф ничего не скрывает и ничего не демонстрирует – он деформирует; его тактика – не правда и не ложь, а отклонение»*¹.

Но, в любом случае, если мы опираемся на установки конструктивизма, то можем предполагать, что в обсуждении данной темы отталкиваться надлежит от идеи функциональности любого знания. Если знание, особенно социально-гуманитарное, обусловлено характером ценностных ориентиров, то первоначально надлежит разобраться в правомерности их выбора. Тогда вряд ли прошлое может нам помочь в их обосновании, поскольку само является продуктом интерпретаций. В этом отношении, как справедливо отметил Кейт Дженкинс, все ценности носят внешний характер². Если это так, тогда необходимо поставить вопрос о другом способе связи знаний и ценностных ориентиров (какими бы они ни были).

Резонно предположить в таком контексте, что использование прошлого для обоснования настоящего вступает в противоречие с представлениями о внешнем характере ценностей и обусловленности знания его применением. Полагать, что знания о прошлом могут помочь в обосновании современных ценностных установок (к примеру, в виде тезиса о том, что сама историческая реальность к ним ведет), значит сохранять веру в существование не-

¹ Барт Р. Мифологии. М., 1996. С. 255.

² Jenkins K. The end of the affair: On the irretrievable breakdown of history and ethics // Rethinking History: The Journal of Theory and Practice. 2007. Vol. 11 № 2. P. 276.

рассказанных историй, в наличие исторической реальности самой по себе, да еще и телеологически ориентированной. Тот же подтекст будет лежать в основе попыток использовать прошлое как прямую иллюстрацию тех или иных ценностных ориентиров. Но если ценности современности опереться на прошлое не могут, то могут, по крайней мере, предоставить позицию, с которой мы это прошлое можем обзирать (выделять значимое).

Тогда стоит полагать, что правомернее рассматривать историю не как непрерывность, а как серию разрывов, и ставить вопрос не о близости прошлого и настоящего, а о дистанции между ними. Это означает признание (а точнее сказать, что резоннее признать) того, что прошлое может быть в той или иной степени чуждо нам, что они – это не мы, что их убеждения могут быть далеки от наших и что даже если наши цели сходны, то пути их достижения могут радикально различаться. Бесспорно, что решение вопроса о преемственности или разрывах в тех или иных контекстах может быть лишь следствием исследования, а не его априорной предпосылкой. Но конкретно-историческое исследование и концепция истории – это разные вещи. Последняя будет определяться нашими представлениями о характере современности, а в более общем смысле – характером наших представлений о специфике человеческого бытия.

С другой стороны, понятно, что провозглашение радикальной чуждости нам прошлого поставило бы вопрос о значении исторического знания для нас, а по сути, было бы обратной стороной концепции истории как непрерывности. Иначе говоря, сохраняло веру в существование исторической реальности самой по себе. Поэтому в рамках конструктивистского подхода задачей становится, во-первых, определение тех форм значимости исторического знания для современности, которые могли бы оказать сопротивление идеологической ангажированности или мифологической доверчивости, а во-вторых, поиск приемлемых форматов исторического знания, которые могли бы сохранить его значимость и избежать тех следствий, что порождаются концепцией истории как непрерывного процесса. Проблема не в отрицании наличия побед и поражений в ходе истории, а в расстановке акцентов. Одно дело радоваться успеху, другое – определить его цену (в частности, актуальные или потенциальные последствия).

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ И СОВЕТСКИЙ ОПЫТ

Михайлов Д.А.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ИСТОРИОГРАФИИ СИБИРИ XIX В.

Процесс утверждения национальных государств в Европе XIX в. сопровождался масштабным переосмыслением исторического нарратива. Политические образования нового типа нуждались в легитимизирующих культурно-исторических обоснованиях: требовалось представить население страны как универсальный совокупный политический субъект, наделить его единой волей и связать с престижными персонажами и событиями прошлого. Соответственно не последняя роль в конструировании национальной идентичности отводилась историческому знанию. История начинает выполнять важную политическую функцию, национальный дискурс становится частью исторических исследований¹, что особенно ярко проявилось в изучении древностей².

В этой связи историческая наука Российской империи XIX в. представляет особый интерес. Национальный дискурс оказал значительное влияние на становление российской археологии и способствовал ее институционализации как науки³. Свойственные империям культурная пестрота и неравномерность модернизационных процессов порождали большое разнообразие форм национального дискурса, благодаря чему в интересе к древнему прошлому соприкасались и конкурировали как развитые, так и только за-

¹ Смит Э. Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002. С. 236–238.

² См.: *Silberman N.A.* Between Past and Present: Archaeology, Ideology, and Nationalism in the Modern Middle East. New York, 1989; *Stiebing W.H.* Uncovering the Past: a History of Archaeology. New York, 1994; *Diaz-Andreu M., Champion T.* Nationalism and archaeology in Europe: an Introduction // Nationalism and Archaeology in Europe. Diaz-Andreu, M. and Champion, T. (eds). London, 1996; *Шнирельман В.А.* Национализм и археология // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 9–25.

³ См.: *Shnirelman V.A.* The faces of nationalist archaeology in Russia // Nationalism and archaeology in Europe. Diaz-Andreu, M. and Champion, T. (eds). London, 1996; Платонова Н.И. История археологической мысли в России: вторая половина XIX – пер. четв. XX вв. СПб., 2010. С. 43–70.

рождавшиеся национализмы. В.А. Шнирельман выделяет три проблемных поля, актуализированных в Российской империи в связи с национальным вопросом: отношения России и Запада, отношения между русским и нерусским населением и отношения групп нерусского населения между собой¹.

Целью статьи является сопоставление национального дискурса исторических концепций, основанных на интерпретации сибирских древностей: финно-угорской концепции сибирской прародины, разрабатывавшаяся финскими исследователями М.А. Кастреном и И.Р. Аспелиным, «восточной гипотезы» областников Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина и национально-патриотической теории В.М. Флоринского.

Рассматриваемая проблема актуальна как с точки зрения осмысления становления национального дискурса в Российской империи, так и с точки зрения современных этноисторических интерпретаций, в которых в отношении историографии зачастую преобладают интерналистские установки.

Основы историко-этнографических интерпретаций древних памятников Южной Сибири были заложены первыми российскими учеными – участниками комплексных экспедиций XVIII в. Их гипотезы базировались на лингвистических данных с привлечением письменных источников. С археологической точки зрения наибольший интерес привлекали могильники и наскальная живопись. Первые раскопки курганов в Сибири, а также их описание и систематизация были проведены Д.Г. Мессершмидтом и Ф.И. Страленбергом. Они же обратили внимание на языковое сходство народов Скандинавии, Урала и Сибири². Размышляя на тему языкового родства, Г.Ф. Миллер отмечал близость самоедов томским и нарымским осяткам и совершенное их отличие от осятков сургутских, тобольских и березовских. Позднее Миллер определил народ, оставивший курганы, как «древних татар» и выделил домонгольский и монгольский периоды его существования в Южной Сибири. Наличие богатых и бедных курганов он объяснял как «разное состояние одного и того же народа»³. Соглашаясь с мнением Страленберга о том, что «*остяки у Тома, и живущие у реки Кана и Манны Камаша с Пустозерскою и Югорскою Самоядью одного происхождения*», И.Э. Фишер однако считал, что их расселение шло в обратном направлении – с юга на север: «... а наипаче думаю, что они древние и первоначальные жители средней части нынешней Сибири... которые боясь

¹ *Shnirelman V.A. The faces of nationalist archaeology in Russia // Nationalism and archaeology in Europe. London, 1996. P. 219.*

² *Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Сибири. История идей и исследований (XVIII в. – первая треть XX в.). Новосибирск, 1986. С. 22.*

³ *Миллер Г.Ф. История Сибири. Том 1. Издание 2-е, дополненное. М., 1999. С. 514.*

*татар... вышли оттуда к Ледовитому океану...»*¹. Свою точку зрения на этнические процессы древности высказывал и П.С. Паллас. Он, как и предшественники, обращал внимание на отсутствие преемственности культуры современных аборигенов с древней культурой Южной Сибири: «*татары не только не признают их за своих предков, но и назвать не умеют*». По его мнению, сходство копей старинных рудников Алтая и Венгрии и непрерывная цепочка курганов от Сибири до Дуная свидетельствуют о том, что предки венгров первоначально населяли Южную Сибирь².

Участники первых комплексных экспедиций не только наметили основные направления этнических интерпретаций древних памятников Сибири, но и заложили основы собственно этнографической методологии. Как отмечает Х. Фермойлен, столкновение просветительских идей с реальным культурным многообразием привели к изменению подхода и послужили толчком для формирования этнографической науки. Исследователями Сибири на беспрецедентно обширном эмпирическом материале была разработана новаторская парадигма, в которой уже угадывались черты, свойственные эпохе романтизма. В основе методологии Мессершмидта и Страленберга, доработанной Миллером и Фишером, были этнолингвистическая концепция Лейбница и концепция сравнительной антропологии, предложенная Лафито³. Важно также отметить, что сформированный Миллером этнографический дискурс, благодаря трудам Палласа, Георги и Фалька, в конце XVIII в. стал оказывать влияние на формирование общественного мнения, в котором до этого политическая идентичность определялась религиозной принадлежностью⁴.

Сложившаяся в первой половине XIX в. концепция южно-сибирских корней финно-угорской культуры целиком вытекала из этнологических обобщений ученых XVIII в. Не случайно инициатива задействовать финских патриотов в изучении Сибири принадлежала академику Палласу, который в 1795 г. предложил лидеру финских национальных интеллектуалов Портану начать исследование истоков финской культуры в Сибири⁵.

¹ *Фишер И.Э.* Сибирская история... СПб, 1774. С. 74.

² См.: *Демин М.А.* Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989. С. 5.

³ *Vermeulen H.F.* Early History of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment: Anthropological Discourse in Europe and Asia, 1710–1808. Leiden: privately printed, 2008. P. 271–286.

⁴ *Фермойлен Х.Ф.* Герард Фридрих Миллер (1705–1783) и становление этнографии в Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. С. 177–198.

⁵ См.: *Загребин А.Е.* Просветительство и национальный романтизм как две модели финно-угорской этнографии в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 4. С. 233.

Научное оформление финно-угорской концепции связано с именем М.А. Кастрена. Помимо достижений сравнительного языкознания и историко-культурной концепции И.Г. Гердера, его вдохновляли труды Миллера: *«Историограф финского племени Ф.Г. Миллер говорит, что «к этому племени принадлежат многие народы, прославившиеся военными подвигами и торговой деятельностью» и что «именно финские народы дали сильнейший толчок тем передвижениям народов, которые в Европе известны под названием великого переселения народов»»*¹.

Исследовательские интересы Кастрена в значительной степени обусловлены процессом становления финского национализма. С присоединением Финляндии к России российская администрация с целью культурного обособления от Швеции стала активно стимулировать формирование финской национальной идентичности². Это усилило развитие в первой трети XIX в. финского национального движения – фенномании. Общественно-политическая атмосфера национального подъема оказала огромное влияние на молодое поколение финнов, побуждая их изучать родную историю и культуру: *«До последних времен на все финское племя не обращали почти никакого внимания. Не зная древнейших судеб его, разбросанные ветви его почитали бесполезными побегами родового древа человечества, которые историк преспокойно обрубал, предавая забвению и гибели»*³.

В 1840-е гг., когда финское национальное движение достигло своего расцвета, Кастрен по предложению Академии наук совершил поездку в Сибирь с целью изучения языков сибирских инородцев. *«Исследование никаким образом не может удовлетвориться до тех пор, пока не отыщется связи, соединяющей финское племя с какой-нибудь большею или меньшею частью остального человечества»*, – писал Кастрен⁴. Включение финской культуры в мировой исторический процесс было главной гражданской миссией Кастрена. *«Кастрен не только стоял у истоков панфинизма, – отмечает А.В. Головнев, – но и был его отважным миссионером – прежде всего среди самих финнов. С легкой иронией он говорил о привязанности соотечественников к «своему маленькому миру», а воображению его рисовался огромный евразийский мир, в котором вперемешку бурлили судьбы гуннов, китайцев, монголов и древних финнов»*⁵.

¹ Кастрен М.А. Сочинения в двух томах: Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–49). Тюмень, 1999. С. 52.

² Суни Л.В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы XIX в. Л., 1982. С. 71.

³ Там же. С. 51.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Головнёв А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 19.

В одном из писем из Сибири Кастрен разъяснял свои выводы и догадки следующим образом: «*Так как сродство финского племени с самоедским достаточно доказано уже настоящим моим путешествием, так как, сверх того, финны, очевидно, состоят в родстве с тюрками и татарами, то весьма естественно, что ближайшей задачей языковедения должно быть за сим отыскание при помощи самоедского языка родства между финнами и тунгусами. От тунгусов прямой путь к манджурам, а к монголам ведут все пути, потому что, судя по всему, как тюрки, так и самоеды, и тунгусы, и манджуры непременно находятся в сродстве с ними*¹. Однако познакомившись с сибирскими реалиями, Кастрен вынужден был признать, что они не имеют отношения к финнам. В итоге в историю науки он вошел не в качестве первооткрывателя сибирской прародины финнов, а как «*выдающийся исследователь уральских языков и культур, убедительно показавший родство финских и самодийских народов*»².

Осознание себя в качестве «*потомков презренных монголов...*» должно было стать серьезным испытанием для зарождавшегося финского национального самосознания. Ведь еще не так давно всерьез рассматривалась связь финского языка с древнееврейским, древнегреческим и даже арабским³. Это обстоятельство приводит Кастрена к размышлениям, в которых проявились стремления к персонализации народа и наделению его психологическими свойствами: «*Что касается собственно до меня, то я не придаю особенной важности знатым предкам, расположен даже более к людям, у которых отцы были мельники, каменщики, чулочники и т.д. Оно как-то и меньше риска быть сыном сапожника, а не сенатора: выйдет из тебя что-нибудь – тем больше чести. Бобыль – так можно утешиться и тем, что и отцы наши были бобылями. Таково мое убеждение, и потому бесконечно рад, что с каждым днем нахожу все более сходства между финскими и сибирскими языками*»⁴.

Еще в большей степени эта тенденция проявляется в постоянном подчеркивании Кастреном общечеловеческих свойств финской природы – тихой, благонаправленной и трудолюбивой жизни, простодушности, бесхитростности, скромности, отсутствия воров, туенядцев, зевак⁵. Свойства эти естествен-

¹ Кастрен М.А. Сочинения в двух томах: Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–49). Тюмень, 1999. С. 110.

² Головинёв А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 22.

³ Тиандер К.Ф. Матиас Кастрен – основатель финнологии // Журнал министерства народного просвещения. 1904. CCCLIII. С. 6–8.

⁴ Кастрен М.А. Сочинения в двух томах: Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–49). Тюмень, 1999. С. 100.

⁵ Там же. С. 24, 25, 112, 295

ным образом распространялись и на сибирские народы: «По характеру своему они (енисейские остяки) весьма близко подходят к нам, финнам – это добрый, тихий, мирный, бедный и нисколько не прихотливый народ»¹.

В основе беспримерной личной самоотверженности Кастрена, его преданности научной идее лежат сильные патриотические переживания, характерные для зарождавшегося национализма. «Кастрен с его широкой и горячей душой, – писал К.Ф. Тиандер, – весь проникся тем национальным чувством, которое придавало совершенно особое значение его открытиям»². Сам Кастрен признавался, что все, касающееся финнов и их родства с самоедами и другими народами, предназначалось не столько для Академии наук, сколько для «финской публики, которая и не предчувствует этого; мне хотелось возбудить ее внимание, потому что, по моему мнению, для обработки этого сибирского поля мои соотечественники способнее всех»³. Как точно заметил А.Е. Загребин, для первых финских исследователей это были «не просто экспедиционные маршруты, но и пути обретения самоидентификации»⁴.

Новый подъем финского национализма последовал после расширения автономии Финляндии в 1860-е гг., и в конце 1880-х гг. И.Р. Аспелин продолжил поиски прародины финнов в Сибири. В его теоретических взглядах отмечается противостояние романтизма и позитивизма. В 1877 г. на IV Всероссийском археологическом съезде в г. Казани Аспелин в качестве основной задачи археологии назвал «поиск национальных особенностей в археологическом материале». Центральной темой его творчества становится процесс выделения финской общности из более широкой финно-угорской⁵.

В своей деятельности в Сибири Аспелин сосредоточился на копировании рунической письменности, поиске новых надписей и сопоставлении их с погребальными комплексами. Впрочем, после того, как выяснилось тюркское происхождение орхонских надписей, которые Аспелин считал

¹ Там же. С. 171.

² Тиандер К.Ф. Матиас Кастрен – основатель финнологии // Журнал министерства народного просвещения. 1904. ССCLIII. С. 44.

³ Кастрен М.А. Сочинения в двух томах: Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–49). Тюмень, 1999. С. 94.

⁴ Загребин А.Е. Финно-угорские народы России в историографии XVIII – первой половины XIX вв. // Отечественная история. 2007. № 5. С. 169–175.

⁵ См.: Salminen T. National and International Influences in the Finnish Archaeological Research in Russia and Siberia // Fennoscandia archaeologica. 2003. No XX. P. 106, 107; Салминен Т. И.Р. Аспелин – А.М. Тальгрэн и проблема урало-алтайского бронзового века // Российская археология. 2011. № 4. С. 133, 134.

абсолютно достоверным источником по древней истории финнов, он отказался от работы с привезенными из экспедиций материалами¹.

Две другие национально мотивированные исторические концепции сибирской историографии развивались в рамках той же этноисторической парадигмы.

Во второй половине XIX в. с передовыми политическими взглядами областников в Сибирь начинают проникать и занимают прочные позиции в общественном движении прогрессивные идеи национализма, противостоящие династийным, религиозным и родовым принципам политической организации общества.

Идеи областников относительно содержания сибирской нации пережили существенную эволюцию. Первоначально областники считали, что она должна основываться на русском населении, при этом демонстрировалось откровенно патерналистское отношение к аборигенам Сибири. Первые разочарования в попытках формирования региональной идентичности на основе русской общины изменили отношения областников к инородческому вопросу. *«Начав с противопоставления интересов «русской» Сибири интересам собственно России, «сибирефилы» уже в середине 1860-х гг. постепенно включали в актуальный контекст областничества коренные народы»,* – отмечает С.В. Селиверстов. По представлению Ядринцева, русские сибиряки *«должны протянуть руку этим «сибирским гверильясам», с которыми «период вражды кончен», и которые «должны одинаково разделить общую судьбу в истории Сибири»»*². Помимо политической пассивности сибирской общественности, изменение отношения областников к коренному населению связано с новыми тенденциями развития антропологического знания, выразившимися в пересмотре самого концепта примитивной культуры³.

Большое влияние на формирование образа сибирского сообщества оказывали историко-культурные изыскания Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. При этом, если на первом этапе лидеры областничества романтизировали русское освоение Сибири, то позднее они сосредоточились на истории местного населения, теперь *«областники намеревались сделать сибирскую ис-*

¹ Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Сибири. История идей и исследований (XVIII в. – первая треть XX в.). Новосибирск, 1986. С. 88.

² См.: Селиверстов С.В. Миссия «образованных туземцев»: Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин на страницах «Томских губернских ведомостей» (середина 1860-х годов) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 67–70.

³ Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М., 2013. С. 72, 73.

торию общей (пусть и небесконфликтной) для всего зауральского населения, устранив членение ее на «дорусский» и «русский» периоды»¹.

Формированию культурного капитала национализма в Сибири способствовало присущее областникам стремление связывать древности Сибири с современными инородцами. Характерной чертой их работ является выраженная публицистичность и порою откровенно агитационный характер. По поводу угро-финской теории Н.М. Ядринцев замечал: *«Представьте себе племена, обитавшие на юге, привыкшие к другому климату и силою исторических обстоятельств откинутые в ледяные тундры. Что должен был испытать этот народ! Ведь это хуже многих исторических метаморфоз, хуже мартирологии несчастного еврейского племени!»*². Вдохновленный принципами работы финских исследователей, Ядринцев также ставил в пример *«глубокую человечность и почти нежность»*, которую они проявляли по отношению к финно-угорским народам³.

Интерес Н.М. Ядринцева к исследованию культуры местного населения был спровоцирован антиколониальными настроениями. В противовес цивилизаторской политике он пытался доказать былое величие сибирских аборигенов, в частности, существование у них в древности земледелия. Не останавливаясь на этом, он стремился показать связь местной культуры с европейской цивилизацией и даже первичность первой по отношению к последней: *«Таким образом сама европейская история и культура не могли обойтись без влияния этих народностей. Арийские племена также не миновали севера Азии и Сибири»*. Но главный смысл исторических изысканий Ядринцева в том, чтобы включить современную культуру аборигенов в мировой исторический контекст: *«Что касается перенесения культурных знаний, ремесел и открытий, то азиатский мир также не мог оставаться чуждым европейскому, даже исчезнувшие культуры не могли совершенно утратиться для человечества, и поэтому пропасть, которой мы отделяем европейский мир и европейскую культуру от азиатской, при тщательном изучении истории, окажется не так велика»*⁴.

В своих этноисторических построениях Ядринцев опирался на данные об индоевропейском происхождении обитавших в Центральной Азии племен юэчжи. *«Этим же может быть объяснено в самих тюркских язы-*

¹ Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3 (62). С. 121.

² Ядринцев Н.М. Алтай и его инородческое царство (Очерки путешествия по Алтаю) // Исторический вестник. № 6. 1885. С. 643, 644.

³ См.: Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005.

⁴ Ядринцев Н.М. Начало оседлости // Литературный сборник. СПб., 1885. С. 172–177.

ках влияние индо-европейское, наконец, самое сходство минусинских рун с готскими и европейскими. Едва ли нужно поэтому переносить руны от европейских готов и финнов к азиатским народам, когда мы видим происхождение этих народов в Азии»¹.

Известный деятель «марксистской археологии» М.Г. Худяков отмечал, что одним из коренных недостатков исторических взглядов Ядринцева является идеализация прошлого в духе мелкобуржуазных романтиков. Идея громкого прошлого и бедного настоящего «дала материал для дальнейшего развития областнических и националистических концепций в истории Сибири»².

Схожие тенденции проявились и в «восточной гипотезе» Г.Н. Потанина, которая развивалась в нескольких работах³. Сопоставляя тюркские сказания с библейскими сюжетами, он стремился доказать наличие восточных корней в европейском эпосе. «Нет сомнений, – отмечает Знаменский, – что Потанинская «восточная гипотеза», наряду с другими этнографическими конструкциями областников с их широкими обобщениями, способствовали формированию этнонационалистических фантазий алтайской интеллигенции»⁴. Несмотря на то, что смелые международные параллели Потанина в целом были холодно встречены специалистами⁵, сочувственно к ним отнесся С.Ф. Ольденбург⁶, с которым Потанина связывали отношения по Русскому географическому обществу. Сам Ольденбург развивал схожие идеи по материалам французских средневековых источников, опираясь при этом на традиции европейского востоковедения⁷. Ольденбург был ярким представителем отечественной школы ориенталистики, стремившейся к национализации востока империи⁸. В частности, предполагалось, что

¹ Ядринцев Н.М. Древние памятники и письма в Сибири // Литературный сборник. СПб., 1885. С. 456–477.

² Худяков М.Г. Дореволюционное сибирское областничество и археология: (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин) // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9–10. С. 138, 139.

³ См.: Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. С. 251.

⁴ Znamenski A. Power of Myth: Popular Ethnonationalism and Nationality Building in Mountain Altai, 1904–1922 // Acta Slavica Iaponica. 2005. Vol. 22. P. 44.

⁵ Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: Опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991. С. 121, 122.

⁶ Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г.Н. Потанин. Биографический очерк. Новосибирск, 2004. С. 235, 236.

⁷ Ольденбург С.Ф. Культура Индии. М., 1991. С. 41–54.

⁸ Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013. С. 5–40.

развитие чувства малой родины позволит включить аборигенов в общероссийский контекст. Кроме того, формированию национальной интеллигенции способствовало целенаправленное превращение местных жителей из информаторов в самостоятельных исследователей¹. Эти тенденции уже в начале XX в. в полной мере проявились в деятельности Потанина, призванного к повсеместному изучению «родиноведения»² и активно включавшего в исследовательский процесс местных жителей, следствием чего на Алтае стал известный «Аносский сборник», созданный алтайцем Н.Я. Никифоровым.

Анализируя идеологические основания культурно-исторических взглядов областников, Е.П. Ковалышкина указывает на присущую им двойственность: с одной стороны, в их категориальном аппарате четко проявляется европоцентризм; с другой, «эти понятия и речевые клише не соответствуют внутреннему строю их мыслей, пафосу их произведения»³. Ковалышкина полагает, что в основе исторических исследований областников лежали культурный плюрализм и функционализм⁴.

По-другому подходит к вопросу А.В. Ремнев. Он подчеркивает, что именно задействие «классического инструментария из арсенала западных теорий колониализма и национализма» и стало основой проекта сибирской нации⁵, которая противопоставлялась областниками как бюрократической централизации, так и космополитическим установкам революционного и либерального лагерей⁶.

Однако национализм, как замечает Б. Андерсон, это не столько политическая идеология, сколько культурная система⁷, утверждающая сам принцип народа-государства. При этом различные трактовки формы и содер-

¹ Там же. С. 70, 84, 195, 199.

² Смокотина Л.И. Г.Н. Потанин о настоятельной потребности введения предмета «родиноведение» в учебные программы российских народных школ в кон. XIX – нач. XX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. №3 (4). С. 96–99.

³ Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. С. 242.

⁴ Там же. С. 258, 272, 278.

⁵ Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3 (62). С. 117.

⁶ Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 г. – лаборатория либеральной и революционной мысли / Под ред. Б. Ананьича, Ю. Шеррер. СПб, 1997.

⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 35.

жания нации (либеральные, консервативные, социалистические) могут и должны находиться между собой в постоянной конфронтации, которая во многом и определяет содержание политического процесса в Новое время. Это же касается и культурного релятивизма: *«Релятивизм – это не такое оружие, которое можно навести на врагов, выбранных произвольно. Оно стреляет во все стороны, отшибая ноги не только у «абсолютизма», догм и твердости западных традиций, но и у традиций, сосредоточенных на терпимости, разнообразии и свободе мысли»*¹.

Областники целенаправленно формировали местную интеллигенцию², вооружая ее национальной идеей, которая со временем в новой политической ситуации естественным образом переносилась из контекста регионального в контекст этнический.

В плане формирования культурного капитала сибирских национализмов труды областников сыграли ту же роль, которую для финского национализма – концепции российских академиков XVIII в. Теории, связывающие современных аборигенов Сибири с культурами прошлого и раскрывающие их вклад в мировую историю, подспудно формировали новый национальный проект. Включая сибирских аборигенов в мировой исторический процесс, областники преобразовывали их из аморфной сословно-религиозной массы, объекта цивилизаторской политики, в аналогичный европейским народам феномен. Таким образом, местное население не просто приобретало древнюю престижную историю, но и получало теоретические основания для осмысления себя как самостоятельного политического субъекта, что ярко проявится в годы революционного кризиса и в конечном счете определит пути суверенизации Сибири.

Не прошел мимо сибирских древностей и русский национальный дискурс, который во многом определял начальный этап развития отечественной археологии. На уровне государственной политики национализм в России начинает утверждаться во второй четверти XIX в., когда усилиями С.С. Уварова проводится масштабная идеологическая кампания по монтированию национальных идей в династийную доктрину власти³. Эта тенденция нашла отражение и в изменении конъюнктуры археологических исследований: *«Если подгонка русского средневековья под античный образец харак-*

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2010. С. 495.

² Селиверстов С.В. Миссия «образованных туземцев»: Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин на страницах «Томских губернских ведомостей» (середина 1860-х годов) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 67–70.

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 109.

терна в основном для александровской эпохи, то другая тенденция – противопоставление национальных древностей античности – особенно ярко проявилась в николаевское время»¹. Именно с этим периодом связана и институционализация археологии как самостоятельной науки. В созданном в 1846 г. Императорском Русском археологическом обществе ведущую роль играло Отделение русской и славянской археологии, национализм стал важной составляющей первых археологических съездов и оказал влияние на формирование первых музеев². Славянская археология становится важным фактором внутренней политики, одна из ее функций заключалась в доказательстве наибольшей древности и первичности славянской культуры по отношению к другим народам империи. Собственно археологические памятники славян стали изучаться при поддержке государства уже в 1830–1840-е гг., а в конце века наиболее активным популяризатором протославянской истории был В.М. Флоринский³.

Труд Флоринского «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» основывался на сибирских материалах. В основе методологии Флоринского лежали натуралистские установки. Археологическую культуру курганов он считал единым феноменом и отождествлял ее с народом. При этом подразумевалось, что каждый народ, как явление универсальное обладает набором устойчивых признаков («по инстинктивному чувству народного самосознания») и своей судьбой. Последняя основана, в том числе, на естественной связи с территорией, на которой «пришлые паразиты» всегда будут неустойчивы. Отсюда «инстинктивное» стремление государства к восстановлению своих границ.

Отправной точкой размышлений Флоринского стало сопоставление географии курганных могильников с территорией Российской империи. Вторым важным чувством, руководившим Флоринским, была ревность к тому, что на территорию России в качестве прародины претендуют другие народы, «а колоссальному славянскому организму не оставили ни одного клочка земли, который он мог бы назвать своей колыбелью». Вопрос этот приобретал этический характер, поскольку для «народной совести» важно, каким образом трактовать распространение: захватом чужого или возвращением утраченного⁴. Проблема отечественных археологов, по мнению Флоринского, в

¹ Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 51.

² Shnirelman V.A. The faces of nationalist archaeology in Russia // Nationalism and Archaeology in Europe. Diaz-Andreu M. and Champion T. (eds). London, 1996. P. 222–225.

³ Ibid. P. 224.

⁴ Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни: Опыт славянской археологии. Ч. 1. Томск, 1894. С. IV–VI.

том, что они при отсутствии национального самосознания следовали за образованными финнами, которые искали свое великое прошлое¹. Методологические рассуждения Флоринского очень близки взглядам Аспелина: *«Таким образом национальный вопрос невольно напрашивался на страницы археологических работ. Иначе и быть не могло. Всякий археологический факт имеет значение не сам по себе, а только по отношению к древним судьбам того или другого народа»*². Отсюда следует установка *«иметь в виду не отвлеченные представления о вымерших, более не существующих народах, или угасших культурах, а восстановить связь давно прошедшего с настоящим, – колыбели народов с их исторической судьбой и расцветом народных сил»*³.

Вслед за областниками Флоринский подчеркивал важность местной истории для всего человечества: *«Наши сибирские древности получают не одно лишь местное, по нынешнему понятию инородческое, а общеевропейское значение»*. Однако он полагал, что доводы в пользу их (древностей) инородческого происхождения несостоятельны: во-первых, никакая культура не может так сильно деградировать, во-вторых, невозможно представить, что предки современных народов Сибири могли основать культуры Кавказа и Дуная⁴.

Сибирские курганы, по мнению Флоринского, не связаны с племенами хунну, они принадлежат арийцам, в качестве которых могли выступать только славяне, поскольку остальные арийцы уже были в Западной Европе. Первая волна продвижения с востока была в Скандинавию, потом выдвинулись на реки Каму и Волгу болгары, они пришли в Европу и слились с ранее продвинувшимися славянами (скифами, сарматами, массагетами, позднее – антами, аланами и роксоланами)⁵.

Оставшиеся в Сибири арийцы смешались с хунну и получили его имя, таким образом народ хунну стал симбиозом славян и монголов. При этом роль славян постоянно усиливалась в виду заведомо более высокой культуры, и ко временам Атиллы монголы выступали только в качестве вспомогательной грубой силы. Атилла, по мнению Флоринского, может, и носил частичку монгольской крови от далеких предков, *«но во всех его действиях, в образе жизни, в обстановке придворного штата мы ясно видим славянские чер-*

¹ Там же. С. XIV–XV.

² Там же. С. XVII.

³ *Флоринский В.М.* Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни: Опыт славянской археологии. Ч. 2. В. 2. Томск, 1898. С. 560.

⁴ Там же. С. 558.

⁵ Там же. С. 569.

ты». В политическом и военном вопросах он был на равных с соперниками, в отличие от более примитивных монголов вроде Чингисхана или Тамерлана¹.

Помимо великоросской национальной гордости имелись у концепции Флоринского и другие основания более прагматического политического свойства. Как отмечает В.А. Шнирельман, выводы о среднеазиатской прародине русских позволяли дать идеологическое обоснование империалистической экспансии России в Средней Азии².

Таким образом, во второй половине XIX в. национальные установки явились важным мотивом исторических изысканий и в значительной степени определяли характер и направленность этнических интерпретаций. Финский национализм искал прародину финнов на Алтае и пытался связать их с тюркско-монгольскими государствами древности и средневековья. Под влиянием культурно-исторических теорий областников начинает формироваться национальный дискурс непосредственно в Сибири, что особенно ярко проявляется на примере генезиса алтайского национализма. Русский великодержавный национализм стремился удревнить славянскую историю и связать ее с престижной скифской культурой.

Роль рассмотренных теорий в истории науки различна, однако своей политической актуальности они не утратили и в последующие периоды вплоть до наших дней.

Развивавшаяся в 1930-е гг. финскими интеллектуалами идея «Великой Финляндии» апеллировала к единому финно-угорскому миру от Алтая до Балтийского моря, вызывая праведный гнев советских этнографов: *«такая «концепция» ничего общего с наукой не имеет, служит лишь разжиганию аппетита финских фашистов»*³. Получившие новое дыхание постсоветские национализмы стали формировать новую культурно-политическую повестку, в которой оживают национальные идеи Кастрена. С начала 1990-х гг. начинает активно развиваться идея *««воссоздания» некоего «Финно-угорского мира», который мыслился как широкая культурная идентичность, призванная, основываясь на лингвистическом родстве, объединить разные финно-угорские народы в своеобразную этнополитическую и социокультурную целостность»*⁴. На этой основе происходит институционализация

¹ Там же. С. 570

² *Shnirelman V.A.* The faces of nationalist archaeology in Russia // *Nationalism and archaeology in Europe*. London, 1996. P. 224; *Шнирельман В.А.* Возвращение арийства: научная фантастика и расизм // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 6 (62). С. 63–89.

³ *Потанов Л.П.* Очерки по истории алтайцев. М.–Л., 1953. С. 45.

⁴ *Шабает Ю.П.* Новые идентичности у финно-угров как политические инструменты // *Этнографическое обозрение*. 2006. № 1. С. 13.

панфинно-угризма в виде общественных организаций, съездов, международных конференций.

Советское национальное строительство в Сибири естественным образом базировалось на культурном наследии областников: в годы автономизации и коренизации активно эксплуатировался их политический, антиколониальный задел; после национального поворота середины 1930-х гг. в «ход пошло» культурно-историческое наследие. Широкое использование исторического нарратива характерно для современных национализмов Сибири.

Находит сторонников в наши дни и концепция Флоринского. Его идеи развивал известный популяризатор «Велесовой книги» Ю.П. Миролюбов, а в 1990-е гг. ее с энтузиазмом подхватили русские националисты, подвизающиеся на ниве историописания¹.

Рассмотренные теории сформированы в рамках единой научной парадигмы и служат хорошей иллюстрацией, с одной стороны, векторов, с другой – различных стадий формирования национализма. Если опереться на известную периодизацию развития национального движения М. Хроха², то в теории алтайского происхождения финнов мы можем различить черты, характерные для фазы «В», когда культурный капитал национализма постепенно превращается в политический. С одной стороны, финский национализм уже институализировался в виде автономии, с другой – в национальный процесс не были широко вовлечены даже просвещенные финны. В свою очередь, исторические построения областников иллюстрируют самый ранний этап зарождения национального движения, период национализма не только без нации, но и без национальных интеллектуалов. Областники формируют саму национальную среду, еще не имеющую подходящих средств для собственного выражения, однако очевидно содержащую сепаратистский потенциал. При этом и финские, и сибирские патриоты своими научными изысканиями решали одну и ту же идеологическую задачу: включить объекты своих исследований в мировой культурно-исторический контекст, добиться признания их права на место среди европейских наций. Теория же Флоринского является примером проявления государственного объединительного национализма с характерными для России имперскими коннотациями.

¹ См.: Шнирельман В.А. Возвращение арийства: научная фантастика и расизм // Неприкосновенный запас. 2008. № 6 (62). С. 63–89.

² См.: Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 121–146.

(ПЕРЕ)ОСМЫСЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА РЕРИХОВ

Первая половина XX в. стала временем расцвета идей национализма в России и за рубежом. Однако отечественный и зарубежный национализмы политического и интеллектуального толка имеют принципиальные отличия, связанные с особенностями исторического пути этих регионов – на Западе определённую роль в становлении идей национализма сыграли такие факторы, как промышленный переворот, революции XIX в. и события непосредственно XX в. (Первая Мировая война, крах европейских империй и послевоенное урегулирование). Что касается России, то опыт построения националистических идей имел здесь принципиально другую окраску: страна вплоть до начала XX в. оставалась аграрно-индустриальной с пережитками крепостничества; концептуальный базис национализма составляла теория «официальной народности», а гражданская составляющая национализма приняла вид подпольных организаций, преследуемых на официальном уровне. Национализм в дореволюционной России имел формы черносотенных погромов, направленных на избавление империи от иноверцев. Те же исследователи, которые в дореволюционной России разрабатывали националистические представления на академическом уровне, отсылали читателя в основном к великодержавной сути русской нации и православной доминанте национализма¹. Действительно, идеи «православия, самодержавия, народности» были очень прочными в сознании отечественных интеллектуалов. Тем не менее, «...сама идея «нации» прочно унездилаась ныне практически во всех печатных языках; а национальность стала практически неотделимой от политического сознания»². В центре внимания настоящей статьи – взгляды Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерихов на истоки, будущее русской нации и её место в мире.

Вопрос о происхождении нации Н.К. Рерих решает с примордиалистских позиций: русские, по его мнению, изначально произошли от славян, населявших территорию современной России. Предками современных этнических русских были именно славянские племена, которые, объединив-

¹ См. напр.: *Строганов В.И.*. Русский национализм, его сущность, история и задачи. М., 1997. 87 с.; *Ковалевский П.И.* Русский национализм и национальное воспитание в России. М., 2006. 259 с.

² *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 153.

шись, создали русскую государственность. На вопрос о том, как должны выглядеть контуры русской нации, Н.К. Рерих даёт весьма расплывчатый ответ: «великая нация», «строители будущего» – явно недостаточные характеристики для понимания её (нации) сути. Не вполне понятно, кроме того, как должны выглядеть географические и временные границы нации. В какой России, с географической и политической точки зрения, должны жить русские, из рассуждений Рериха неясно. Географические границы России у него скорее воображаемые – это некие абстрактные рассуждения, границы политические вовсе не фигурируют в его риторике.

Н.К. Рерих апеллирует как к самой нации, когда призывает русских людей объединиться, жить общиной, отбросить всё вредящее «светлому будущему», так и к представлениям о нации, когда создаёт ментальные карты того, какой была нация прежде, что она представляет собой сейчас и какой она должна быть в итоге; романтизируя национальных героев, идеализирует русский народ в целом. Однако эта граница чётко не определена: Рерих даёт понять важность единого лидера – «водителя» нации и всех русских людей как членов неделимой русской общины. По-видимому, упоминание о роли одной человеческой единицы – апелляция к представлениям о нации (лидер-спаситель); обращение-призыв к простым людям – воззвание к самой нации, к её конкретным представителям.

Имперский проект Н.К. Рериха предполагает, что помимо этнических русских в России смогут проживать коренные народы – буряты, якуты и пр. небольшие народности. Их исконные территории останутся в прежних границах. Вероятно, историю повседневности этих людей Рерих оставляет на откуп им самим: они могут вступать в браки между собой или с русскими, учиться в русских школах и т.п., но главное – жить и помнить свои традиции, в этом случае не будет проблем с определением своего места в стране. Однако, в целом неясно, как политически неразвитые периферии будут интегрироваться в тело государства.

Имперский проект Н.К. Рериха (интер)национален: титульная нация – русские, коренным народам предоставляется право оставаться в рамках своей идентичности. В этом смысле у Рериха-интеллектуала нет историко-культурных ограничений на национальный имперский проект в России: каждый волен быть тем, кем он себя считает. Тем не менее в его конструктах всё же чувствуется некое превосходство именно этнических русских: несмотря на то, что он упоминает героев локальных этносов – Гессер-хана и пр., в рамках единой страны лидер будет всё же этнически русским. В сущности, с некой высшей позиции ему безразлично, как будет именоваться

ся мессия – Иисус, Майтрейя или как-то иначе, для русского название – своё, для бурята – своё, смысла это не меняет. Возможно, эти имена собственные Н.К. Рерих использует для того, чтобы отдать дань культуре известных ему этнических групп: впоследствии Иисус сможет стать и для нерусских в этническом плане народов пророком, лидером, авторитетом. Комментируя особенности процесса конструирования национальных версий истории, отечественный исследователь М.В. Кирчанов утверждает, что *«всех националистов, которые конструируют националистически выверенные и написанные в этнических системах координат истории, чрезвычайно интересуют некоторые качества мифических ... предков, которым ими же приписываются идеальные качества – величие, мудрость, воинственность»*¹. Н.К. Рерих, подобно другим националистически настроенным интеллектуалам, не обходит стороной этот сюжет: по его мнению, лидер послан людям для того, чтобы дать представление о собственной значимости, предотвратить те или иные просчёты, вывести на новый качественный уровень жизни – с точки зрения истории повседневности функция лидера скорее маргинальна.

Упоминание термина «община» Н.К. Рерихом отсылает к тем незапамятным временам в далёком прошлом, когда «все жили дружно» и были социально равны. Идеи равенства уводят Н.К. Рериха ещё дальше от действительности: в гражданском плане все члены государства («общины») равны, однако само упоминание вождя, наделённого особыми достоинствами и способного «повести за собой», само по себе предполагает социальное неравенство и обособленность этой исключительной личности. Возможно, в этом главное противоречие его воззрений. В своих дальнейших попытках актуализировать гражданскую составляющую русской идентичности Н.К. Рерих взывает к культурно-историческим истокам нации, обращается к историческому прошлому, заимствуя оттуда всё самое ценное по крупицам – мыслитель проявляет себя скорее как синтетик, а не аналитик. В итоге, по его замыслу, должна выкристаллизоваться качественно новая общность людей. Чем же не устраивает Рерихов прежняя русская нация? В первую очередь, разобщённостью, которая препятствует позитивным изменениям и таким образом вредит самой себе, создавая «Другого» среди себе подобных: *«...мы снова и снова становимся свидетелями, как русский человек выискивает случай, как бы ему опорочить, укусить, «поддеть бы» другого, русского же, лишь потому, что тот, другой, осмелился быть лучше его»*².

¹ Кирчанов М.В. Картельский миф и этнические координаты развития грузинского национализма // Российский журнал исследований национализма. 2012. № 2. С. 4, 5.

² Рерих Е.И. Судьба русских гениев // Рерих Е.И. Сокровенное знание. Теория и практика Агни Йоги. М., 2007. С. 687.

Н.К. Рерих играет на национальных, гражданских чувствах русских, взывая к исторической памяти былого величия, изначально присущего всем русским без исключения – ещё один примордиалистский элемент его построений. Представляется, что исследователь несколько «заиклен» на идее русского величия и пытается таким образом убедить самого себя в истинности своих взглядов. Показательно в этой связи то, какая используется лексика: так, говоря о чём-либо приятном, Н.К. Рерих и его супруга употребляют слова «светлый», «светоносный», «святой», «великолепный», нередко отдельные слова пишут с заглавной буквы («Держава», «Красота», «Свет», «Град Нездешний»), тем самым подчёркивая яркость и радость будущих трансформаций, и напротив, нечто отрицательное становится для них тёмным, безобразным и т.п. Сам же Н.К. Рерих выступает с особой исторической ролью, предстывая перед обывателем «солнценосцем», на помощь ему приходит символ огня-очистителя, посредством которого устраняется всё наносное: «*Н.К. Рерих такой же солнценосец, как и Гёте в его понимании. ... Солнце его жизни ожигает всё тёмное, всё злобное и разрушительное*»¹. Используя подобные слова, Н.К. Рерих делает акцент на том, что особенно ценно для него и должно стать таким и для всех, пытается внушить слушателю важность сообщения. Реципиентами Рериха-коммуникатора гипотетически выступают все русские по происхождению и самовосприятию, где бы они в данный момент ни находились. Однако не только этнические русские должны внять посылу Рериха: он понимает, что отдельный народ/нация бессильна, и подсознательно ищет поддержки у всего мирового сообщества (идеи космизма). Именно поэтому народы должны не просто уметь уживаться друг с другом, но и подняться на более высокую ступень сотрудничества, определив самостоятельно, каким оно должно быть – это становится для Рериха критически важным в деле строительства новой России. Рерих констатирует, что русские – миролюбивая нация, которая едва ли станет притеснять соседние малые народы. Возможно, Рерих здесь имеет в виду географическую составляющую русской истории – большие пространства скорее осваивались, а не завоёвывались славянами/русскими.

Созидательный потенциал гражданского национализма Н.К. Рериха предполагает строгое распределение ролей в новом обществе (сам себе он отводит роль интеллектуального ядра пары, Елена Ивановна – «водительница», по сути, исполнитель замыслов мужа): чёткость ролевых ожиданий не должна вызывать противоречий в новом обществе – в этом, по Н.К. Рериху,

¹ *Её же.* О Н.К. Рерихе // Рерих Е.И. Сокровенное знание... С. 226.

залог успеха обновлённой России. Община должна строиться на принципах матриархата; патриархат – явление отмершее, отжившее, а потому ненужное и даже вредное: «...люди так различно представляют себе эту первобытную патриархальную общину. ...ничто так не далеко от современного мышления, как патриархальность, да ещё первобытная!»¹. Е.И. Рерих делает упор на универсальности общины: «...следует понимать общину не в узком смысле, но в самом широком. Именно, как сотрудничество со всем человечеством, со всеми мирами, со всем сущим. ...замыкание [людей] в закрытые общины только ещё больше укрепит их отчуждение от мировой общины, которая вмещает в себя всё человечество... ...создаётся эпоха общего сотрудничества»².

Весьма интересен сюжет, связанный с определением гендерного аспекта изменений – женская энергетика для Н.К. Рериха приравнивается к покровительству, оберегу, она надысторична, экстерриториальна, она в состоянии создать и защитить весь род человеческий: «Сотрудничество, сострадание, та же любовь. ...любовь – Матерь Мира. Неисчерпаемая, любовь творящая, создавшая племя Святых людей, не знающих ни земли, ни народности... несущих капли Благодати»³. Такая маскулинизация женственного у Н.К. Рериха, вероятно, объяснима попытками компенсировать некоторые феминные черты собственной психики (развитая интуиция, глубокая эмоциональность) – возможно, именно по этой причине женщина выдвигается им на первый план по строительству нового общества. И всё же лидер будущей общины русских людей остаётся маскулинным, эта роль присуща мужчине по праву рождения, именно по этой причине можно констатировать, что идеи Е.И. Рерих – некий слепок идей её супруга.

Один из элементов культурной географии Рериха – обращение к локальным истокам России: Галицкая Русь для него – историческая «древняя сестра» России современной, встречающаяся с «сестрой старшей». Название «Галицкая Русь» не столько географическое, сколько воображённое в его сознании, локализованное в памяти предков. Представляется, что ранее существовавшие протогосударственные образования (Новгородская республика, Киевская Русь, Галицкая Русь) прекратили своё существование по причине своей изначальной гетерогенности, т.к. они находились на первой ступени исторического развития и дали некоторую преемственность России теперешней – новый примордиалистский сентимент у Рериха.

¹ *Её же*. Идея общины // Рерих Е.И. Сокровенное знание... С. 675.

² Там же. С. 676.

³ *Рерих Н.К.* Майтрейя // Рерих Н.К. Держава света. М., 2007. С. 355.

Новгородцам изначально присуща деловитость и хозяйственность: «...езде, где было что-нибудь замечательное, успели побывать новгородцы. Отовсюду всё ценное несли они в новгородскую скрыню. Хранили, питали крепко»¹. Возможно, продолжает рассуждение Н.К. Рерих, «эти клады про нас захоронены»². Выражение «по Новгородскому краю всё прошло»³ следует понимать в смысле особого географического, геостратегического положения региона, позволявшего свободно взаимодействовать с соседями.

Анализируя значение Новгорода для становления отечественной истории, российский исследователь О.Н. Трубочёв полагает: «Новгородская земля была одной из периферий Древней Руси, на то время, быть может, – самой дальней. Так получилось, что именно новгородская окраина отпечаталась вместе со своим древним говором в древнерусской письменности, возможно, лучше всего. Но это надлежит понимать в том смысле, что о других самобытных окраинах Древней Руси ... мы просто ничего не знаем»⁴. Тем не менее, воссоединению древних территорий и нынешней России могут способствовать современные братья-славяне: «Происходит воссоединение. К старшей сестре пришла древняя «Галицкая Русь». ... Радостно слышать о братстве с чехословаками, о дружном сотрудничестве с польским народом, о крепком единении с Югославией»⁵. Братство, сотрудничество, «содружество» Н.К. Рерих видит прежде всего в единстве ментальном, культурном, предопределяющем всё остальное: «Культурная связь! Да ведь это самая крепкая связь. В ней сердечное содружество. ...прежде всего мыслим о торжестве науки, о творчестве – о связи общечеловеческой»⁶.

Возможно, с трансформацией местного языка/языков трансформировались/распались древнерусские государства, ставшие впоследствии Россией. Именно поэтому можно полагать, что языку отводится одно из главных мест в националистической риторике Рериха. Язык – проявление уникальности и этнической избранности русских, он служит у Рериха залогом их преэминентности с древнерусскими государствами, находившимися на территории России.

Родной язык для Н.К. Рериха – маркер национальной идентичности. Взяв такой показатель, как певучесть, и сравнивая русский язык с древними,

¹ *Его же*. Великий Новгород // Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974. С. 141.

² Там же. С. 141.

³ Там же. С. 141.

⁴ *Трубочёв О.Н.* Великий Новгород // Трубочёв О.Н. В поисках единства. М., 1992. С. 18.

⁵ *Рерих Н.К.* Русь // Рерих Н.К. Из литературного наследия... С. 288.

⁶ Там же. С. 289.

вымершими языками, он отдаёт преимущество именно языку родному по той причине, что тот до сих пор жив, следовательно, продолжает Рерих-мыслитель, он вполне востребован и теперь и может послужить неким средством в будущем, надо лишь уметь им правильно распоряжаться в повседневной жизни. Несмотря на то, что русский язык трансформируется, его богатство надо доказывать ежедневно, не разменивая по мелочам. Для того, чтобы понять пластичность, мощь и красоту русского языка, утверждает Н.К. Рерих, надо учить иностранные языки. Родной язык для него – средство выражения новых понятий, приходящих в нашу жизнь с грядущей эрой¹. Н.К. Рерих убеждает себя, что эта эра наступит уже очень скоро, однако, принимая во внимание протяжённый, внелокальный характер его воображения, представляется, что данная идея так и останется ничем иным, как плодом мыслительной деятельности автора.

Возвращаясь к анализу бытования русского языка, Н.К. Рерих говорит о том, что русский человек, памятуя о собственном величии, должен быть достоин своего неповторимого языка: «...*пусть будут [люди] достойны великого языка, данного великому народу*»². Рерих отнюдь не ставит все славянские языки в один ряд, называя русский именно «языком», прочие славянские для него – «наречия», лишней раз демонстрируя русскому человеку один из атрибутов собственного имперского величия³. Тем не менее, язык у Н.К. Рериха – скорее измышлённое, нежели реальное основание для утверждения русской нации, поскольку, говоря о единении наций, он упоминает не только славян, но и неславянский кочевой народ – венгров и романский народ – румын («*И болгары, и румыны, и венгры познают ценность содружества*»⁴); венгры пришли на территорию Европы из степей. Возможно, в этом проявляется некая грань восточного национализма Рериха: он имеет в виду кочевой народ, пришедший на запад (в Европу) с востока и внесший свой вклад в становление языкового разнообразия в Европе.

Историческое воображение Рериха-историка не только многомерно, но и идеологично, эмоционально-экспрессивно окрашено – это одновременно и воспоминание, и предчувствие, и предостережение, и сожаление, и наставление, и призыв: «*Сколько неосознанных и неприменённых возможностей расплёскивается в бездну хаоса. ...Для любви надо открыть и воспитать*

¹ См. напр.: *Его же*. Русский язык // Рерих Н.К. Из литературного наследия... С. 255, 256.

² Там же. С. 156.

³ Там же. С. 156.

⁴ *Его же*. Русь // Рерих Н.К. Из литературного наследия... С. 288.

сердце. ...Не для слёз и отчаяния, но для радости духа созданы красоты Вселенские. ...Ведь неизбежно нужно где-то и как-то встретиться! Ведь когда-то нужно покинуть звериные привычки. Ведь сердце-то тоскует по ...Светлому Китежу...»¹. Те или иные исторические события служили для России импульсом в её развитии, т.е. знаком (символом), указывающим на своевременность изменений. Этносимволизация прошлого имеет преимущественное значение в рамках описания исторической судьбы России, это имеет отношение не только к памяти, но и к исконно русским вещественным указателям: рисунку, иконе, а также современному явлению – картине.

Рисунок на русском национальном костюме – знак принадлежности человека к тому или иному социальному слою/среде русской провинции – ещё один символ-идентификатор национального, социального и культурного плана: «...наблюдая и объединяя национальные символы, мы выясняем историческое значение чистого рисунка. В этом первичном начертании вы видите мысли о ... символах природы. ...Эти начертания объединяют давно разъединённое сознание народов...»². Каждый элемент рисунка представляется Н.К. Рериху особенным, в нём в латентном виде заключена целая цепь причинно-следственных связей истории нашего государства: «Простая русская крестьянка не имеет понятия, какие многоцветные наслоения она носит на себе в костюме своём. И какой символ человеческой эволюции записан в её домотканых орнаментах»³. Следующий символ, проявляющийся в сознании Н.К. Рериха, – образ святого покровителя России, «щит» ото всякого зла. Этот символ как нельзя лучше выстраивается им в процессе работы над реставрацией иконы. Художник будто вбирает и перенимает на себя боль святого, пытается прочувствовать и, возможно, прожить её: «Как бы ни болело сердце русское, где бы ни искало оно решение правды, но имя Святого Сергия Радонежского всегда останется тем прибежищем, на которое опирается душа народа. ...[имя Сергия Радонежского] неизменно пребудет в глубинах души народной»⁴.

Славянский слой генезиса национализма Н.К. Рериха прослеживается особенно рельефно во время его пребывания на Востоке: «Когда в горных монастырях мы слышали гремящие гигантские трубы и восхищались фантастикой священных танцев, полных символических ритмов, опять имена

¹ *Его же*. Твердыня пламенная // Рерих Н.К. Держава света... С. 181, 182.

² Там же.

³ *Его же*. Одевание духа // Рерих Н.К. Из литературного наследия... С. 320.

⁴ *Его же*. Душа народов // Там же. С. 313.

Стравинского, Прокофьева приходили на ум»¹. Суть народа, нации, этноса понятна другому народу, по мнению исследователя, на каком-то глубинном бессознательном уровне – поэтому все интуитивно понимают и принимают друг друга: «...сердце народов имеет общечеловеческий язык»². В частности, балет «Снегурочка» помогает понять и принять образ «Другого» за счёт синтеза элементов разных культур: «Мы [в «Снегурочке»] имеем элементы Византии: царь и его природный быт. ... Мы имеем элементы Востока... И наконец, мы имеем элементы Севера. Вне излишней историчности ... «Снегурочка» являет столько настоящего смысла России, что все элементы её становятся уже в пределы легенды общечеловеческой и понятной каждому сердцу»³.

Знание и связанная с этим особая символика для Н.К. Рериха не концепция, а скорее представление: «...образ – вообще начало знания и поэтому можно историю культуры России изложить в великопных образах»⁴. Образ утилитарен, Н.К. Рерих интерпретирует его как в положительном, так и в негативном смысле: России и нашей идентичности угрожает «чудище стозевно, обло и лаяй, похуляя всё русское»⁵ – и тут же вопрошает: «И как нацунать и поразить такое чудовище?»⁶

«Другие», в понимании мыслителя – неотъемлемая составляющая нашей истории, т.к. не будь многочисленных «Других», Россия не смогла бы доказать самой себе свою силу, мощь и превосходство. Откуда бы ни исходила угроза – с востока или с запада (монгольские завоевания, нашествия крестоносцев и Наполеона), великодержавие России, по мнению Н.К. Рериха, лишь укреплялось. Элемент борьбы, преодоления внешней угрозы, «борения» – квинтэссенция всего литературного, художественного творчества и, по-видимому, смысл жизни четы Рерихов. Н.К. Рерих даёт понять, что этнически русский человек может представляться иностранцу непонятным, загадочным и поэтому далёким и пугающим «Другим» – для того, чтобы преодолеть подобный негативный образ, необходимо уделять больше внимание демонстрации исторических культурных ценностей западному человеку. Что касается восточного человека, его мировоззрение, вероят-

¹ *Его же. Весна священная // Там же. С. 360.*

² *Его же. Одеяние духа // Там же. С. 322.*

³ Там же. С. 322.

⁴ *Его же. Возрождение // Рерих Н.К. Избранное / Сост. В.М. Сидоров. М., 1979. С. 338.*

⁵ Небезынтересно то, что Н.К. Рерих, предупреждая Россию об опасности, использует вышедшие из употребления древнеславянские лексические единицы.

⁶ *Его же. Оборона // Рерих Н.К. Избранное... С. 187.*

но, гораздо ближе к исконно русскому: *«Во время построения буддийского храма и мечети (доказывавших широту воззрения народа русского) возникла мысль о перевозке в Питер древнего индусского храма»*¹. Рефлексируя на тему общности элементов культуры Востока и русского народного творчества, Н.К. Рерих приходит к заключению, что Россия – часть европейского сознания: *«...сыны Востока совершенно определённо узнавали в образах Леля и Купавы великого Кришну и Гопи. В этих вечных понятиях опять сплеталась мудрость Востока с лучшими изображениями Запада»*². Таким образом, по мнению Н.К. Рериха, со временем в сознании восточного (и западного) человека преодолется негативный стереотип «Другого русского», что поможет русской нации успешнее интегрироваться в мировое сообщество наций. В глазах Рериха-иностранца все русские суть тело одной нации, поэтому разобщённость – актуальный вызов, который предстоит решить.

Рерих-художник интернационален в том смысле, что *«его полотна как бы конденсируют излучения всех стран, всех континентов земного шара»*³. Отражение автохтонных традиций на полотнах живописца, по мнению В.М. Сидорова, *«выстроено в зрительный ряд, и в цветовых сполохах воскреснет историческая быль-сказка»*⁴ безотносительно к тому, изображает художник древнеславянские мотивы или буддийских монахов. *«Переключка легендарных сюжетов»* России и Индии Рериха-художника, на наш взгляд, подтверждает тезис о его интернационализме. Рерих чаще пребывает в воображаемом, стирая границы между идеальным и реальным, поэтому *«смешение реального и легендарного, пожалуй, самая характерная особенность его стиля. Грань между ними у него на редкость подвижна. ...в контурах облаков и гор внезапно различаешь величественно-одухотворённые лики, а персонажи сказаний... наделены человеческими чертами»*⁵. Анализируя восприятие Рерихом художественного вымысла, В.М. Сидоров достаточно точно определяет, что *«понимание краеугольной значимости легенды у художника – не только эмоция, не только интуиция; оно базируется на опыте, наблюдениях, на глубоком изучении исторического материала»*⁶ – тем самым доказывая синтетический тип мышления Рериха.

¹ *Его же.* Индия // Рерих Н.К. Из литературного наследия... С. 286.

² *Его же.* Весна священная // Там же. С. 360.

³ Сидоров В.М. Приказ учителя. М., 2001. С. 212.

⁴ Там же.

⁵ *Его же.* Рерих и его литературное наследие // Сидоров В.М. Приказ учителя. Статьи. Доклады. Речи. М., 2001. С. 110.

⁶ Там же.

Россия может стать современным европеизированным государством, для этого необходимо постоянно иметь в виду её историческое прошлое, кроме того, надо беречь и чтить культурное достояние, оставшееся с незапамятных времен. По Н.К. Рериху, должна произойти трансформация архаичного русского общества в государство-нацию западного образца. Рерих по-новому конструирует Россию – данное обстоятельство не могло не отразиться на оценке его творчества в СССР: советские люди знали Рериха в большей степени как художника. Русская нация для Рериха – одновременно и процесс, и результат: процессивность русских определена тем, что нация в тех или иных формах уже существовала прежде, т.е. её длительность во времени неоспорима, кроме того, исправление ошибок прошлого на благо будущего, как вид деятельности (а не просто концепт), также возможен лишь во временной плоскости; русские, как исторический результат, находятся вне зоны досягаемости для ментально неподготовленного обывателя.

Н.К. Рериха можно квалифицировать и как империалиста, и как националиста: *«Узкое понимание этничности жёстко ограничивает область этнического национализма и оставляет определённую по остаточному принципу гражданскую категорию слишком большой и разнородной и потому бесполезной. Напротив, узкое понимание «гражданского» жёстко ограничивает область гражданского национализма и оставляет определённую по остаточному принципу этническую категорию слишком большой и разнородной, а значит, бесполезной»*¹. Имперские коннотации в том виде, в котором они артикулировались в СССР («социализм versus империализм») также малоприменимы к Н.К. Рериху. Кроме того, концепт «нация/государство» может вызвать искажённое толкование, поскольку теоретические построения Рериха не дают однозначного ответа на вопрос: удастся ли *«натянуть тонкую шкуру нации на огромное тело империи?»*². На наш взгляд, Н.К. Рерих-интеллектуал в этом не виноват, поскольку ему в большей степени присущи мистико-философские идеи космического единства всех народов и наций, собственно национализм в его современном политическом понимании в круг рассуждений исследователя не входит.

¹ Брубейкер Р. «Гражданский» и «этнический» национализм // Брубейкер Р. Этничность без групп [Текст] / пер. с англ. И. Борисовой. Нац. исслед. университет «Высшая школа экономики». М., 2012. С. 252, 253.

² Выражение Б. Андерсона. См. напр.: Андерсон Б. Западный национализм и восточный национализм: есть ли между ними разница? [Электронный ресурс]: Портал «Русский архипелаг» URL: <http://www.archipelag.ru/authors/anderson/?library=1462> (дата обращения: 25.08.2014).

Так или иначе, предмет размышлений Рерихов не дан, а скорее задан, и теория в построениях пары преобладает над методикой: неясно, что конкретно нужно предпринять, чтобы достичь искомого результата. Труд у Н.К. Рериха – некая нормативная категория: продуктивно работать чрезвычайно важно, но конкретно-практических рецептов он фактически не предлагает, и воплощать в реальность эти идеи должны новые поколения людей.

НАЦИЯ ПОСЛЕ ИМПЕРИИ: КОНСТРУИРОВАНИЕ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ И АВСТРИИ В 1918–1938 ГГ.¹

История наций всегда является нам в форме рассказа, предписывающего ей определенную сюжетную непрерывность. Таким образом, формирование нации представляется осуществлением некоего многовекового «проекта» с его этапами и моментами осознания, которые затем, постфактум, акторы политического и социального процесса объявляют в большей или меньшей степени решающими. Последовательность данного процесса обуславливается механизмами трансляции памяти и опыта предыдущих поколений. Однако в периоды социально-экономических и политических трансформаций прежние механизмы трансляции уже не могут обеспечить непрерывность национального нарратива. Государство сталкивается с необходимостью поиска новых стратегий формирования идентичности, адекватных текущей ситуации.

И молодая Австрийская республика, и Советская Россия в 1918 г. столкнулись с серьезными экономическими проблемами, однако, на этом сходство между двумя новыми государствами заканчивается. Образование австрийского государства в 1918 г. не являлось актуальным требованием ни элиты, ни простых граждан будущей республики, а было обусловлено решением стран-победительниц в Первой Мировой войне. Советская Россия рождалась в Гражданской войне, преодолевая внутреннее и внешнее сопротивление. Поэтому австрийское руководство (как социал-демократы в первые годы существования Австрийской республики, так и социал-христиане вплоть до аншлюса 1938 г.) в поисках стратегий формирования гражданского самосознания обратили свой взгляд на прошлое, а Ленин и Сталин до утопичности были устремлены в будущее. Наиболее ярко различные стратегии формирования идентичности молодых государств проявились в их государственных символах.

Любое молодое государство сталкивается с необходимостью очень быстро подготовить флаг и герб, хотя бы для того, чтобы было, что использовать в печатях на обязательных на первом этапе существования государства международных договорах. Государственная символика Австрии была

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-6968.2015.6 «Политика памяти в условиях межцивилизационного противостояния».

связана со столетиями предыдущей истории. Даже первый герб, наспех нарисованный лично Карлом Реннером, был построен на использовании германских цветов. Однако его оригинальность (черная башня как символ буржуазии, черные молоты – рабочих и золотые колосья как символ крестьянства) не понравилась австрийцам, и в 1919 г. молодая страна вновь вернулась к идущему со времен Священной Римской империи орлу. Имперский символ лишился одной головы, а вместо атрибутов монархии – скипетра, державы и меча – получил серп и молот. Но в 1934 г., с приходом к власти Э. Дольфуса, и эти символы недолгого правления социал-демократов были убраны. Государственным флагом на протяжении всех лет существования Первой республики, оставалось идущее еще с Австрийской империи красно-бело-красное полотнище, которое сейчас является одним из старейших флагов Европы. Австрийцы ценили традицию больше, чем так и не понятые ими вплоть до 1938 г. преимущества нового государства.

Неофициальным гимном Первой республики с 1920 по 1929 гг. были слова Карла Реннера на музыку Вильгельма Кинцля. Хотя Сен-Жерменским мирным договором было запрещено название государства «Немецкая Австрия», в стихах оно занимало ключевое место, сравнимое с именем императора в гимнах империи. Кроме того, в тексте Реннер использовал и другие наименования, которые рассматривались в качестве эпитетов молодой республики: «Восточная земля», «Горная страна»¹. Оставаясь верным стремлению социал-демократов к секуляризации общества, Реннер избегал в тексте привычных для Габсбургских гимнов ссылок на Бога. Текст выражал как преемственность с имперскими текстами (только восхвалялся не император, а «Немецкая Австрия»), так и желание автора и австрийских социал-демократов показать лояльность к Германии. Однако гимн не имел популярности среди масс. Несмотря на то, что призывы любить и защищать Родину характерны для многих национальных текстов, особенно написанных в XX в., а австрийское восхваление природы перешло потом в гимн Второй республики, текст не нашел отклика в воспитанном на преданности императору богобоязненном австрийском населении. В. Кинцль, автор музыки, признавал, что этот гимн «не пользовался всенародной любовью»². Сам он с неохотой согласился быть автором музыки к тексту Реннера, так как считал, что «в глубине сердца каждого австрийца живет бессмертная мелодия Й. Гайдна»³.

¹ Grasberger F. Die Hymnen Österreichs. Tutzing, 1968. S. 72.

² Diem P. Die Symbole Österreichs. Wien, 2002. S. 112.

³ Ibid. S. 111.

Следующий гимн Первой республики был создан по инициативе социал-христиан на стихи сторонника великогерманской идеи О. Кернштока и знакомую всем поколениям музыку Й. Гайдна. Казалось бы, за этим можно увидеть победу сторонников аншлюса, т.к. именно мелодия Й. Гайдна звучала как в Германии периода империи, так и в Веймарской республике. Однако социал-христиане не являлись приверженцами присоединения к Германии, они стояли на позиции «Два государства – одна нация», поэтому возвращение известной в Габсбургской монархии мелодии объяснялось, скорее, ностальгией по прежним временам и попыткой актуализации имперского патриотизма. Об этом же свидетельствуют и некоторые поправки в тексте, которые были внесены в процессе утверждения гимна. Стихи были созданы в начале 1919 г., однако официальный статус они получили только 13 декабря 1929 г. после ряда переработок («Немецкая Австрия» (Deutschösterreich) была заменена на «Моя Австрия» («Mein Österreich»), вместо «Немецкой Родины» («Deutsche Heimat») использовалось словосочетание «Родные земли» («Heimaterde»)¹. По сравнению с рефреном «Немецкая Австрия, мы любим тебя» («Deutschösterreich, wir lieben dich!») К. Реннера фраза «Бог с тобой, моя Австрия» («Gott mit dir, mein Österreich!») лучше соответствовала менталитету австрийцев; абстрактному восхвалению природы Керншток противопоставил преобразенную Австрию с равными правами для всех. Гимн 1929 г. пользовался относительной популярностью у населения². В 1936 г. к гимну был добавлен еще один куплет, посвященный Э. Дольфусу, который «Отдал жизнь за Австрию, истинный немец»³.

Несмотря на то, что текст Кернштока был утвержден в качестве официального национального гимна Австрийской республики, 12 февраля 1930 г. городской совет Вены по школьному образованию под руководством Отто Глекеля издал распоряжение о замене изучаемого в школе гимна. Вместо государственного гимна Австрии во всех венских школах изучали национальный гимн Германии «как выражение единства всего немецкого народа», «чтобы содействовать таким образом национальному и республиканскому воспитанию»⁴. Министерство образования под руководством Генриха Србика настаивало на официальном тексте гимна Кернштока, однако во многих

¹ Ibid. S. 124.

² Ibid. S. 155.

³ Diem P. Über die Volkshymne [Электронный ресурс]: Dr. Peter Diem. URL: http://peterdiem.at/Lieder/Texte/Wessel_Dollfuss.pdf (дата обращения 11.08.2014).

⁴ Göbhart F. Schule und Nation // Die österreichische Nation. Zwischen zwei Nationalismen. Wien; Frankfurt; Zürich, 1967. S. 52.

венских школах уроки начинались с песни «Германия превыше всего». Отметим также, что гимн Реннера-Кинцля появился в школьных песенниках только в 1924 г., наряду с другими патриотическими песнями, в том числе и гимном Веймарской республики¹. Пока остальная Австрия жила в соответствии с традиционными католическими ценностями и в ностальгии по Габсбургской монархии, в Вене воспитывались сторонники аншлюса.

Советская Россия была образована ради Нового Пути, поэтому весь старый мир должен был быть разрушен «*до основанья, а затем...*». «Интернационал» был не просто гимном нового государства, его фразы стали девизом, знаками, указывающими Путь, по которому должны пойти не только граждане молодой России, но и «*проклятем заклеянный, Весь мир голодных и рабов*». «Интернационал» – гимн, показывающий разрыв со всей старой эпохой, и именно с ним должна шагать по планете мировая революция. Многовековая история, традиция, культура – все это объявлялось ненужным стране, которой «*ничего терять, кроме своих цепей*». Эту же позицию отражали другие государственные символы – флаг и герб, также показывающие абсолютный разрыв с прошлым. Восходящее золотое солнце на утвержденном в 1923 г. гербе СССР символизировало новый мир, об амбициях которого свидетельствовал глобус на том же гербе. Главными символами советского государства стали серп и молот.

Формирование новой идентичности было насущной проблемой в раздираемых экономическими и социальными противоречиями советской России и Первой Австрийской республике. Граждане должны были увидеть перспективу дальнейшего развития страны, которая помогла бы им преодолеть трудности переходного периода. Для Австрии такой перспективой было присоединение к Германии в первые годы существования страны, концепция «одна нация – два государства» социал-христиан и идея австрийцев как «лучших» немцев в корпоративном государстве (1934–1938 гг.). Несмотря на усилия отдельных интеллектуалов, австрийцы не стремились к строительству самобытной нации. Руководители Советского Союза ставили другую перспективу – «светлый путь», ведущий к победе мирового пролетариата; это была главная идея, в которую должны верить все граждане советского государства. Несмотря на разницу в целях, средства их достижения в формирующемся массовом обществе были приблизительно одинаковые:

- законодательные акты, направленные на урегулирование национальных проблем и вопросов государственного строительства;
- новые государственные праздники;

¹ Ibid. S. 51.

- публикации в прессе;
- песни, фильмы и прочее, связанные с государственной и/или национальной проблематикой;
- новые учебники, образовательные программы и т.д.

Дети – будущие активные граждане нового государства. В отличие от родителей, они уже не связаны с прежними стереотипами, идеалами и ценностями. Поэтому именно на них легла основная нагрузка по отработке новой идеологии.

Прежняя школа, как и все прежнее, в Советской России объявлялась пережитком империализма и подлежала искоренению. Еще в 1903 г. в программе РСДРП образование предполагалось сделать всеобщим, бесплатным и обязательным. В первых советских школах не было уроков и учебников. Учебные заведения должны были готовить «строителя коммунизма» и борца за мировую революцию, поэтому привычные предметы заменялись практическими занятиями, а в условиях постоянных прогрессивных изменений в стране необходимо воспитывать *«путем взаимодействия с окружающей обстановкой»*¹. Даже *«усвоение навыков речи, письма, чтения, счета и измерения должно быть теснейшим образом слито с изучением реальных явлений, – и не должно быть в школе арифметики и русского языка, как отдельных предметов»*². Вместо учебников в середине 1920-х гг. в советских школах появляются «рабочие книги», которые представляли собой небольшие сборники тематических и сезонно подобранных информационных и агитационных материалов. Государственную идеологию транслировали и периодические журналы, предназначенных, независимо от возраста аудитории, исключительно для «строителей коммунизма». В журнале «Мурзилка», издававшимся с 1924 г. для детей 4–6 лет рассказы о природе больше соответствовали занятиям в средней школе, а каждое стихотворение, текст несли какую-либо идеологическую или информационную нагрузку. Знакомая «Репка» преобразалась в рассказ о том, как шофер, милиционер, рабочий, ломовой, пионер и, конечно, октябренок тянули (вместо мышки) застрывший грузовик («Мурзилка». 1925. № 8), а сказками назывались рассказы о тяжелой жизни китайских рабочих, крепостных крестьян в дореволюционной России или описания экзотических животных. Если у детей принято лепить снежную бабу, то пусть они лепят из снега бюст Ленина, а чтобы покататься

¹ Полянский Н.А. Учебник и трудовая школа // Народное просвещение. 1918. № 23–25 (28 декабря). С. 9.

² Новые программы единой трудовой школы первой ступени. I, II, III и IV годы обучения. М.; Пг., 1923. С. 14.

на горке, ее надо сделать своими руками. «Мурзилка» служит источником политинформации: о том, как *«рабочие будут помогать крестьянам объединяться в колхозы»* («Мурзилка». 1930. № 3), о разных собраниях, успехах пятилетки, тяжелой жизни пролетариев и их детей на Западе и т.д. В период интенсивного социалистического строительства *«ребята со своей стороны должны усилить свою учебу, помогать собирать утильсырье, помогать взрослым в их работе»* («Мурзилка». 1930. № 10). В 1920-е гг. внушали не любовь к стране, а классовое сознание, непримиримую бинарную оппозицию «буржуи – пролетариат»; идентификация должна была происходить по классовому признаку, а не по национальной или государственной принадлежности – *«мы не ребята глупые, мы войско Октября»* («Мурзилка». 1931. № 3). Молодому государству еще нечем было гордиться, и формирование идентичности связывалось с уже существующими (или внушенными) традициями своего социального слоя.

В первые десятилетия существования Советского Союза школьники помогали беспризорникам, сажали деревья, готовили детские площадки, занимались ликвидацией безграмотности (*«На стройку быта смелей, ребята, С рабочими в ногу ровный ряды Нам в новой жизни дела Ведь эту жизнь достроим мы»*) («Мурзилка». 1931. № 1). Юные читатели должны были активно *«участвовать в строительстве страны»* («Мурзилка». 1930. № 6) – начиная с 1930 г. «мурзилкина почта» посвящена исключительно сбору денег на нужды пятилетки: *«Мы тоже хотим помочь нашему рабочему государству, потому что знаем, что нам никто, кроме нас самих, не поможет строить заводы и фабрики. А капиталисты хотели бы нас разорить и воевать с нами, потому что у нас красная власть. Мы все подписались на заем «Первого года второй пятилетки» и проверяем, подписались ли родители»* («Мурзилка». 1933. № 6). И к примеру, липовый цвет – это не просто красиво или полезно, главное *«Знай, кто не глуп: Выручим денег, радио купим В клуб!»* («Мурзилка». 1930. № 6). Дети борются с неграмотностью, собирают лом, мешки для мусора, старое железо, лекарственные травы, работают в колхозах, проводят всеобщ. *«Будь, рука, сильнее! Мы помогаем Нашей стране»* и *«не тихонько, не шаг за шагом А быстрым темпом, все вперед»* («Мурзилка». 1931. № 01).

Реформа школы, новые программы отразились также в школьных учебниках Первой республики. Учебники 1920-х гг. воспитывали молодых австрийцев как немцев. Несмотря на запрет на мирной конференции, акцент делался на имени «Немецкая Австрия»: *«Наша дорогая страна Немецкая Австрия будет счастливой и радостной, когда мы снова сможем её так называть»*¹.

¹ Doiwa J. Die Bundesrepublik Österreich in Unterrichtsbildern. Wien, 1927. S. 8.

Акцентировалась моноэтничность молодой республики («*В то время как Австро-Венгрия, как и Австрийская империя, были многонациональными государствами, современная республика Австрия – исключительно немецкая страна*»¹), связи с другими немецкими народами («*Наиболее важны нам отношения с Германией, где живут наши верные товарищи. В Швейцарии, Лихтенштейне, Чехословакии, Венгрии, Словении, Италии живут миллионы немцев. Политически и, большей частью, насильственно они отделены от нас*»², «*Германия – родина всех немцев – охватывает два государства: республику Германию и республику Австрию*»³); пропагандировался аншлюс («*Мы все искренне и твердо верим в светлое будущее Германии, когда мы объединимся с ней. Мы, немцы Австрии, хотим, каждый на своем месте, верно исполнять свой долг, приближая этим наше счастливое будущее*»⁴, «*Аншлюс Немецкой Австрии к Германии, с которой наша страна была связана на протяжении столетий, к которой принадлежит по языку и обычаям, был нам запрещен*»⁵). В учебниках и книгах для чтения ввиду того, что родина и отечество воспринимаются как синонимы, разъяснялось, что настоящим отечеством является Германия. Ярким примером формирования национального самосознания подрастающих австрийцев служит небольшая заметка в книге для чтения:

«- Ты любишь свое отечество, сын мой?

- Да, отец.

- Почему ты любишь его?

- Потому что это мое отечество.

- Ты думаешь, что Бог любит наше отечество, потому благословил его плодами, произведениями искусства, великими государственными деятелями, прославивших его?

- Отец, ты меня искушаешь.

- Я искушаю тебя?

- Ты учил меня, что Египет и Рим гораздо более велики по плодам их, нежели Германия. Но если бы судьба решила, чтобы я жил там, я не любил бы их так же сильно, как Германию.

- Почему ты любишь Германию?

- Потому что это мое отечество»⁶.

¹ Hannak L. Vaterlandskunde für die unteren Klassen der Mittelschulen. Wien, 1925. S. 18.

² Ibid. S. 6.

³ Arbeitsgemeinschaft von Geschichtslehrern: Aus alter und neuer Zeit. Band 1. Wien, 1929. S. 12.

⁴ Kende O. Lehrbuch der Geschichte. 4. Teil. Wien, 1930. S. 85.

⁵ Doiwa J. Die Bundesrepublik Österreich in Unterrichtsbildern. Wien, 1927. S. 8.

⁶ Standenat R. Deutsches Lesebuch für österreichische Mittelschulen. Band 5. Wien, 1929. S. 13.

Поколение, воспитанное на учебниках 1920-х гг., с радостью восприняло аншлюс 1938 г.

Позиционирование Австрии как второго немецкого государства, австрийцев как «лучших» немцев нашло свое отражение в школьном образовании корпоративного государства.

Однако внешнеполитические события заставили Австрию и Советский Союз поменять отношение к образованию и идеологическим кампаниям. Именно с этим периодом связано обращение к собственной самобытной истории в обоих странах.

В мае 1933 г. вышло постановление, что только те учебники могут быть использованы в дальнейшем, которые соответствуют новым целям воспитания. Годом раньше австрийский писатель Август Люкс, проанализировав школьные учебники, отметил «не подходящую для независимого государства навязчивую пропаганду аншлюса, антиавстрийские настроения, акцентуацию немецкой самобытности»¹. В указе этого же периода подчеркивалось «несоответствие школьных учебников современной политической ситуации»². Цель школьного образования в корпоративном государстве предполагала «воспитание преданности христианской немецкой свободной Австрии и послушного исполнения долга»³. У учеников воспитывалась лояльность и патриотизм. Акцент в учебниках был на истории Австрии, биографиях видных австрийских деятелей.

Об отношении к национальному вопросу в корпоративном государстве свидетельствует указ января 1934 г., в котором, в частности, говорилось: «Мы никогда не противопоставляли «австрийское» и «немецкое». Служба австрийскому отечеству и сохранение независимости австрийского государства будет полезна немецкому племени»⁴. В программе было сказано: «Австрийский национализм должен идти от основ: веры отцов, крови предков, истории родины. Он невозможен также без осознания тесной связи всего немецкого народа. Одно немыслимо без другого»⁵. То есть, школьное образование в Австрии 1933–1938 гг. не отрицало немецкие корни австрийцев, а подчеркивало самостоятельную

¹ Цит. по: Grossmann R., Wimmer R. Schule und Politische Bildung I. Die historische Entwicklung der Politischen Bildung in Österreich. Klagenfurt, 1979. S. 61.

² Цит. по: Dachs H. Österreichische Geschichtswissenschaft und Anschluss 1918–1930. Wien; Salzburg, 1974. S. 278.

³ Ibid. S. 365.

⁴ Tancsits C. Österreichbewusstsein und Schulunterricht in der Zwischenkriegszeit // Die Österreichische Nation. Band 2. Wien, 2004. S. 20.

⁵ Tzöbl J. Vaterländische Erziehung. Wien, 1933. S. 60.

миссию австрийской нации внутри общенемецкого культурного пространства.

Этот принцип получил отражение и в школьных учебниках. Не отрицая общенемецкое культурное пространство, подрастающему поколению внушалось: *«Немецкое население Австрии стало собственной народной общностью, так как мы долгое время жили в независимом государстве, которое было поставлено в уникальные исторические условия»*¹. В одном и том же учебнике могли присутствовать обозначение Австрии как «немецкого государства»² и подчеркиваться уникальные черты австрийского народа³. Акцент на немецкую самобытность Австрии и признание её особой роли, самобытных черт звучал рефреном во многих учебниках корпоративного государства. *«Австрия может быть только немецкой. Никто не может оспорить тесную связь Австрии и Германии. Но мы считаем, что Австрия должна сохранить независимость, так как обладает особой миссией»*⁴.

Разговор отца с сыном, который мы приводили выше из книги для чтения 1920-х гг., встречался и в изданиях 1930-х гг.:

«- Ты любишь свое отечество?

- Да, отец.

- Почему ты любишь его?

- Потому что это мое отечество.

- Почему ты любишь Австрию?

- Отец, я уже говорил тебе.

- Ты уже говорил мне?

- Да. Потому что это мое отечество»⁵.

Если в первых послевоенных учебниках истории основное внимание уделялось истории Германии, а Австрия рассматривалась только в контексте остальных немецких народов, то в книгах 1930-х гг. появились главы «Австрия в дохристианскую эру», «Австрия в римское время», благодаря чему создавалось впечатление, что Австрия была всегда. Подчеркивалась великая история австрийского народа: *«Австрия велика. Пусть сейчас наша страна мала по размерам, но это не влияет на её величие. Мы смотрим в прошлое, и понимаем, что достойны этого величия»*⁶. Много внимания уделялось также

¹ Kende O. Hinner A. Lehrbuch der Geschichte. IV. Teil für die vierte Klasse. Wien, 1937. S. 141.

² Brunner J., Stöger L. Geschichte in Tafelbildern und Zusammenfassungen. Horn, 1936. S. 23.

³ Ibid. S. 24.

⁴ Schier W. Einführung in die österreichische Bürgerkunde. Wien, 1935. S. 9.

⁵ Österreichischer Bundesverlag: O du mein Österreich. Wien, 1935. S. 87.

⁶ Österreichischer Bundesverlag: Ich bin ein Österreicher! Wien, 1935. S. 65.

Габсбургам и их роли в истории империи, героям и мифическим деятелям Австрии. В отличие от учебников 1920-х гг., прославлявших успехи германской армии в Первой Мировой войне, в учебниках 1930-х гг. акцент делался на роли австро-венгерской армии. Говорилось именно о тех операциях, в которых проявили себя австрийские полководцы. Гордость за собственную страну внушалась акцентированием успехов австрийской культуры: «Музыка – это подарок Австрии всему миру. Моцарт, Гайдн, Шуберт, Штраус – это всемирно известные австрийские композиторы. Музыкальный дар у австрийцев от Бога»¹, «Успехи австрийцев в музыке и медицине велики»².

Таким образом, через обращение к имперскому прошлому подрастающему поколению австрийцев внушалось, что, несмотря на малые размеры государства, Австрию ждет великое будущее, которого она, несомненно, заслуживает. Поколение, выросшее на учебниках корпоративного государства, строило самобытную австрийскую нацию во Второй республике.

Возможная война носилась в воздухе, «Сталин готовился к войне и понимал, что необходимо готовить к ней массовое историческое сознание, для чего необходимо было формировать новую историческую идеологию, охватывающую население страны призывного возраста, т.е. студентов и старших школьников. Удобнее всего это было сделать через школьные учебники и истфаки университетов. Фигура Покровского не была заменена каким-либо иным авторитетным историком, она была заменена фигурой Сталина»³. Поэтому, как и в Австрии, в СССР в 1934–1935 гг. прошла широкая идеологическая кампания, связанная с пересмотром отечественной истории. Вместо «тюрьмы народов» Россия предстала как носитель высокой цивилизационной миссии, а героями стали не маргиналы-революционеры, а государственные деятели и полководцы. В 1937 г. была составлена схема многотомной истории СССР в недавно образованном Институте истории АН СССР, по решению И.В. Сталина было объявлено переиздание курса истории В.О. Ключевского. Это отразилось и в первом школьном учебнике по истории под редакцией А.В. Шестакова, который использовался в школах до 1956 г. Большое значение, которое отводилось преподаванию истории детям, показывает тот факт, что перед изданием рукопись учебника несколько раз редактировалась А.А. Ждановым и И.В. Сталиным. Огромный труд, проделанный учеными-историками, школьными

¹ Österreichischer Bundesverlag: Mein Vaterland, mein Österreich. Wien, 1935. S. 8.

² Österreichischer Bundesverlag: O du mein Österreich. Wien, 1935. S. 87.

³ И.В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–50-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. Ч. 1. 1920–30-е годы / Сост. М.В. Зеленев. СПб., 2006. С. 185.

учителями истории и рецензентами справедливо может быть назван кульминацией государственного «поиска удобного прошлого»¹. «Краткий курс истории СССР» стал не просто школьным учебником для 3–4 классов: «Чему научит эта книжка. Она расскажет вам, как жили люди в старину, как боролись народы СССР со своими угнетателями и врагами...»². После разгрома школы М.Н. Покровского и, соответственно, его «Русской истории в самом сжатом очерке», «Краткий курс истории СССР» использовался как основное и, зачастую, единственное пособие не только в школах, но и партийных курсах, что доказывает его идеологическую выдержанность. Поэтому, несмотря на официальную критику М.Н. Покровского, его тезис о том, что «История – это политика, опрокинутая в прошлое» был актуален, как никогда.

Разумеется, первые ученики, которые готовились в школах по учебнику «Краткий курс истории СССР», не участвовали в Великой Отечественной войне. Новое поколение историков, подготовленных на восстановленных кафедрах, к 1940-м гг. еще не стало участниками идеологических сражений с «буржуазной лженаукой». Как и в Австрии, воспитанники новой школы стали наиболее активны уже после Великой Отечественной войны, когда революция перестала быть абсолютно сакральной, место «мирового пожара» в сознании граждан СССР заняла борьба за мир, а работа во благо Советского Союза стала значить больше всемирного пролетарского единства.

Таким образом, если канцлеры Первой Австрийской республики не видели будущего своей маленькой страны, то советские руководители ориентировались на светлый идеал, достижению которого подчинялось настоящее. Этим были обусловлены стратегии формирования идентичности после 1918 г. Австрийцы акцентировали внимание на своих прошлых заслугах, преемственности с Германией или, впоследствии, с Габсбургской империей, воспитывались на общенемецких ценностях и католической культуре. Советское государство объявило о полном разрыве с российской историей, что проявилось в государственных символах РСФСР, а затем СССР. Главными ценностями стали пролетарское единство, борьба с врагами революции и победа коммунизма. Однако в середине 1930-х гг., как и в Австрии, на фоне обострения международной обстановки в СССР начинается возрастание внимания к российской истории и традициям.

¹ *Платт К.М.Ф.* Репродукция травмы: сценарии русской национальной истории в 1930-е годы [Электронный ресурс]: Новое литературное обозрение. 2008. № 2. С. 162. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/pl7.html> (дата обращения 3.08.2014).

² *Шестаков А.В.* Как преподавать историю СССР по новому учебнику истории // Исторический журнал. 1937. № 9. С. 79.

ЯКУБОВСКИЙ И ЕГО РОЛЬ В КАНОНИЗАЦИИ УЗБЕКСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ¹

Мысль о тесных связях между академическим (особенно историческим) знанием и властью, особенно потребностями государственного строительства, не нова. Вспомним генеалогию взаимосвязи знания и власти М. Фуко² и утверждение Э. Хобсбаума о том, что профессия историка востребована нуждами национализма и политики³. Но именно опыт советского и постсоветского периодов представляет собой, возможно, самый наглядный пример этой связи, т.к. при советском режиме историческое знание, по меньшей мере, в ряде случаев, было своеобразной формой власти. Это становится очевидным, если изучить творческий путь выдающихся советских академиков русской или других, менее многочисленных, национальностей. Одним из таких академиков был Александр Юрьевич Якубовский (1886–1953) – советский историк, русский по происхождению, эксперт в области монгольской и среднеазиатской истории, который сыграл выдающуюся роль в канонизации официальной доктрины узбекской национальной истории. Несмотря на очевидное наследие его взглядов, которое вошло в кровь и плоть современного Узбекистана как национального государства, историографы до сих пор не уделяли ему достаточного внимания. В какой-то мере это можно объяснить тем, что А.Ю. Якубовский формально не принадлежал к официальному пантеону выдающихся российских и советских учёных в области истории, антропологии и востоковедения (таких, например, как В.В. Бартольд, И.Ю. Крачковский, Н.Я. Марр, Ю.В. Бромлей и другие). Скорее, А.Ю. Якубовский принадлежал ко второму эшелону советских историков. Ещё одна причина отсутствия должного внимания к творчеству А.Ю. Якубовского состоит в том, что постсоветские историографы до настоящего времени на концептуальном уровне не анализировали особенности эволюции положений национальной и отечественной истории

¹ Адаптированный перевод: *Ilkhamov A. Iakubovskii and Others: Canonizing Uzbek National History // Exploring the Edge of Empire: Soviet Era Anthropology in the Caucasus and Central Asia* (Halle Studies in the Anthropology of Eurasia). LIT Verlag (December 28, 2011). P. 237–256.

² *Foucault M. The order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. London, 1970; *Foucault M. An Archaeology of Knowledge*. London, 1972; *Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and other Writings, 1972–1977*. New York et al., 1980.

³ *Hobsbawm E., and R. Ranger (eds.) The Invention of Tradition*. Cambridge, 1983; *Hobsbawm, E.J., and J.R. Kertzer. Ethnicity and Nationalism in Europe Today // Anthropology Today*. 1992. № 8. P. 3–8. 1992.

советского периода, взаимодействие научного сообщества и политической власти, борьбу между различными философскими школами в самой научной среде. Прослеживая биографию и профессиональное становление А.Ю. Якубовского, мы можем реконструировать эволюцию советских исторических школ и, таким образом, лучше понять интеллектуальное наследие Советского Союза и тот масштаб, в котором оно было сохранено, опровергнуто или отвергнуто постсоветскими государствами и их академическими элитами.

Рассмотрим первоначально те исторические условия, при которых А.Ю. Якубовский и ученые его поколения начинали свою научную карьеру. Важно отметить, что это был переломный момент истории, отмеченный двумя выдающимися историческими событиями: падением царской империи и зарождением нового советского режима. Советское государство отводило важную роль социальным наукам в жизни общества, требуя от них соответствия новой социальной теории текущей повестке дня. После переворота 1917 г., за которым последовал период консолидации большевистского режима, социальные науки, должны были, с одной стороны, подстроиться под господство марксистской теории, а с другой – удовлетворять ежедневные нужды управления и построения социализма. Такие дисциплины, как этнография, история, археология и т.н. «востоковедение» (которое отдельно выделило азиатские и исламские общества как предмет для академических исследований) пользовались особым спросом в свете проблематики национального самоопределения, которое, в свою очередь, было важной частью политической программы большевиков. Советский режим реализовывал эту цель, создавая квазинациональные государства, которые составляли советскую федерацию, что отвечало программе национального самоопределения (в том, как это самоопределение понимали большевики во главе с В.И. Лениным и И.В. Сталиным) и, в то же самое время, сохраняло территориальную целостность бывшей Российской империи.

Учитывая, что с позиций классической марксистской теории коренным народам Центральной Азии не хватало исторических предпосылок для строительства социализма и формирования современного национального государства, большевики приняли на вооружение стратегию перехода от феодализма к социализму, минуя стадию капитализма. Эту проблему можно было решить, только сочетая прямой политический контроль из Москвы с удовлетворением, в какой-то степени, этнокультурных чувств местного населения и его интеллектуальной элиты. Ученых востоковедов, этнографов и историков воспринимали как необходимый инструмент для выполнения этой двойной программы. Они (ученые) должны были принять участие в выполнении задач

по установлению границ титульной национальности, канонизации ее языка и истории для каждой из новообразованных национальных республик.

Первостепенной из задач была разработка этнографической и статистической основы для определения границ новых советских республик. Этот период длился с самого начала советской эры до 1929 г., и в течение этого времени Советы в сотрудничестве со специалистами (востоковедами, историками, лингвистами и историками) проводили статистические исследования, за которыми последовала делимитация и создание фактически «с нуля» новых национальных государств. Некоторые этностатистические исследования (поначалу только ради переписи и регистрации населения) проводились уже в 1917–1923 гг. И.П. Магидовичем (1924 г.), М.С. Андреевым (1924 г.) и И.И. Зарубиным (1925 г.) и были инициированы, прежде всего, исходя из прагматической потребности в рациональной классификации проживающих на определенной территории этнических и субэтнических групп. Политическое назначение этих исследований тогда ещё не было сформулировано в силу молодости самого советского государства. Несколько позднее начались дебаты по поводу того, какие основные принципы и критерии при построении новых национальных республик должны быть избраны для выполнения большевистского обещания о национальном самоопределении народов. Возникло два лагеря. Представители одного из них выступали за то, чтобы эти республики выстраивались вокруг избранных титульных национальностей¹. Однако их оппоненты считали, что автономный Туркестан может быть основан не на этнонациональном принципе, а скорее, на факте исторического сосуществования различных коренных народов, этнических и лингвистических групп,² прожи-

¹ Этот проект выдвигался Туркестанской Комиссией (Турккомиссия) Центрального Исполнительного Комитета СССР и Советом Народных Комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой (РСФСР). Турккомиссия готовила демаркацию границ недавно созданных национальных образований в Туркестане. В свою очередь, на позицию Турккомиссии повлиял Г.И. Бройдо – большевистский чиновник, который был озабочен существующими этническими конфликтами в регионе, особенно между узбеками и туркменами в Хорезме, куда он был направлен в качестве эксперта по этническим вопросам и стал свидетелем этих конфликтов (*Нурпейсов К.И., Григорьев В.К.* Турар Рыскулов и его время // Т.П. Рыскулов. Собрание сочинений. Т. 1. Алматы, 1997. С. 9–48).

² Эту позицию продвигали Т.П. Рыскулов и М.Х. Султан-Галиев (оба национал-коммунисты), которые также выдвигали идею объединенного автономного национального государства, объединяющего все тюркские народы Российской Федерации (*Ikhamov A.* Archaeology of Uzbek Identity. Anthropology and Archeology of Eurasia 44 (4). 2006. P. 22, 23). Косвенно эту позицию поддерживал и В.В. Бартольд, который в своем письме от 1924 г. критиковал этноцентрическое построение национального государства за слепое копирование европейского опыта и за пренебрежение местными социальными особенностями и историческими условиями. Это письмо опубликовано: Курьер петровской кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 2–3. С. 53–55.

вавших на том момент на национальных окраинах бывшей Российской империи. Большевики встали на сторону первого, этноцентричного подхода. Нетрудно догадаться, что это было сделано для форсирования строительства новых квазигосударств, которые бы составили основу советского многонационального государства.

В итоге, политика национального разграничения в Средней Азии стала базироваться на том, что шло вразрез с марксистскими взглядами о нации как продукте и важнейшей черте капиталистического развития. Большевики, и прежде всего сам В.И. Ленин, пересмотрели классическую марксистскую теорию национализма и выбрали новый подход, в соответствии с которым нации могут возникать и развиваться в рамках и под опекой социалистического государства, под руководством ведущей коммунистической партии и при участии российского пролетариата. Для применения на практике этой ревизионистской позиции были мобилизованы социальные науки, они получили карт-бланш для реализации собственных устремлений и взглядов, но в рамках уже принятой политической доктрины. Результаты новой политико-территориальной демаркации квазинаций были подкреплены первыми переписями населения в 1926 и 1937 гг.¹

Якубовский не был задействован в этих исследованиях, но он принял участие в реализации второй задачи, суть которой сводилась к необходимости обоснования исторической наукой официальных утверждений о том, что новые этноцентрично сконструированные национальные государства (т.н. «союзные республики») были не искусственными образованиями, а имели глубокие исторические корни.

Наконец, третья задача, которая была поставлена перед учеными, заключалась в канонизации национальных языков как необходимых атрибутов титульных наций, вокруг которых выстраивались новые союзные республики. В случае с Узбекистаном этот процесс начался в 1920-х гг. и был завершён ко Второй Мировой войне. В этот период, по итогам споров между сторонниками разных школ, были выбраны отдельные диалекты для создания национального стандарта узбекского литературного языка, что, как предполагалось, будет толчком к развитию национальной литературной культуры. Спор шел в основном между защитниками кыпчакских диалек-

¹ *Абашин С.Н.* Население Ферганской долины (к становлению этнографической номенклатуры в конце XIX века) // Абашин С.Н., Бушков В.И. Ферганская долина: Этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М., 2004. С. 39–101; *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union / Ithaca et al.: Cornell University Press, 2005; *Ilkhamov A.* Archaeology of Uzbek Identity // Anthropology and Archaeology of Eurasia. 2006. № 44 (4). P. 10–36.

тов и сторонниками чагатайского культурного наследия. «Кыпчаки» заявляли о степном происхождении узбекской нации, в то время как «чагатайцы» считали современных узбеков предками оседлых народов, которые имели более глубокие местные корни и историю – особенно уйгурскую (позднее известную как чагатайская) культурную традицию¹. А.Ю. Якубовский не принимал личного участия в споре о «правильной» языковой идентичности титульной нации. Его научная деятельность была посвящена консолидации победившего мнения, согласно которому узбеки были не поздними переселенцами из Центральной Азии, а ассимилировали узбекские кочевые племена, которые вторглись в регион Мавераннахра в начале XVI в. во главе с Шейбани ханом.

От утверждения карлукского диалекта (ассоциировавшегося с чагатайской культурной традицией), как основного элемента узбекского языка, до канонизации узбекской национальной истории оставался один шаг, и важную роль в его осуществлении сыграла школа историков, на которую значительное влияние оказал А.Ю. Якубовский. Этот шаг нужно было сделать для того, чтобы узаконить создание молодого квазинационального государства. Оно могло быть легитимизировано доказательством древнего происхождения титульных наций и опровержением отсутствия преемственности в их культурных особенностях, языке, национальных символах и истории. Концептуализация истории наций была важнейшей частью осуществления этой программы.

Сначала – концептуализация русской национальной истории

Александр Юрьевич Якубовский родился и провел большую часть своей жизни в Санкт-Петербурге, который считался центром российской академической мысли, особенно гуманитарных дисциплин, антропологии и востоковедения. В 1913 г. он окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, в 1924 г. завершил обучение на факультете востоковедения в том же университете. Будучи студентом и молодым ученым, Якубовский общался с разными российскими учеными, жившими и преподававшими в том же городе – В.В. Бартольд, С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марром, И.А. Орбели и И.Ю. Крачковским. От своих учителей он унаследовал интеллектуальную культуру и высокие стандарты

¹ О канонизации узбекского языка см.: *Baldauf I. Some thoughts od the Making of the Uzbek Nation // Cahiers du Monde russe et sovietique. 1991. № 32 (1). P. 79–95; Baldauf I. «Краеведение» and Uzbek National Consciousness. Bloomington, 1992; Fierman W. Language Planning and National Development: the Uzbek Experience. New York, 1991.*

исследовательской работы, характерные для классических академических школ. Недаром позже он был признан самым выдающимся учеником В.В. Бартольда¹.

В 1924 г. после окончания Ленинградского университета, он попал в совершенно другой мир, характеризовавшийся политическим доминированием большевиков и сложными взаимоотношениями между новой властью и академическими кругами. Хотя какое-то время, благодаря соглашению между В.И. Лениным и С.Ф. Ольденбургом, наука сохраняла определенную академическую свободу, во время правления И.В. Сталина начались массовые и систематические репрессии, мишенью которых были т.н. «социально-чуждые элементы». Сначала к этим элементам относили представителей буржуазной интеллигенции, которых, в соответствии с замыслом большевиков, нужно было постепенно исключить из советских институтов, нейтрализовать и изолировать от общества, и в итоге заменить новым поколением интеллигенции. Режим использовал репрессии для устрашения и политического контроля. Иногда они были выборочными, как лотереи – даже невиновный мог стать жертвой режима. Однако самого А.Ю. Якубовского, так же, как и ряд других востоковедов, историков и этнографов, эти чистки не коснулись. Он пережил и репрессии 1928 г., мишенью которых была Академия наук, и массовую (после убийства в 1934 г. С.М. Кирова) зачистку Ленинграда, в которой тысячи людей (в частности, лидеры партии и представители интеллигенции) были депортированы из города и заключены в тюрьмы. Пока не найдены достоверные архивные материалы, сложно сказать, по какой причине удержался А.Ю. Якубовский: благодаря одной лишь удаче или же у него в дополнение к ней были политические связи. В любом случае, он не только выжил, но и улучшил свое положение в академической иерархии тех лет. В 1935 г., когда ему был 51 год, он получил почетную должность профессора Ленинградского университета.

Справедливости ради стоит отметить, что и другие выдающиеся востоковеды смогли пережить зачистки и кампании по устрашению. Например, В.В. Бартольд и С.Ф. Ольденбург дожили до 1930 и 1934 гг. соответственно и не были тронуты большевистским режимом. В случае с В.В. Бартольдом это произошло даже несмотря на то, что он осмелился противостоять большевистскому плану по созданию новых национальных республик в Центральной Азии по этнотерриториальным границам. Некоторые ученые,

¹ Как утверждает Ю.Э. Брегель, А.Ю. Якубовский входил в тройку лучших учеников В.В. Бартольда, среди которых также были Л.А. Зимин и И.И. Умняков (*Bregel Yu. Barthold and Modern Oriental Studies // International Journal of Middle East Studies. 1980. № 12 (3). P. 391.*

такие как И.Ю. Крачковский, Н.И. Конрад и Н.Я. Марр, продолжили свою работу, хотя им и пришлось пойти на компромисс и принять, по крайней мере формально, марксистскую методологию. Другие же были репрессированы: например, в 1937 г. был арестован А.Н. Самойлович, которого обвинили в шпионаже в пользу Японии и в конечном итоге казнили. Такие этнографы, как Н.А. Невский, А.И. Востриков, Ю.К. Щуцкий и многие другие, также были репрессированы.

Что касается А.Ю. Якубовского, то его преданность сталинистской национальной политике не была показной, хотя остаются вопросы относительно того, был ли он в целом убежденным марксистом. Бесспорно то, что вместе с некоторыми другими историками А.Ю. Якубовский доказал свою способность отражать и даже угадывать растущий интерес власти к российской истории. Уже примерив на себя роль абсолютного правителя, И.В. Сталин искал источники легитимности своего положения в российской истории, чтобы применить её уроки для управления современным советским государством. Именно в этот период И.В. Сталин начал задумываться над тем, как сочетать коммунистические принципы с национальной идеологией, чтобы культивировать патриотические чувства у советских граждан и таким образом обеспечивать лояльность населения к режиму.

В начале своей академической карьеры А.Ю. Якубовский специализировался на монгольской истории, главным образом, эпохе монгольской экспансии на Древнюю Русь в XIII в. Его монография «Золотая орда и её падение», написанная в соавторстве с Б.Д. Грековым и впервые опубликованная в 1937 г., встретила настолько положительный отклик у правящих кругов, что была переиздана ещё два раза (в 1941 и 1950 гг.)¹. В 1952 г. А.Ю. Якубовский и Б.Д. Греков были награждены Сталинской премией – наивысшей наградой для представителей российской интеллигенции того времени. Книга действительно соответствовала академическим стандартам, и что для того времени важнее, отражала политическую программу, принятую сталинским режимом. С одной стороны, этот труд можно рассматривать как продолжение устоявшихся российских научных традиций. Текст был написан хорошо и даже увлекательно, в то же время оставаясь академически точным и подкрепленным многочисленными оригинальными средневековыми источниками. Больше всего, по видимости, политическому руководству понравилось то, что в книге применялась марксистская

¹ Золотая Орда была одним из улусов (т.е. автономных частей) Монгольской империи, образованных в результате завоевания Чингисханом обширных территорий от Китая до Восточной Европы и Среднего Востока. Её центр находился в округе современной Астрахани.

методология и одновременно продвигалась новая национальная идея. При этом книга была насыщена цитатами В.И. Ленина и И.В. Сталина. Следуя классовой теории, А.Ю. Якубовский и Б.Д. Греков «правильно» интерпретировали исторические факты, показывая классовые столкновения между нойонами (монгольской аристократией) и обычными кочевниками. Однако авторы были осторожны в применении марксистской теории при характеристике русских князей. Пример М.Н. Покровского, другого российского ученого, который был смещен с «должности» главного марксистского историка, указывал на то, что И.В. Сталин не намерен терпеть ни критику прошлых российских автократов, ни полное отрицание царского имперского правления. Сделав соответствующие выводы, А.Ю. Якубовский и Б.Д. Греков не позволили себе зайти слишком далеко в осмыслении российской истории с позиций марксистской теории. Их обращение к марксизму было скорее выборочным: они использовали его в полной мере лишь в отношении монгольской империи, но затушевывали в освещении истории русских княжеств и московских царей. Такие личности, как московские государи, главным образом, должны были оцениваться с точки зрения их вклада в российскую государственность, а не с позиции классовой теории.

А.Ю. Якубовский критиковал авторов, в основном старшего поколения, например, В.В. Бартольда, которые видели в последствиях монгольского нашествия и положительные черты, например, активизацию международной торговли, политическую стабильность, развитие на захваченных территориях инфраструктуры и даже культуры¹. Он также отвергал представление о том, что Чингисхан сыграл положительную роль в консолидации монгольских и тюркских племен и настаивал на том, что Чингисхана, прежде всего, следует рассматривать как представителя аристократии, который эксплуатировал обычных монголов. Более того, историк заявлял о том, что *«Золотая орда была искусственным государственным формированием, основанным на агрессивном завоевании чужих земель»* и что такое государство *«могло существовать лишь опираясь на насилие и воровство у завоеванных народов»*².

Отрицая разносторонний характер отношений Монгольской империи с русскими княжествами и демонизируя личность Чингисхана, А.Ю. Якубовский, намеренно или неосознанно, внес большой вклад в концепцию монгольского ига, которое с тех пор стало считаться переломным моментом в российской истории, главной интригой в её драматическом политическом

¹ См.: *Bartold V.V. Four Studies on the History of Central Asia. Vol. 1. Leiden, 1956.*

² *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая орда и её падение. М., 1950.*

развитии. Согласно А.Ю. Якубовскому, Б.Д. Грекову и их единомышленникам, татаро-монгольское завоевание было разрушительным для российской государственности, и Московская Русь смогла освободиться от монголов только благодаря экономическому развитию и консолидации русской нации в сильное централизованное государство¹. Подтекст этой интерпретации истории можно расшифровать следующим образом: 1) национальный суверенитет был и оставался главным приоритетом; 2) национальному суверенитету постоянно угрожали иноземные враги, и противостоять этому можно было только путем консолидации нации под руководством мудрого и сильного правителя. Извлекая подобные уроки из российской истории, можно было придти к мысли о легитимности диктаторского режима И.В. Сталина и его исторической миссии по объединению нации для защиты как от внутренних классовых врагов, так и от иностранных империалистов.

Обращение к узбекской национальной истории

Опыт пересмотра и канонизации русской национальной истории, продемонстрированный «Золотой Ордой...», стал моделью для последующих работ, посвященных истории менее крупных советских наций и национальностей. В решении этой задачи А.Ю. Якубовский был задействован лично. На выбор исследователем Узбекистана как места, к которому он применил свои методологические принципы, повлияло неожиданное нападение нацистской Германии на СССР. Когда началась война, многие научные институты были эвакуированы из центра на восток страны. Оставшиеся ученые были призваны в армию или ушли добровольцами. Из одного лишь Ленинградского института Востоковедения 37 ученых погибли под самим Ленинградом. В возрасте 55 лет А.Ю. Якубовский оказался в группе ученых, эвакуированных в г. Ташкент. Обосновавшись в Узбекистане, он скоро возвращается к научной деятельности на этот раз в тесном сотрудничестве с Узбекской Академией наук. К 1941 г. при содействии Комитета по празднованию юбилея Алишера Навои, местного поэта эпохи Средневековья, А.Ю. Якубовский публикует статью «К вопросу об этногенезе узбекского народа», изданную отдельной брошюрой².

Учитывая политический контекст, появление этой статьи именно в то время не было случайностью. В первый период войны советская армия терпела тяжелые поражения, и огромные территории были оставлены

¹ Историки отмечают, что Золотая Орда, воюя с определенными русскими княжествами, одновременно находилась в союзе с другими.

² Комитет был создан Советом Народных Комиссаров Узбекской ССР.

немецким захватчиком. Отчасти этот провал можно было объяснить низким боевым духом советской армии накануне войны. Классовое сознание, подпитываемое большевиками, было практически сведено на нет годами репрессий, разрушением миллионов крестьянских домашних хозяйств, гонениями на Церковь, преследованием верующих и другими зверствами, совершенными сталинским режимом против граждан своей страны. После многих лет репрессий и нужды население Советского Союза, особенно в национальных республиках, можно было убедить воевать ради режима или «кнутом», например, заградотрядами, или новыми, помимо классовых, идеями. На практике в ход пошло и то, и другое.

В этот критический момент могли пригодиться историки, такие как А.Ю. Якубовский, чьи труды взывали к национальному самосознанию народов, населяющих Советский Союз. И снова у этих историков появился шанс доказать, что, оставаясь краеугольным камнем политической философии партии, концепция классовой борьбы должна быть дополнена еще и патриотической идеологией. Последняя, учитывая полиэтничный состав населения страны, должна была включать в себя патриотически окрашенные исторические сказания, которые были у каждого из населявших Советский Союз народов. В то же время эта идеология по-прежнему должна была соответствовать генеральной линии общероссийской национальной истории, которой отводилась ключевая роль в пансоветском патриотизме. Таким образом, сталинский режим и работающие на него историки должны были предложить народам Центральной Азии вдохновляющую концепцию национальной истории, которая бы усилила национальное самосознание и чувство гордости, не противореча при этом императивам и траекториям «славного прошлого» России. Эту задачу можно было решить нахождением и формулированием «величия» и «великого прошлого», которые приписывались отдельным нациям. «Величие» ассоциировалось с древним происхождением нации и историческими достижениями её предков. Единственная проблема, которая могла этому препятствовать заключалась в непреодолённых разночтениях между языком, самоидентичностью, национальными символами, территорией и культурой данной нации. Эту проблему можно было решить только созданием внутренне непротиворечивой концепции национальной истории.

В отношении Узбекистана ученые должны были отвергнуть монгольско-тюркские корни этнонима «узбек», особенно его связь с конфедерацией дешт-и-кипчакских племен, лидеры которых, Абулхаир хан и Шейбани хан, считались потомками Чингисхана. Отсылки к дешт-и-кипчакским племе-

нам были несовместимы с задачей смещения Монгольской империи с пьедестала исторической славы, к тому же они подразумевали относительно недавнее и менее исторически значимое прошлое современных узбеков, поскольку в этом случае их следовало бы рассматривать как потомков нецивилизованных кочевых завоевателей Мавераннахра. Такое понимание было нежелательно ещё и потому, что многие представители таджикского населения считали себя жертвами узбекско-тюркского нашествия¹. Кроме того, подтверждение монголо-тюркского происхождения современных узбеков могло подпитывать чувство исторического соперничества между их предками и Древней Русью, таким образом, подрывая идеологию дружбы народов и концепцию положительного влияния русского завоевания на туркестанское общество. Таким образом, нужно было сделать акцент на том, что предки узбекской нации, как и русские, боролись против монгольского нашествия, тем самым делая их очевидными союзниками русских княжеств.

Для того, чтобы решить проблему несоответствия между различными атрибутами выдуманной нации, А.Ю. Якубовский предложил окончательно отделить этимологические и исторические связи этнонима «узбек» (в его современном значении) от дешт-и-кыпчакских корней. Постулируя древнее происхождение узбекской нации и её связь с более древним и богатым чагатайским культурным наследием, А.Ю. Якубовский заявлял: *«Долгое время господствовало мнение (и оно всё ещё имеет место быть) о том, что узбекская нация произошла от кочевых узбеков, которые начали появляться в Центральной Азии в XV в. и завоевали её под предводительством Шейбани хана только в начале XVI в.»*².

Таким образом, стало возможным преуменьшить значимость того факта, что именно дешт-и-кыпчакские кочевые племена первыми стали называться «узбеками» и были потомками племен, ассоциировавшихся с Золотой Ордой. Отрицая отождествление истории народа с историей его названия, А.Ю. Якубовский утверждал, что узбекская нация в основном сформировалась до вторжения Мухаммеда Шейбанида на территорию современного Узбекистана. Согласно А.Ю. Якубовскому, миграция дешт-и-кыпчакских узбеков всего лишь завершила формирование узбекской нации,

¹ Несмотря ни на какие академические и формально установленные решения, касающиеся узбекских национальных исторических корней, споры по этому вопросу возникали ещё в советский период во время отделения Таджикистана от Узбекистана, когда в 1929 г. Таджикистан, изначально бывший автономной частью Узбекской Советской Социалистической Республики, получил статус союзной республики.

² Якубовский А.Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941. С. 3.

процесс, который был начат тюрками Центральной Азии в XI в. во времена Караханидов.

Логика подхода А.Ю. Якубовского объясняется *«отделением среды формирования различных наций от истории их названий»*¹. Чтобы обозначить период до Шейбани, он вводит термин «древнеузбекский». *«Позволяет ли нам упомянутое выше, – пишет он, – преодолеть абсолютно формалистские принципы в отношении названия «узбекский» и обозначить все тюркское прошлое на территории Узбекистана как «древнеузбекское»? Я полагаю, позволяет»*². Однако разрешение этой терминологической сложности было лишь первым шагом в создании узбекской национальной истории. Далее было необходимо обнаружить «величие» узбекского исторического прошлого, прежде всего, сформировав пантеон великих узбекских исторических личностей. Тут стало ясно, что золотое наследие нации будет в основном состоять из личностей, которые жили до начала эпохи Шейбани, таких как Алишер Навой, Улугбек и даже Тамерлан (с некоторыми оговорками, учитывая те разрушения, которые Тамерлан учинял при захвате территорий). Отдав приоритет скорее чагатайскому наследию в качестве узбекской национальной символики, чем историческому наследию Золотой Орды, А.Ю. Якубовский обеспечил бесконфликтное историческое прошлое узбекского и русского народов. Так, Тамерлана, победившего хана Золотой Орды Тохтамыша, можно было рассматривать как настоящего союзника Московской Руси и даже помощника по освобождению от татаро-монгольского ига.

Американский тюрколог и историк Э. Олворт придерживался похожих взглядов на то, почему А.Ю. Якубовский был так внешне пренебрежителен или несведущ в вопросах наследия шейбанидов. В «The Modern Uzbeks...» Э. Олворт пишет, что ревизионистская история Центральной Азии А.Ю. Якубовского была наполнена марксистскими идеологемами и укрепляла позиции российских национальных патриотов в отношении Золотой Орды. Это предубеждение объяснялось представлением о татаро-монгольском иге, которое, как считалось, несет угрозу для национального сознания русского патриота³. Преимущества формулировок А.Ю. Якубовского были очевидны для русских и узбекских патриотов,

¹ Там же. С. 19.

² Шейбани хан был главой узбекских кочевых племен, которые вторглись в Мавераннахр (регион между Амударьей и Сырдарьей также известный как Трансоксания) в начале XVI в. (Там же. С. 19).

³ *Allwarth E. The Modern Uzbeks: From the Fourteenth Century to the Present: A Cultural History. Stanford: Hoover Institution Press, 1990. P. 241.*

поэтому его взгляд на национальную историю был так хорошо воспринят и в Москве, и в Ташкенте и послужил теоретическим фундаментом, на основе которого можно было канонизировать узбекскую национальную историю. Конструкция А.Ю. Якубовского могла применяться не только в отношении отдельного случая с узбекской национальной историей, она представляла собой универсальный алгоритм обработки исторических данных, подходящий для исследования этногенеза любой нации. Мета-этногенетический подход А.Ю. Якубовского косвенно базировался на следующих предпосылках:

1) Этноним нации следует рассматривать как идентификатор, не имеющий значения для понимания её этногенеза и формирования национальной идентичности;

2) Происхождению и первоначальному значению этнонимов нужно отводить второстепенную роль, упор нужно делать на «объективных» особенностях образа жизни народа (например, оседлый и кочевой) и диалектических сходствах (например, тюркские языки).

3) Всех людей, живших ранее на данной территории, следует считать не только прямыми предками исследуемой нации, но и применять к ним этноним этой нации, особенно если и предки, и их современные потомки говорили на тюркских языках. В случае с Узбекистаном такой предок был найден в лице Караханидов, тюрко-говорящей династии, которая пришла к власти в Центральной Азии в XI в. Чтобы считаться предком современной узбекской нации, этих условий (древность, тюркоязычность, проживание на данной территории) было более, чем достаточно. Некоторые авторы обнаружили предков узбеков в ещё более раннее время – в Тюркском каганате.

Конечно, проблема заключалась не в том, что нации рассматривались как потомки народов, в прошлом живших на тех же территориях, независимо от того, были ли у них общие язык и генеалогия, скорее, проблема была в политизировании вопроса национального происхождения для легитимизации современного управления национальной территорией и эксклюзивного присвоения определенных исторических символов. Выдвижение на передний план дискурса этногенеза неизбежно приводило к ретроспективному переносу современных политических реалий в прошлое. Если трактовать историю подобным образом, то она становится непредсказуемой, поскольку остается открытой для постоянного пересмотра в связи с современными потребностями и, в особенности, политическими идеологиями. Проецирование настоящего в прошлое и, наоборот, телеологическое пере-

несение исторического прошлого в настоящее было характерно не только для Узбекистана. Национальные истории создаются в основном для достижения современных политических целей. Вряд ли можно оспорить тот факт, что большинство титульных наций, составлявших Советский Союз, включая узбеков, таджиков, туркменов, кыргызов, казахов, да и самих русских, поддались искушению мифологизации своих национальных историй.

Интеллектуальные и идеологические корни

Однако было бы большим упрощением сводить концепции А.Ю. Якубовского относительно национальной истории к одним лишь политическим расчетам и стремлению угодить политической верхушке. Корни идей А.Ю. Якубовского можно увидеть в философской школе, которая сложилась до начала его научной работы и раньше самого советского режима. Необходимо упомянуть фигуры научных наставников Якубовского: Н.Я. Марра и В.В. Бартольда. Если сравнить взгляды Н.Я. Марра и А.Ю. Якубовского, то можно найти много схожего. Подход А.Ю. Якубовского не сильно отличался от проекта Н.Я. Марра по реконструкции национальной родословной грузин и армян путем поиска единого протоисторического предка и протоязыка. Проект Н.Я. Марра, хотя вполне благородный по своему порыву, при этом игнорировал постоянные процессы межкультурного взаимодействия и заимствования, рассматривая сами заимствования как угрозу самобытности национальной идентичности¹. А.Ю. Якубовский и его сторонники могли в какой-то мере согласиться с этим взглядом. Так, А.Ю. Якубовский преуменьшал значение итогов проникновения дешт-и-кипчакских племен под предводительством Шейбани в начале XVI в. Позднее его последователи из числа академиков Узбекистана аналогичным образом упорно отрицали значение влияния иранской, арабской и турецкой культур на коренные народы Центральной Азии в средние века.

Помимо этого, на А.Ю. Якубовского и его поколение советских востоковедов повлияли либеральные идеи Н.Я. Марра и В.В. Бартольда о поддержке патриотических чувств национальных меньшинств в царской империи. Это течение философской мысли появилось в 1870–1880 гг. и известно как идеология «малой родины». Последователи этой идеологии полагали, что нерусские народы Российской империи, т.н. «инородцев», можно интегрировать и сделать по-настоящему лояльными к панрусскому национальному государству, если дать им возможность получить лучшее пред-

¹ О взглядах Н.Я. Марра см: *Slezkine Yu. N.Ya. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenetics // Slavic Review. 1996. № 55 (4). P. 826–862.*

ставление о своей родине и привить чувство гордости за свое историческое происхождение и историю¹. После Октябрьской революции сторонники идеологии «малой родины» получили карт-бланш на реализацию своих представлений, поскольку это совпадало с большевистской программой национального самоопределения. Однако через 15 лет устремления ученых и местной элиты, касающиеся сохранения местных особенностей и самосознания, начали отклоняться от большевистской линии в национальной политике. Власть решила начать радикальную и всеохватывающую атаку на местные религии и традиционные практики, которые, по их мнению, были отсталыми и представляли угрозу для коммунистического политического доминирования и социальных трансформаций. К концу 1930-х гг. многие интеллектуалы и представители местной элиты подверглись чисткам и репрессиям. Сталинский режим оправдывал эти действия борьбой с буржуазным национализмом и его местными представителями. Интересен тот факт, что чистки совпали с переменами в политической идеологии в сторону принятия панрусского национального патриотизма и растущим неприятием чересчур критического представления о царском колониальном прошлом и роли русских царей. Представители лагеря новых панрусских националистов, состоявшего из Б.Д. Грекова (соавтора А.Ю. Якубовского), Е.В. Тарле, С.К. Бушуева и других, полагали, что российское колониальное владычество было меньшим злом для завоеванных народов по сравнению с тем, каким бы было турецкое, иранское или британское господство. В 1934 г. в совместно подписанном заявлении И.В. Сталин, А.А. Жданов (секретарь ВКП (б) по идеологии) и С.М. Киров (Первый Секретарь Ленинградского Обкома), подвергли критике впоследствии так и не опубликованный учебник для средней школы «История СССР», представленный командой авторов под руководством Н.Н. Ванага. Последний, известный как ученик и последователь марксистского историка М.Н. Покровского, расходился во взглядах с историком-националистом Б.Д. Грековым². Историки национально-патриотического направления утверждали, что русская история должна быть написана в тесной связи с историей других народов, населявших Российскую империю. Эта рекомендация побудила историков разработать схему, в которой России отводилась роль «старшего брата» других наций.

¹ По поводу этого движения см.: *Tolz V. Imperial Scholars and Minority Nationalism in Late Imperial and Early Soviet Russia // Paper presented at the Oxford Conference 'National Identity in Eurasia I: Identities & Traditions'. 22–24 March 2009. New College, University of Oxford, 2009.*

² *Сталин И.В., Жданов А.А., Киров С.М. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // Правда. 27 января. 1936.*

Что касается самого И.В. Сталина, он не поддерживал полностью ни один из этих лагерей, предпочитая роль арбитра. После организации кампании против М.Н. Покровского, обвинений его сторонников в «вульгарном социализме», за которым последовало смещение М.Н. Покровского с поста директора Института красной профессуры, И.В. Сталин остановился и не допустил того, чтобы националисты полностью отказались от марксистской методологии в исторических науках. Вместо этого он установил паритет марксистских и националистических школ, хотя в дальнейшем, особенно во время и после Второй Мировой войны, он всё большее предпочтение отдавал последним. При этом марксистские историки, критики царского колониального прошлого (например, А.М. Панкратова, убежденный противник российского колониализма), вернули свои позиции после смерти А.А. Жданова в 1948 г., и, особенно, во время хрущевской оттепели¹.

Интересно сравнить А.Ю. Якубовского и А.М. Панкратову, которые были в каком-то смысле похожи, хотя и расходились в ключевых вопросах. Оба были эвакуированы в национальные республики в начале Второй Мировой войны (она – в Алма-Ату, он – в Ташкент). Оба были сторонниками развития местного национального сознания, хотя и отличались способом достижения этой цели. Если А.М. Панкратова придерживалась в основном марксистских позиций, то А.Ю. Якубовский, главным образом, опирался на русскую национальную патриотическую школу. Будучи панрусским националистом (сегодня его позицию можно было бы назвать также «евразийской», в духе А.Г. Дугина), А.Ю. Якубовский, тем не менее, придерживался традиций российского имперского востоковедения в стимуляции местного национализма как самого эффективного способа сохранения лояльности национальных меньшинств в панрусском государстве.

Следует ли считать взгляды А.Ю. Якубовского продолжением либеральной традиции российского имперского востоковедения? В какой-то степени ответ на поставленный вопрос положителен. Взгляды А.Ю. Якубовского отличались от взглядов его учителя В.В. Бартольда, который полагал, что национальная и мировая истории развиваются в сторону взаимного сближения и унификации культур под влиянием мировых и региональных властей, на которых лежала ответственность за модернизацию и развитие «меньших» наций, которыми они правили. Хотя В.В. Бартольд и не был марксистом, эти взгляды в определенной мере совпадали с стремлением марксистов построить общество, в котором национальные различия были бы в

¹ *Weinerman E. The Polemics between Moscow and Central Asians on the Decline of Central Asia and Tsarist Russia's Role in the History of the Region // The Slavonic and East European Review. 1993. № 71 (3). P. 437–448.*

итоге преодолены под покровительством русского пролетариата и русской нации в роли «старшего брата» «младших» наций. Взгляды В.В. Бартольда впечатлили бы советских идеологов, которые были за национальное развитие бывших колоний, но только тех из них, которые ратовали за русское доминирование и проведение в жизнь политики т.н. «сближения», понятого как сближение прежде всего с русской культурой. А.Ю. Якубовский принадлежал ко второму поколению идеологов, которые дорабатывали идею «сближения», но в отличие от В.В. Бартольда, ограничивали ее рамками территории бывшей Российской империи. В то же время, А.Ю. Якубовский критиковал некоторые взгляды В.В. Бартольда, особенно те, которые указывали на положительные последствия монгольского завоевания.

Взгляды А.Ю. Якубовского также можно рассматривать как выражение эволюционистского характера социальных наук XIX в. В целом, российские и, впоследствии, советские востоковеды, этнографы, этнолингвисты и историки не смогли преодолеть эволюционизм, в отличие от своих западноевропейских коллег, которые в начале XX в. стали трактовать социально-исторические явления со структуралистских позиций. Можно сказать, что одностороннее видение узбекской национальной истории у А.Ю. Якубовского было «шагом назад» по сравнению с более глобальным подходом к истории у В.В. Бартольда, учение которого сочетало в себе как эволюционистские, так и структуралистские подходы. Более того, на концепцию национальной истории А.Ю. Якубовского повлиял организмический эволюционизм, который оставлял без внимания тот факт, что человеческий мир развивается через постоянное взаимодействие между элементами внутри синхронных локальных и глобальных структур. Этот процесс по определению был трансформационным и неокончательным, не имеющим predetermined результатов.

У школы А.Ю. Якубовского была оппозиция, но она исходила от лагеря ученых, чьи взгляды отличались только в отношении конкретного фактологического вопроса, а именно, кого следует считать прямым предком современных узбеков: караханидских тюрок или дешт-и-кипчакских узбеков. Спор между этими лагерями разворачивался в двух томах опубликованной в Ташкенте «Истории народов Узбекистана»¹. История этого издания напоминает детектив. Сначала в 1947 г. увидел свет второй том. Он содержал описание узбекской национальной истории, начиная с XVI в., с нападения возглавляемых Шейбани ханом узбекских племен на Мавераннахр. Вполне

¹ Бахрушин С.В. Непомнин В.Я., Шишкин В.А. История народов Узбекистана. Т. 2. От образования государства шейбанидов до Великой Октябрьской Социалистической Революции. Ташкент, 1947; История народов Узбекистана. С древнейших времен до начала XVI века. Т. 1. / Под ред. С.П. Толстова, В.Ю. Захидова. Ташкент, 1950.

вероятно, редакторы тома (Бахрушин и другие) хотели ускорить выпуск книги, ожидая возражений от Якубовского и его последователей. Опасения были небеспопеченны: издание содержало вступительную статью по историографии узбекского народа, где имелись ссылки на работы В.В. Бартольда, А.А. Семенова и П.П. Иванова, которые считали эру Шейбанидов колыбелью узбекского народа. Чтобы выйти из сложившейся ситуации, А.Ю. Якубовский сам написал предисловие к первому тому, вышедшему в 1950 г. Он повторно заявил о том, что в советской исторической науке *«общеизвестно, что история нации старше истории её названия»*¹. Этот аргумент снова обосновал концепцию узбекского этногенеза, которую он озвучивал в 1941 г.

Разделенное наследие А.Ю. Якубовского

Пример концепции национальной истории А.Ю. Якубовского можно рассматривать как свидетельство того, что в советскую эпоху историческая наука выполняла, по большому счету, задачи государственной национальной политики и была частью широкой программы социальной трансформации и социального проектирования. Удивительно то, что концептуальный проект А.Ю. Якубовского оказался довольно жизнеспособным, и академическая наука современного Узбекистана в какой-то степени продолжает его использовать. Уже к концу 1940-х гг. А.Ю. Якубовский мог видеть результаты деятельности своей школы. В 1949 г. Академия наук Узбекской ССР провела сессию, посвященную исключительно положению дел в исторических науках, особенно вопросам узбекской национальной истории. Хотя самого А.Ю. Якубовского на сессии не было, влияние ученого ощущалось несомненно. Ряд его последователей из местных академиков, такие как В.Ю. Захидов, Р.Н. Набиев и другие, атаковали историков, чьи взгляды напрямую или косвенно противоречили позиции А.Ю. Якубовского². Сессии предшествовало ещё одно обсуждение второго тома вышеупомянутой «Истории народов Узбекистана», в ходе которого авторы тома подверглись жесткой критике. На встрече, организованной Академией наук, некоторые из них, особенно А.А. Семенов, который в то время жил и работал в Ташкенте, снова были раскритикованы. В результате А.А. Семенова вынудили признать «ошибки», особенно те,

¹ История народов Узбекистана. С древнейших времен до начала XVI века. Т. 1. / Под ред. С.П. Толстова, В.Ю. Захидова Ташкент, 1950. С. 8.

² Захидов В.Ю. Борьба за марксистско-ленинское освещение истории и культуры народов Узбекистана // О марксистско-ленинском освещении истории и культуры народов Узбекистана / Под ред. М.Т. Айбека, И.К. Додонова. Ташкент, 1951. С. 9–41; Набиев Р.Н. Против пантюркизма, паниранизма и панарабизма в освещении вопросов истории народов Средней Азии // О марксистско-ленинском освещении истории и культуры народов Узбекистана / Под ред. М.Т. Айбека, И.К. Додонова. Ташкент, 1951. С. 42–64.

которые касались его взглядов на происхождение узбеков. Однако «покаяние» не помогло ему удержать свой пост в Узбекской Академии, в которой он за несколько лет до этого в 1942 г. получил степень доктора наук, а в 1943 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук Узбекской ССР. Очевидно, в результате гонений, в 1951 г. Семенов решил покинуть Узбекистан и найти убежище в соседнем Таджикистане. Там, в Душанбе, под защитой и покровительством Первого Секретаря Коммунистической Партии Таджикистана Б.Г. Гафурова, имевшего собственные представления о таджикской национальной истории, А.А. Семенов занял должность директора Института истории, археологии и этнографии¹.

Однако главной причиной проведения научной конференции 1949 г. было не обсуждение тома, одним из авторов которого являлся А.А. Семенов. Конференция организовывалась как часть объявленной А.А. Ждановым (правой рукой Сталина по вопросам идеологии) общесоюзной кампании против космополитизма. Если московская кампания главным образом была направлена против западного влияния на советскую культуру и общество, то учеными Узбекистана, такими как В.Ю. Захидов и другие, она была использована для преуменьшения результатов иранского, арабского и турецкого влияния на общества и культуры народов Центральной Азии в прошлом. Атака на историков, которые не разделяли взглядов А.Ю. Якубовского на узбекскую национальную историю, имела явную националистическую подоплеку, и таким образом, в первый раз, начиная с давления на националистических джадидов в 1930-х гг., местная интеллектуальная элита открыто выразила свои национально-патриотические чувства, маскируя их коммунистической фразеологией и заявлениями о своей оппозиции «буржуазному национализму» и «империалистическому сговору». Против этих чужеродных влияний они предложили использовать понятие «самобытность», сквозь призму которого, согласно новым указаниям, должна была рассматриваться история коренных народов Центральной Азии. В.Ю. Захидовым и его соратниками были выработаны следующие положения: у местных народов (читайте: узбеков) всегда была собственная оригинальная культура, которая только в незначительной степени имела заимствования из других культур, в особенности, иранской; те, кто утверждают обратное, отрицают самобытность узбекского народа. Что касается чужеродных культурных элементов, исключение было сделано только для

¹ *Германов В.А.* Этнографическая школа в Центральной Азии и ее российские основатели академики Михаил Андреев и Александр Семенов // Доклад, представленный на конференции Socialist Era Anthropology in the Caucasus and Central Asia. Max Planck Institute for Social Anthropology. 23, 24 April, 2009.

России, чье влияние представлялось как объективно положительное и выгодное для коренных народов Центральной Азии. Позднее, после распада Советского Союза, это исключение было отменено, и таким образом, оценивание русского влияния постигла судьба дискурса об иранском влиянии: значение обоих было приуменьшено поддерживаемой государством доктриной узбекской национальной истории.

В постсоветское время зарождающийся режим стал отрицать положительные для узбекской нации результаты российского имперского правления, поэтому концепция А.Ю. Якубовского, с этой точки зрения, была неудобной. Но в далекий период конца 1940-х гг. лояльность «старшему брату» еще не подвергалась сомнению. Академик В.Ю. Захидов, тем не менее, достиг повышения узбекского национально-исторического самосознания ценой отказа признавать исторические связи с окружавшими культурами и народами. Если «космополитизм» А.А. Жданова, как мы отметили выше, подразумевал западное влияние на советскую интеллигенцию, то узбекистанские академики, такие как В.Ю. Захидов, пытались использовать кампанию против «космополитизма», чтобы осудить тех российских историков, которые писали о влиянии мусульманского мира, включая иранские, турецкие и арабские общества, на узбекскую культуру. В отрицании такого рода «космополитизма» В.Ю. Захидова и его сторонников поддерживал именитый советский академик А.Ю. Якубовский. Он также был склонен преуменьшать важность иранского, монгольского и арабского исторического культурного влияния на формирование узбекской национальной идентичности. У этого отрицания было только одно разумное объяснение: гарантия того, что узбеки с тех пор и в дальнейшем будут рассматривать себя в качестве «младших братьев» по отношению к русской нации.

Уже в 1949 г. требование самобытности, выдвигаемое местными учеными, было таким настойчивым, что не только «буржуазных» востоковедов прошлого, например, В.В. Бартольда, но даже советских историков и востоковедов того времени, таких как А.А. Семенов, Е.Э. Бертельс и других, обвиняли в том, что они поддавались «космополитизму» – т.е. показывали влияние иранской и других культур в прошлом на местные общества и культуры. В то же время таких историков, как А.Ю. Якубовский, С.П. Толстов и В.А. Шишкин, хвалили за свидетельства в пользу оригинальных древних автохтонных корней узбекской нации¹. Это националистическое направле-

¹ *Набиев Р.Н.* Против пантюркизма, паниранизма и панарабизма в освещении вопросов истории народов Средней Азии // О марксистско-ленинском освещении истории и культуры народов Узбекистана / под ред. М.Т. Айбека, И.К. Додонова. Ташкент, 1951. С. 49.

ние в узбекской истории со временем усилилось, особенно после смерти А.А. Жданова в 1948 г., который был ключевой фигурой в установлении великорусского патриотизма с соответствующим пересмотром российской истории, и ухода из жизни И.В. Сталина в 1953 г. Начиная с этого времени, представители республиканской национальной элиты начали играть в собственные игры, не всегда соглашаясь с бесконфликтными траекториями национальной и российской истории. Узбекские историки-националисты и панрусские патриоты стали спорить о том, положительно ли повлияло российское завоевание на экономику и политическое развитие региона, и о том, были или нет местные государства, особенно Бухарское ханство, в упадке до российского завоевания. В 1954 г. узбекский ученый К.М. Мирзаев опубликовал книгу, в которой он настаивал на том, что до российского завоевания Бухарское ханство находилось в процессе формирования централизованного государства¹. Другой узбекский ученый, М.Г. Вахабов, утверждал, что царская Россия на самом деле не преуспела в развитии капитализма². Что любопытно, до попытки написания узбекской истории он занимал должность секретаря по идеологии в Коммунистической Партии Узбекистана. Это указывает на то, что к середине 1950-х гг. национализм, пусть и в виде ревизии национальной истории, сумел проникнуть не только в интеллектуальную, но и в политическую элиту Узбекистана.

Через пять лет после публикации неудачной «Истории народов Узбекистана», новое четырехтомное издание «История Узбекской ССР» (1955–1958)³ было издано в Ташкенте под методологическим руководством Якубовского. Его доктрина была расширена С.П. Толстовым, главным редактором издания. Именно он, являясь представителем Центра, руководил редактированием первого тома «Истории народов Узбекистана», вышедшего после второго тома. После смерти А.Ю. Якубовского С.П. Толстов снова вернулся к утверждению своего старшего коллеги о том, что «*нужно различать историю этнонима узбек и историю узбекской нации*»⁴. Той же линии придерживались узбекские историки, например, М.Г. Вахабов в своей

¹ Мирзаев К.М. Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве. Ташкент, 1954. С. 443.

² Вахабов М.Г. О формировании Узбекской буржуазной нации // Вопросы истории. 1954. № 7. С. 106–116; Цит. по: Weinerman E. The Polemics between Moscow and Central Asians on the Decline of Central Asia and Tsarist Russia's Role in the History of the Region // The Slavonic and East European Review. 1993. № 71 (3). P. 446, 447.

³ История Узбекской ССР. Т. 1 / Под ред. С.П. Толстова и др. Ташкент, 1955; История Узбекской ССР. Т. 2–4. / Под ред. С.П. Толстова и др. Ташкент, 1956–1958.

⁴ История Узбекской ССР. Т. 1 / Под ред. С.П. Толстова и др. Ташкент, 1955. С. 167.

монографии «Формирование узбекской социалистической нации» (1961), которая завершила канонизацию узбекского этногенеза в духе концепции А.Ю. Якубовского. Отрицая значимость этнонима в формировании узбекской национальной идентичности, М.Г. Вахабов пришел к выводу, что узбеки сформировались в единую нацию в начале II тыс. до н.э.¹

В постсоветский период выдвинутые А.Ю. Якубовским каноны национальной истории по большей части не были изменены официальными узбекскими историками, в то время как другие аспекты истории, в основном периоды российской колонизации и Советского Союза, были полностью пересмотрены. В действительности же, как было сказано выше, этот пересмотр начался значительно раньше, ещё в середине 1950-х гг. Постсоветская наука сохранила трехступенчатую парадигму определения возраста исследуемой нации, её предков и центра её национального культурного наследия. Современные официальные узбекские историки, как, например, бывшие директора Института истории Д.А. Алимова² и А. Аскар³, а также некоторые другие участвовали в длительном споре с таджикскими историками-националистами, в частности, с Р. Марсовым. Предмет этого спора – вопрос о том, какая из двух представляемых ими наций, узбекская или таджикская, должна считаться коренной для региона. В подтверждение своих аргументов узбекские историки постоянно цитируют работы А.Ю. Якубовского, ссылаясь на него, как на сторонника их позиции. По иронии судьбы, А.Ю. Якубовский в равной степени почитаем и таджикскими историками за вклад в открытие «славного» таджикского прошлого. Якубовский был награжден званием «Заслуженный деятель науки» в обеих республиках.

¹ *Вахабов М.Г.* Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961. С. 24.

² *Алимова Д.А., Зунунова Г.Ш.* Это непροститительно историкам (28.11.2005) [Электронный ресурс]: «ЦентрАзия». URL: <http://centrasia.org/newsA.php4?st=1133184900> (дата обращения: 8.11.2014).

³ *Аскар А.* Дискуссия по арийской проблеме в Центр Азии (2-й ответ паниранистам) (07.04.2006) [Электронный ресурс]: «ЦентрАзия». URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1144357800> (дата обращения: 8.11.2014).

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МИФОТВОРЧЕСТВА В ОТНОШЕНИИ КРЫМСКИХ ТАТАР

В российском социально-научном и политическом дискурсах сохраняется тенденция негативного рассмотрения национализма как явления деструктивного, противостоящего созидательным (конструктивным) действиям государства и чуждого патриотизму. При этом характер действий государства, а также корни, стремления и направленность усилий националистических движений в расчет не принимаются. Носителями националистической идеологии и практики рассматриваются этнические и субтерриториальные группы различного масштаба, якобы разрушающие социальную гармонию и стабильность. В указанном контексте национализм представляется источником напряженности и конфликтности. Принято говорить о конфликтогенном потенциале этнического и субтерриториального национализма, однако упускается из виду тот факт, что государство нередко само выступает конструктором национализма. В современном социально-научном дискурсе, если речь заходит о порожденном государством национализме, то, как правило, имеется в виду его этатистский характер. Однако, как показывает практика, государство своими действиями может порождать и порождает не только этатизм, но и способно «вбивать клинья» в межэтнические отношения, если проводит репрессии и ущемляет права меньшинства, формируя, с одной стороны, его негативную идентичность, а с другой – агрессивный национализм большинства.

Ярким примером такого рода практики может служить советская государственная политика подавления отдельных этнических групп в течение продолжительного периода времени. Эти действия создали один из «гордиевых узлов», обладающих колоссальным конфликтогенным потенциалом, не растраченным по настоящее время, не смотря на открывшиеся для крымских татар возможности вернуться в места прежнего исторического проживания и подписание в апреле 2014 г. (с большим опозданием – спустя 70 лет с начала дискриминационных действий) Президентом РФ В.В. Путиным Указа о реабилитации крымских татар¹.

¹ См.: «Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. N 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» (23.04.2014) [Электронный ресурс]: Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/21/reabilitaciya-site-dok.html> (дата обращения: 26.10.2014).

Начало репрессий государства в отношении крымскотатарского народа в среде исследователей датируется по-разному. Встречается точка зрения, ведущая их отчет на полуострове с 1783 г., когда Крым был включен в состав Российской империи. Другие ученые указывают на откровенно репрессивный характер действий властей по отношению к крымским татарам с начала 1918 г.¹

Однако чаще всего начало репрессий связывают с практиковавшимися советской властью коллективными обвинениями и наказаниями по критериям социальной, классовой, конфессиональной и этнической принадлежности. Распространенным видом коллективных репрессий были депортации, которым подвергся весь крымскотатарский народ. Всего в период сталинского тоталитаризма, по подсчетам специалистов, в СССР было проведено 53 депортационные операции.

События конца XVIII–XIX вв. имеют отголоски в исторической памяти народов. Однако ситуация на полуострове, содержание «крымскотатарской проблемы», а также отношение к ней определяются главным образом событиями середины – второй половины XX в.

29 мая 1942 г. все крымские татары были высланы из Краснодарского края, но самым трагичным в истории народа стал 1944 г. С 10 по 21 апреля 1944 г. освобождение Крыма частями Красной Армии сопровождалось карательными операциями против крымских татар, в частности (по рассказам очевидцев), расстрелами без суда². С 18 по 20 мая 1944 г. из Крыма войсками НКВД были высланы все представители этого народа. Обвиненными, лишенными всего имущества, доброго имени, Родины оказались около 200 тысяч человек. В результате депортаций от голода, болезней и лишений погибло 46% крымских татар³.

Репрессии в Советском Союзе сопровождались обильным, часто алогичным и даже абсурдным, мифотворчеством. Не стали исключением и действия против крымскотатарского народа – они сопровождались традиционной формулировкой «за пособничество врагу». Авторов и пропагандистов нелепого мифа, надолго вбившего клин между крымскими татарами

¹ См.: *Возгрин В.Е.* История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма в четырех томах. Т. III. 2-е издание, стереотипное. Симферополь, 2013.

² См.: *Губогло М.Н., Червоная С.М.* Крымскотатарское национальное движение. Т. 2. М., 1992.

³ Проблеми повернення, облаштування і відновлення прав кримськотатарського народу в Україні (короткий огляд Центру інформації і документації кримських татар) (на укр. яз.) [Електронний ресурс]: Центр інформації і документації кримських татар. URL: <http://crimeatau.org.ua/project/integration/povern.html> (дата обращения: 3.11.2011).

и остальной частью общества, не смутило и то, что в «пособничестве врагу» были обвинены даже малолетние дети и немощные старики, а первая волна репрессий в отношении крымских татар была проведена на территории Краснодарского края в конце мая 1942 г., т.е. до начала оккупации этой территории войсками Вермахта. Обвинениям и репрессиям подверглись даже те крымские татары, которые самоотверженно сражались в рядах Красной Армии и многократно отмечались самыми высокими государственными наградами СССР.

Элементом мифа о крымских татарах стала не только не соответствующая фактам идея об их массовом коллаборационизме в годы Второй Мировой войны. После высылки народа в спешном порядке была полностью перекроена вся топонимика Крыма. Вместо прежних исторических названий географических объектов (за редким исключением) были придуманы новые, не блиставшие оригинальностью (как результат, в Крыму появилось по несколько населенных пунктов с одинаковыми наименованиями – Красноармейское, Красногвардейское, Октябрьское и т.д.). Главная идея, проводившаяся властями – ничто не должно напоминать о когда-то живших здесь тюркских народах: ни учебники истории, ни географические названия. Именно в связи с этим последовавшие позже требования крымских татар о возвращении на Родину встречались как необоснованные.

Репрессии, режим спецпоселений и поражения в правах распространялись на всех крымских татар, в том числе родившихся в местах ссылки, и в послевоенное время. Отмена режима спецпоселений в 1957 г. в период «хрущевской оттепели» породила надежды на восстановление справедливости, однако очень быстро стало понятно, что государство, не желая возвращения крымских татар в Крым, не стремится дезавуировать прежние мифы, несмотря на разоблачение культа личности И.В Сталина в 1956–1957 гг. и признание преступного характера депортации¹. Осознание данного факта, особенно на фоне прокатившейся политики «прощения» многих других репрессированных народов, породило еще большую степень отторжения крымских татар от политики Советского государства.

Представители народа активизировали борьбу за восстановление доброго имени, прав и возможность вернуться на Родину. Развернулось масштабное национальное движение, постепенно установившее контакты с правозащитным движением в Советском Союзе. Власть не желала изменять позицию в данном вопросе, отвечая отказами на требования возможности

¹ См., напр.: *Бекирова Г.* Крымскотатарская проблема в СССР (1944–1991). Симферополь, 2004. С. 68.

вернуться в Крым и восстановления в правах. Еще более жесткую позицию, как стало известно позже, занимало руководство Украинской ССР и Крыма, которые считали *«нецелесообразным ставить вопрос об отмене изданных Указов Президиума Верховного Совета СССР, которыми запрещается выселенным из Крыма возвращаться к прежним местам жительства и не возвращается конфискованное у них имущество»*¹. Это отвечало и интересам руководства Узбекской ССР, которое неоднократно заявляло о невозможности восполнить пробел в специалистах в случае массового выезда крымских татар.

Официальная позиция подкреплялась мощной пропагандой. Иногда властям приходилось отвечать на непрекращающиеся официальные обращения крымских татар (под некоторыми из них собиралось более 100 тысяч подписей), и тогда появлялись новые официальные документы, выдерживавшие официальный «протокол» и пропагандистскую риторику, по-прежнему разделявшую общество на крымских и «некрымских» татар. Так, 5 сентября 1967 г. появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму», названный советским правозащитником генералом П. Григоренко *«самым лживым, самым лицемерным указом из всех изданных по крымским татарам»*². Этот документ не только не решал проблемы народа, но и фактически лишал его права на Родину, обосновывая это *«хорошей укорененностью»* и *«высоким уровнем жизни»* крымских татар в новых местах проживания. Выраженная в названии логика документа красноречиво свидетельствовала о том, что власти пытаются уйти от решения проблемы, придать элемент случайности факту прежнего проживания татар в Крыму, не признавая полуостров как место их исторического формирования. В разъяснениях к документу появились настойчивые «рекомендации» крымским татарам оставаться на прежних местах жительства, а на требования воссоздания национальной автономии власти отвечали (если отвечали), стремясь сместить акценты, уходя от решения проблемы и указывая, что Крымская АССР была автономией не только крымскотатарского народа, а всех народов Крыма, Татарская же АССР существует в Поволжье со столицей в г. Казани.

Таким образом, «крымскотатарский вопрос» в СССР на протяжении 1945–1987 гг. не решался, а лишь загонялся вглубь, порождая новые противоречия и линии напряженности. Мифотворчество на государственном

¹ ЦДАГО Украины. Ф. 1. Оп. 24. Д. 6321. Л. 15. Цит. по: Бекирова Г. Крымскотатарская проблема в СССР (1944–1991). Симферополь, 2004. С. 113.

² Цит. по: Там же. С.112.

уровне служило целям подкрепления неблагоприятной официальной политики, сопровождавшей репрессии против собственного населения и порождавшей конфликты внутри страны по этническому, конфессиональному, классовому и иным критериям.

В большинстве отечественных научных работ, выстроенных, казалось бы, в рамках конфликтологического подхода, «крымскотатарский вопрос» либо вообще не рассматривается, либо потенциальным источником конфликта видится само присутствие крымских татар на полуострове, а не действия властей СССР в продолжение 1940-х – 1980-х гг. Критически не анализируется политика Украины и Крыма по ликвидации последствий геноцида народа и обеспечению прав и полноценных условий существования (о которых и в настоящее время говорить не приходится) для его представителей.

Раздираемое противоречиями общество способно «детонировать» при малейшем ослаблении режима, что и случилось в Советском Союзе во второй половине 1980-х гг. Однако результаты государственного мифотворчества в отношении крымскотатарского народа не ограничились периодом существования СССР, они имели прямые последствия в постсоветское время и продолжают влиять на современную ситуацию в Крыму, по-прежнему порождая напряженность в восприятии крымских татар и их неприятие частью «остального» общества. Из-за этого население Крыма имеет множество признаков сегрегации по этническому признаку, и одним изданием Указа о реабилитации крымских татар проблема не может быть решена.

С другой стороны, сохраняющееся фактическое неравенство и чувство несправедливости, по моему мнению, рождает естественное недовольство самих крымских татар, сплывая и мобилизуя их в национальное движение, которое за послевоенный период накопило большой опыт противодействия ассимиляторской и дискриминационной политике властей.

Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что любое мифотворчество, направленное на создание негативных образов и формирование негативной идентичности, имеет далеко идущие последствия, обладает колоссальным конфликтогенным потенциалом, способно разделять не только индивидов, но целые общности по признакам классовой, этнической, конфессиональной, территориально-локальной и иной принадлежности. Мифотворчество сталкивает в конфликте общности и, даже если уже отсутствуют авторы мифа, оно может использоваться иными социальными и политическими акторами в своих целях, несмотря на его нередко очевидную абсурдность.

Так случилось и с советским мифом о роли и позиции крымских татар в Великой Отечественной войне, который надолго пережил своих создателей. Он лег в основу государственной политики, формировал общественное мнение и, с другой стороны, консолидировал и мобилизовывал крымскотатарский народ. Весьма развитое этническое самосознание крымских татар укрепилось во второй половине XX в. практически полностью «благодаря» геноциду, всевозможным поругательствам и отторжению со стороны властей СССР¹.

В период 1987–1994 гг. крымские татары обрели возможность вернуться в Крым. Несмотря на кажущееся достижение цели, национальное движение не теряет актуальности, в значительной степени сохраняя свой мобилизационный потенциал. Долгое время оно направлялось и координировалось единым центром. Ключевая роль в сплочении по-прежнему принадлежала внешним по отношению к группе факторам, а именно, крайне сложным социально-экономическим и политическим условиям, в которых оказались крымские татары в ситуации развала прежде единого СССР и создания новых государственных границ, тяжелейшего экономического кризиса, противодействия местных и региональных властей, недружелюбного отношения населения, поселившегося в местах прежнего жительства крымских татар.

Политика украинских властей в отношении народа в продолжение 1991–2014 гг. также была весьма противоречивой, половинчатой и во многом официально не оформленной, что тоже является проявлением определенной политической позиции. С одной стороны, видя в среде крымских татар высокую поддержку, а также под влиянием международных организаций и настойчивых требований представителей народа власть принимала определенные решения, удовлетворяя часть требований по сохранению, реставрации памятников культуры и архитектуры, выделению помещений или земельных участков для мечетей. Однако все эти меры не были направлены специально на улучшение бедственного социально-экономического положения крымскотатарских репатриантов, снижение чрезвычайно высокой (свыше 40%) безработицы, улучшение качества медицинского обслуживания (заболеваемость вследствие бытовой неустроенности по многим показателям более, чем вдвое превышает средние аналогичные показатели по Автономной Республике Крым (АРК)).

¹ Об эволюции национального самосознания см., напр.: *Нузет Э.* Переходные формы национального сознания и их эволюция от выработки защитных механизмов в депортации к высокому динамизму в процессе репатриации // *Qasevet.* с. Родниковое, Крым. 2003. № 2 (30). С. 2–6.

Немногочисленные принятые решения, направленные на улучшение положения крымских татар и их социально-экономическое обустройство, ситуацию принципиально не меняли. К тому же негативно сказывалось отсутствие четкого взаимодействия между различными уровнями власти в Украине. Так, немалая часть решений, принятых на государственном уровне Киевом либо властями АРК, не выполнялась либо выполнялась не в полном объеме нижестоящими органами государственного управления. Практически во всех случаях решение проблем по обустройству и обеспечению крымскотатарских репатриантов самым необходимым (водой, электроэнергией, газом), строительство канализаций, дорог, особенно в местах компактного проживания, ложилось и ложится на их собственные плечи.

Реализация принятых на всех уровнях власти в постсоветской Украине решений не была способна принципиально изменить положение народа. Значительно сегрегированным остается крымское общество. Крымские татары в нем часто вытесняются на аутсайдерские позиции. Меры, предлагаемые экспертами для улучшения состояния межэтнического и этнополитического взаимодействия на полуострове, чаще всего не принимались, либо в ходе реализации их смысл существенно искажался. По предложению ОБСЕ в Украине несколько лет реализовывалась государственная «Программа интеграции в украинское сообщество крымских татар, немцев, греков, армян и других ранее депортированных по этническому признаку граждан». Однако «интеграция» в контексте украинской государственной этнополитики не предусматривала артикуляцию этничности и учет этнических интересов. Сам этот факт уже ставил под сомнение успех подобной политики. Во всех сферах общественной практики в течение указанного периода в отношении крымских татар в Крыму проводилась политика ассимиляции и сдерживания этнополитического, этнокультурного, социально-экономического развития.

На начало 2008 г. на полуострове, по данным Республиканского комитета по делам национальностей и депортированных граждан Крыма, было зарегистрировано около 264,5 тыс. крымских татар¹.

Несмотря на требования крымских татар, многие оставались без внимания вопросы об их статусе в Украине, о возвращении Крыму исторической топонимики. Почти 70 лет они безуспешно, несмотря на наличие всех объективных признаков, множества живых свидетелей и документов, добивались признания актом геноцида совершенные против них действия

¹ Татары будут возвращаться в Крым еще 10–12 лет (29.05.2008) [Электронный ресурс]: Информационное агентство «Росбалт».

URL: <http://www.rosbalt.com.ua/2008/05/29/488760.html> (дата обращения: 1.11.2014).

советских властей по депортации и удержанию в бесправном положении в местах ссылки¹.

Лишь известные политические события февраля–марта 2014 г. и последовавшее за ними изменение государственной принадлежности Крыма вынудило Киев пересмотреть некоторые свои позиции в отношении крымскотатарского народа. Украина ратифицировала Декларации ООН 2007 г. о правах коренных народов (чего очень долго и безуспешно добивались некоторые крымскотатарские общественные организации) и признала крымских татар коренным народом. Соответствующий закон был принят Верховной Радой в первом чтении², но отправлен на доработку³. В условиях резко изменившейся в начале 2014 г. в Крыму и в Украине политической ситуации данные действия киевских властей многими были расценены как запоздалое «заигрывание» с крымскотатарским народом.

Нерешенность многих социально-экономических и политико-правовых проблем, бездействие властей по их решению, притеснения вынуждают крымских татар обращаться в международные организации. Основным результатом обращений в период до начала 2014 г. – признание мировым сообществом и, в меньшей степени, Украиной наличия существенных проблем, а также рекомендации со стороны авторитетных международных организаций (например, ООН) путей их решения.

Порожденный советскими властями миф о коллаборационизме крымских татар и конфликтогенности самого их нахождения на полуострове активно используется и в постсоветский период не только органами власти, но и различными крупными бизнес-структурами, которые неоднократно пытались сформировать вокруг народа негативное общественное мнение, обвиняя его (не всегда безуспешно) в различных деструктивных социальных явлениях и противоправном поведении.

Например, одним из распространенных мифов является утверждение о многочисленных бесосновательных земельных захватах крымскими

¹ См., напр.: Крымские татары призывают Украину и мировое сообщество признать депортацию 1944 года геноцидом (12.12.2005) [Электронный ресурс]: «ОБКМ (Общественная коммуникация)». URL: <http://ru.obkom.net.ua/news/2005-12-12/1243.shtml> (дата обращения: 1.11.2014).

² Верховная Рада признала крымских татар коренным народом в Крыму (20.03.2014) [Электронный ресурс]: Украинская правда. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2014/03/20/7019670> (дата обращения: 01.11.2014).

³ Законопроект о правах коренных народов отправлен на доработку (11.04.2014) [Электронный ресурс]: «Сегодня.ua». URL: <http://www.segodnya.ua/politics/pnews/zakonoprojekt-o-pravah-korenyih-narodov-otpravlen-na-dorabotku-512137.html> (дата обращения: 1.11.2014).

татарами, что противоречит реалиям. В 2007 г. в Украине по инициативе лидера крымских коммунистов депутата Верховной Рады Украины Л. Грача введена уголовная ответственность за самовольное занятие земельных участков, что свело на нет подобную активность.

Согласно данным Управления по делам депортированных Государственного комитета Украины по делам национальностей и миграции, в результате распада государственных земель в Крыму в 2004 г. обеспеченность земельными паями некрымскотатарского населения составила 39%, крымскотатарского – 18,5%. Средняя обеспеченность землей на 1 взрослого жителя сельской местности у некрымских татар – 1,99 га, у крымских татар – 0,92 га¹. Автор доклада О. Власенко подчеркнула, что *«многочисленные нарушения законодательства привели к устранению от землепользования десятков тысяч крымских татар из числа сельских жителей, для которых земля является единственным источником дохода»*².

Очевидно, что именно такое положение дел и обоснованные опасения остаться вновь без земли и средств к существованию являются мощным средством этнополитической мобилизации и веским мотивом к инициативному занятию земельных участков крымскими татарами.

Способствует сохранению этнополитической напряженности позиция части политиков и СМИ, пытающихся манипулировать общественным мнением путем переориентации его фокуса, канализирующих существующее в обществе недовольство многочисленными социальными проблемами в этнополитическое русло. Их усилия приводят к этнополитической мобилизации иного типа. В частности, проблема захвата земли в Крыму в глазах общественного мнения ими была представлена исключительно как «крымскотатарская», несмотря на отсутствие для этого достаточных оснований.

Согласно официальной статистике, *«доля крымскотатарских самозахватов составляет лишь около пятой части от общего числа нарушений в земельной сфере. Так, Прокуратурой Крыма только в прошлом (2003 г. – Э.А.) году было опротестовано более 200 решений о незаконном выделении земли, подавляющее большинство которых – не крымским татарам. А в 2002 году было выявлено 1117 фактов использования земель субъектами хозяйственной деятельности без правоустанавливающих документов, то есть самозахватов. Это частные автозаправки, предприятия торговли и сферы обслуживания, частные пансионаты и прочие коммерческие объ-*

¹ Нет крымского татарина – нет проблем? // Голос Крыма. Симферополь. 1 февраля 2008 г. № 5 (737).

² Там же.

екты, к которым крымские татары чаще всего не имеют никакого отношения»¹. По официальным данным Рескомзема АРК, в 2007 г. «только за девять месяцев не по закону ушли на сторону 21435 гектаров земли. Выявлено 4006 нарушений, по поводу которых составлено 3117 протоколов, дано 2783 предписания их устранить, наложено 2544 штрафа в размере 324505 гривен. Государственная земельная инспекция проверила более 4800 решений местных органов власти и обнаружила, что 1264 из них не соответствуют нормам нашего законодательства. ... В большинстве зафиксированы факты самовольного захвата участков, на которые нет правоустанавливающих документов»².

События февраля–марта 2014 г, очевидно, ознаменовали начало новой эпохи в истории Крыма и его коренных народов, которую пока, вероятно, рано и сложно подвергать анализу, поскольку ее контуры окончательно не оформились. С одной стороны, издан Указ Президента РФ о реабилитации крымскотатарского народа и даны публичные обещания о двадцатипроцентной квоте для крымских татар в региональном парламенте, на другом фланге – запрет ставшего традиционным митинга памяти жертв политических репрессий против крымскотатарского народа 18 мая 2014 г., и отсутствие нормы в Конституции Республики Крым о каких-либо гарантиях политического представительства по этническому критерию.

Тем не менее, издание упомянутого Указа развенчивает старый миф, обладавший колоссальным конфликтогенным потенциалом, и во многом устраняет источник многолетней политической нестабильности не только для крымских татар и остального населения Крыма, но и для всего общества.

Вся семидесятилетняя история советского мифа о крымских татарах является подтверждением того обстоятельства, что этнические мифы, кем бы они ни создавались, способствующие героизации исторического прошлого или, напротив, формирующие негативную этническую идентичность, пренебрежение фактами, манипуляции ими, не ведут к решению проблем, а лишь напротив, увеличивают напряженность и конфронтацию в обществе и способны быть источниками многолетней нестабильности для всех участников социальных отношений.

¹ Иванов Л. Совмин Крыма издал распоряжение об этнических чистках на полуострове (21.11.2004) [Электронный ресурс]: «ОБКОМ (Общественная коммуникация)». URL: <http://ru.obkom.net.ua/news/2004-11-21/1120.shtml?yandex> (дата обращения: 1.11.2014).

² Гончарова Н. Так кто виноват, что землю «дерibanяют»? // Крымская правда. Симферополь. 2007. № 202 (24305). 3 ноября.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (УКРАИНА, АЗЕРБАЙДЖАН, КАЗАХСТАН)

Аникин Д.А.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МИФЫ В УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ: ПОПЫТКИ КОНСОЛИДАЦИИ ИЛИ ОСНОВАНИЯ РАСКОЛА?¹

События 2013–2014 гг. на Украине продемонстрировали, причем в максимально жесткой и наглядной форме, последствия тех тенденций мифологизации прошлого, которые оказались свойственны всему постсоветскому пространству. Эмоциональная насыщенность и политическая острота развернувшихся в украинском обществе конфликтных событий заставляют поставить вопрос о специфических коммеморативных практиках и репрезентируемых ими способах осмысления прошлого, которые – осознанно или неосознанно – способствовали эскалации перманентного противостояния и его переходу в стадию открытого конфликта. Парадоксально, что одним из первых символических жестов, подчеркнувших негативное отношение новых украинских политических структур к общему прошлому с Россией, стало свержение в г. Броды Львовской области памятника фельдмаршалу М.И. Кутузову². Это решение, имевшее определенную предысторию (решение о сносе было принято на заседании Бродовского районного совета еще 10 декабря 2013 г.), не только напомнило о расправе с символами советского прошлого в начале 1990-х гг., но и подчеркнуло болезненную значимость прошлого для современной Украины.

Основной тенденцией украинской политики памяти (впрочем, как и аналогичных политических проектов на постсоветском пространстве) в 1990-е гг. стала национализация истории. Расставание с советскими мифо-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-6968.2015.6 «Политика памяти в условиях межцивилизационного противостояния».

² *Тышкевич О.* Во Львовской области снесли бюст Кутузова [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti.ua/lvov/39341-vo-lvovskoj-oblasti-snesli-bjust-kutuzova> (дата обращения: 21.06.2014).

логемами «свободной дружбы народов» и «строительства коммунизма» не явилось основанием для демифологизации, а привело к временному символическому вакууму в сфере государственной идеологии. Этот вакуум очень быстро оказался заполнен новыми мифами, имеющими этнополитический характер.

Причину этого Г. Касьянов видит в стремлении нового государства к созданию политической идентичности, причем самым простым путем такого «строительства» становится отталкивание от предшествующей политической конфигурации и противопоставление себя ей (скорее, даже не в виде смены политических элит, а исключительно в символическом смысле). «Советский» моноидеологический вариант советской истории не оставлял места для иных версий относительно недавнего прошлого, поэтому его ревизия неизбежно вела к поиску альтернатив¹. Стремление дать более «объемный» вариант недавнего прошлого приводило к потребности в выстраивании целостной концепции исторического развития государственности, поиску «оснований», «предпосылок», «зачаточных форм», появившихся на свет после распада СССР.

Становление государственного суверенитета стало основанием для постановки вопроса о наличии особой нации, имеющей соответствующую если не историю, то хотя бы предысторию, а нахождение подобной национальной истории заставляло задуматься над следующим вопросом – если эта нация действительно имеет глубокие исторические корни, то что ей помешало своевременно обрести политическую независимость? Нетрудно заметить, что логика выстраивания новой государственной истории имела откровенно реверсивный характер. Иначе говоря, политическая суверенность государства в настоящий момент времени приобретала телеологическую заданность, в силу чего возникала потребность в формировании такой последовательности этнополитических мифов, которая не просто бы объясняла возможность создания нового политического субъекта, а задавала бы такой вектор рассмотрения прошлого, при котором этот субъект не мог бы не появиться.

Многообразие трактовок самого понятия «национальное государство» (от идеи «гражданской нации» до этноса в его примордиалистском понимании) и сформировало тот комплекс этнополитических мифов, который использовался новыми политическими игроками постсоветского пространства для собственной легитимации и выстраивания отношений со своими соседями.

¹ Касьянов Г. «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в XXI веке. М., 2012. С. 219, 220.

В.А. Шнирельман выделяет следующие характерные черты этнополитических мифов:

1) Утверждение об автохтонности этнической культуры на занимаемой территории – к подобным утверждениям зачастую прибегают для того, чтобы подчеркнуть незыблемость своего территориального расположения;

2) Стремление максимально расширить ареал исконного распространения этноса, причем в ход для доказательства данного тезиса идут любые исторические сведения – от летописных свидетельств до археологических находок;

3) Идентификация этноса с определенным языком, что выражает стремление подчеркнуть непрерывный характер существования этнической культуры;

4) Представление о наличии родственных этнических групп – выбор этих групп базируется на принципе престижности, поскольку в качестве «кровных родственников», как правило, выступают те этнические общности, в политических контактах с которыми этнос заинтересован.

5) Желание идентифицировать этническую группу с исторически более известным народом;

6) Стремление зафиксировать культурное превосходство над окружающими народами и этническими группами за счет приписывания своему этносу важных технических открытий и культурных новшеств.

7) Преуменьшение степени внутренней дезинтеграции этноса в его противопоставлении другим этническим группам;

8) Расширенное (в политических интересах) толкование этнической принадлежности, которое может расширяться или сужаться в зависимости от политической обстановки¹.

Указанный перечень определяет само понятие «этнополитический миф» в качестве «идеального типа», т.е. характеризует тот набор черт, которые (в той или иной степени) проявляются в конкретных мифологемах, создаваемых национальными элитами с целью эксклюзивного или инклюзивного функционирования. Специфика постсоветского пространства подталкивала Украину, как и другие государства, к созданию новых мифов, но, обозначив общие характеристики политической мифологизации в анализируемых условиях, необходимо обозначить и те специфические черты, которые задали своеобразие исторических мифов в украинской политике памяти.

¹ Шнирельман В.А. Постмодернизм и исторические мифы в современной России // Вестник Омского государственного университета. 1998. № 1. С. 82, 83.

Образы прошлого всегда воспринимались в качестве политического ресурса, важного для консолидации определенного сообщества, причем ведущую роль в осуществлении политики памяти неизменно играло государство. Оно *«не просто заинтересовано в определенных версиях прошлого; оно всячески подпитывает социальную память с помощью общенациональных праздников и государственных символов, празднований исторических дат и юбилеев, возведением монументальных памятников, поддержкой музеев и мест всенародной памяти, топонимической политикой, закрепляющей одну память и стирающей другую, государственным стимулированием киноэпопей, популяризирующих нужную ему версию прошлого, а также контролем за историческим образованием»*¹. Но одним государством формирование политики памяти не ограничивается по трем основным причинам.

Во-первых, как показывает изучение динамики обращения к образам прошлого на примере России, «государство» является лишь абстракцией, за которой скрывается борьба различных политических сил, выдвигающих ту или иную стратегию использования прошлого в качестве доминирующей². Немаловажным фактором является даже пресловутая «роль личности в истории», поскольку принятие конечных решений зависит от руководителя государства³.

Во-вторых, кроме государства, присутствует деятельность и других политических сил, которые обеспечивают более объемный спектр репрезентаций прошлого – от умеренных до откровенно националистических. Деятельность этих сил (партий, движений, отдельных политиков), а также резонанс их выступлений в общественном мнении, является хорошим индикатором границ «допустимого» и «недопустимого» в сфере создания этнополитических мифов.

В-третьих, необходимо понимать, что политические решения, даже подкрепляемые соответствующими действиями, не существуют в «безвоздушном пространстве», а распространяются в чрезвычайно плотной и инертной среде существующих стереотипов. Последние, конечно, подвергаются определенной коррекции, но и сами способны влиять на воплощение политических решений в жизнь. С целью различения способов обращения к

¹ *Его же*. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006. С. 541.

² См.: *Копосов Н.Е.* Память строгого режима. М., 2011. С. 137–180.

³ Г. Касьянов, например, выделяет стадии развития политики памяти на Украине в соответствии со сменой политических лидеров – Л. Кучмы, В. Ющенко, В. Януковича (*Касьянов Г.* «Национализация» истории в Украине // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. Десять лет спустя. М., 2010. С. 117–147).

прошлому А. Ассман вводит принципиальное различие между социальной и политической памятью, считая, что «*в противоположность многоголосой социальной памяти, которая является памятью «снизу» и которая вновь и вновь исчезает со сменой поколений, национальная память оказывается долговременной и более унифицированной конструкцией, которая закрепляется политическими институтами*»¹. Но, несмотря на свою «рыхлость», социальная память не может быть проигнорирована, поскольку любая мифологизация строится на использовании той мемориальной культуры, которая существует в обществе.

Специфическими чертами политического устройства Украины являлись ее сильная регионализация и слабость центральной власти, что привело к гетерогенности политики памяти, создаваемых и транслируемых этнополитических мифов. При этом само территориальное устройство Украины (разумеется, не административное, а символическое) явилось объектом мифологизации. Если политики националистического толка неуклонно делают акцент на единстве Украины, хотя и признают, что образцом «чистой украинскости» следует считать западные области, то их оппоненты по выборам 2005 и 2010 гг. (Коммунистическая партия Украины и Партия регионов) настаивают на выделении «Запада» и «Востока» как двух культурных полюсов украинской нации.

Первая точка зрения (речь идет об идее единства Украины) перманентно присутствует в крайне правой риторике, но скорее, в качестве желаемого будущего, а не существующего положения вещей. Показательно, что пришедшая к власти в мае 2014 г. украинская политическая элита, несмотря на отказ от федерализации Украины и декларирование унитарного характера государственного устройства, была вынуждена признать на практике несоответствие различных регионов единому культурному стандарту. Об этом свидетельствовал, в частности, переход П. Порошенко на русский язык в ходе инаугурационной речи, а также его заявление о поспешности принятия закона о едином государственном языке².

Активно используемая в политической риторике вторая точка зрения, несмотря на апелляцию к историческим реалиям, предстает очередным этнополитическим мифом, поскольку сводит все культурное и социально-экономическое своеобразие украинских регионов к двум векторам раз-

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 35.

² Речь Петра Порошенко на инаугурации: полный текст [Электронный ресурс]. URL: http://news.liga.net/news/politics/2049009-rech_petra_poroshenko_posle_inauguratsii_polnyy_tekst.htm (дата обращения: 05.07.2014).

вития: либо вхождение в сообщество европейских государств («Запад»), либо ориентация на более тесное сотрудничество с Россией, что имплицитно подразумевает возвращение, в той или иной степени, к советской модели государственного строительства. Характерно, что дружба с «восточным соседом» осмысливается именно как откат к «советскости» и среди противников, и среди союзников пророссийской ориентации Украины. Но для первых в этом выражается поворот к имперской модели отношений «метрополия – колония», а для вторых этот вариант притягателен в силу определенной ностальгии о социальном и бытовом благополучии, отождествляемом с советской эпохой. Можно согласиться с А. Портновым, что *«миф «двух Украин» создает образ «другого» из русскоязычных украинцев, при этом недостаточно контролируя дискриминационность языка и игнорируя различия в определяемых группах и другие линии раздела украинского общества»*¹. Возникнув в качестве научной гипотезы, концепция «двух Украин» достаточно быстро переросла в идеологический концепт, служащий объектом манипулирования и произвольной интерпретации различными политическими силами как в самой Украине, так и за ее пределами.

На самом деле, рассмотрение конкретных коммеморативных практик в регионах Украины приводит к мысли о крайней ситуативности в случае выбора наиболее значимых исторических событий и их интерпретаций. Так, например, во Львове сразу после 1991 г. прокатилась волна переименований и сноса памятников, в частности, пострадал памятник маршалу И.С. Коневу, но при этом сохранились улицы И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, И.П. Павлова и других русскоязычных деятелей культуры. Особенно показательной в крайне противоречивой украинской политике памяти стала ситуация в Киеве, когда памятник В.И. Ленину в центре города на площади Независимости (она же – «Майдан Незалежности») был снесен, в то время как на окраине сохранились улицы Ленина, Ленинская, Володи Ульянова и Ильича².

Интересным при этом является то обстоятельство, что данные социологических исследований 2000-х гг. фиксировали высокий уровень патерналистских ожиданий на всей территории Украины – жители как восточных, так и западных областей ожидали от власти большей социальной ответственности и заботы о населении. Наиболее насущным для экономически разнородного украинского общества являлся дискурс социальной справедливости. Различия заключались лишь в форме культурной легитимации этого дискурса.

¹ Портнов А.В. Упражнения с историей по-украински. М., 2010. С. 72.

² Там же. С. 22.

Для одних (как правило, жителей старшего возраста) выход из социально-экономического кризиса виделся в возвращении к «советской модели», дополнительным стимулом к чему являлся фактор ностальгии по временам молодости. Но даже в данном случае необходимо уточнить, что «советскость» понималась как идеализированная проекция «государства всеобщего благосостояния» без возвращения соответствующей идеологической базы.

Для других (и здесь преобладали жители западных областей и молодежь) основой формирования социальных гарантий власти становился скорейший переход на функционирование в составе европейской экономической и политической системы. Опять-таки говорить в данном случае можно не о реальных преимуществах приобщения украинской экономики к требованиям Евросоюза, а о существовании устойчивой мифологемы, синкретичной по своему содержанию, в которой оказались смешаны нереализованные амбиции украинской эмиграции, а также советское ощущение сказочной избыточности стран «развитого капитализма» (по принципу «в Греции есть все»).

Развитие данной мифологемы в условиях определения векторов политического и культурного развития и стремления противопоставить новую украинскую государственность предшествующему идеологическому засилью привели к устойчивой ориентации молодого поколения украинцев на европейские ценности (пусть и понимаемые со значительной долей идеализации). Исследователями неоднократно отмечалось, что апелляция к европейской модели развития проявляется даже в выступлениях противников интеграции Украины в сообщество европейских государств.

Но стоит отметить и другую черту украинского политического ландшафта – сочетание проевропейской риторики с этноцентризмом в формировании и реализации политики памяти. Западный аналитик Д. Арель считает, что «гражданское общество пустило корни в тех областях, где наиболее сильное украинское национальное самосознание»¹. Можно согласиться с А. Портновым, что подобное утверждение, стремящееся отождествить всплески политической активности на национальной почве с проявлениями гражданского общества, выглядит достаточно поспешным². Тем не менее, Арель диагностирует глубокую проблему украинского общества, в котором достижение кажущегося консенсуса на основе предпочтения «западных ценностей» скрывает внутренний раскол между различными

¹ Арель Д. Украина выбирает Запад, но без Востока // Pro et Contra, 2005. № 1. С. 50.

² Портнов А.В. Упражнения с историей по-украински. М., 2010. С. 73.

интерпретациями не только этих ценностей, но и способов их реализации на украинской «почве». Значительным фактором (хоть и не всегда осознаваемым), повлиявшим на формирование европоцентристской стратегии понимания украинского прошлого, стало использование учебных изданий и исторической публицистики, имеющей эмигрантское происхождение.

В условиях отсутствия последовательной образовательной политики в 1990-е гг., книги по истории Украины, написанные представителями украинской диаспоры, стали заменой идеологизированных советских учебников, привнеся в мировоззрение школьников и студентов значительный элемент ностальгии по «утраченным возможностям» независимости и интеграции Украины в Европу.

Можно выделить несколько узловых исторических моментов, которые оказались использованы украинской историографией и послужили источником формирования национального самосознания и параллельно основой для предъявления моральных (а частично, и материальных претензий) по отношению к Российской Федерации.

Во-первых, переосмыслению подвергается само понятие «Киевская Русь». В украинских учебниках от издания к изданию все отчетливее проявляется тенденция к удревнению собственной истории и отказу от общности данной истории с другими народами (прежде всего, русскими и белорусами). Владимир Святой и Ярослав Мудрый провозглашаются национальными героями Украины, а одним из первых шагов украинского президента Леонида Кучмы становится создание памятников этим древнерусским князьям в центре Киева.

Сам термин «Киевская Русь» рассматривается украинскими историками и политиками как название того государства, которое явилось политическим предшественником будущей независимой Украины. В пользу этой политической преемственности авторами украинских учебников приводится несколько основных аргументов.

Суть языкового аргумента можно свести к следующему: тот язык, на котором говорило население Киевской Руси и который лег в основу «кириллицы», является предком не русского, а современного украинского языка¹. Территориальная аргументация того, что Киевская Русь явилась прообразом современной Украины, заключается в подчеркивании того факта, что именно Киев являлся столицей Киевской Руси, и он же выступает в качестве официального политического центра современной Украины. «*Киевское*

¹ Речкалов А.П. Кто ты, Русь: первые времена и первых князей вспоминая... Киев, 2007. С. 16.

княжество стало центром формирования могущественного средневекового государства – Руси»¹. Выбор столицы в данном случае подчеркивает, по мнению авторов украинских учебников, не только политическую, но культурную и этническую преемственность.

При этом украинские историки создают и более глобальное историческое обобщение. В противовес господствовавшей в СССР концепции «братских народов», согласно которой разделение великорусского, украинского и белорусского народов имело место относительно поздно (в XV–XVI вв.), причем причиной этого являлось политическое разделение, украинская историография выдвигает другую теорию. Согласно ей, корни разделения трех народов лежат гораздо глубже и заключаются в их изначально различной этнической природе: если белорусы являются потомками балтских народов, а русские – финно-угорских, то украинцы являются единственным народом, имеющим чисто славянское происхождение. В связи с этим и отвергается этимология самого названия «Украина» от слова «окраина», имеющая, согласно новым украинским учебникам, дискриминационную природу. Леонид Кучма в своих работах предложил другую версию – от слова «край», но не в смысле границы, а смысле отдельного региона, особой территории (аналогично понятиям Краснодарский край и Красноярский край).

Во-вторых, в современной Украине кардинально изменилось представление о героизме и, соответственно, пополнилась галерея национальных героев. Противостояние «Александр Невский – Даниил Галицкий» можно дополнить и другими историческими примерами. На смену Богдану Хмельницкому, приведшему Украину в состав Российского государства, приходят борцы за независимость – Иван Мазепа, а также Степан Бандера и Роман Шухевич, принимавшие участие в Великой Отечественной войне в составе германских войск. Одним из последних указов бывшего президента Украины Виктора Ющенко стало присвоение Степану Бандере почетного звания «Герой Украины». Аннулировать данный указ весной 2010 г. оказалось возможным только по одной формальной причине – Степан Бандера не являлся гражданином независимой Украины в силу отсутствия самого такого государства.

Подобные действия вызвали неодобрительное отношение не только со стороны России, но и со стороны Польши, в которой «травматическим местом памяти» является т.н. «Волынская резня» весной 1943 г., во время

¹ Свидерский Ю.Ю., Ладыченко Т.В., Романишин Н.Ю. История Украины. Киев, 2007. С. 53.

которой отрядами УПА было практически полностью уничтожено польское население Подолии. Современный польский журналист М. Шлядевска справедливо указывает, что «*Роман Шухевич упоминал поляков как величайших врагов Украины, с жестокостью проводил в жизнь преступную идеологию, используя тактику «выжженной земли»*»¹. С общественным мнением были солидарны и политические лидеры. Так, Президент Польши Лех Качиньский по этому поводу высказал мнение, что «*последние действия президента Украины направлены против процесса исторического диалога и примирения. Текущие политические интересы победили над исторической правдой*»².

Украинская историография сформировала целый список исторических событий, служащих основанием для предъявления претензий сопредельным государствам, прежде всего, России. Оставляя в стороне их сугубо историческую обоснованность, можно отметить, что главным обвинением становится «геноцид украинского народа» из-за голода 30-х гг. XX в. («Голодомора»), массовых репрессий и ведения открытых боевых действий (имеется в виду уничтожение членов ОУН в послевоенные годы). В данном конкретном случае можно наблюдать ситуацию, когда «травма памяти» призвана не сосредоточить внимание на кризисном событии, выработав ту трактовку, которая позволит справиться с воспоминаниями о нем, а превращается в средство политического и экономического «торга» на международной арене³.

События весны 2014 г. стали основанием для нового всплеска претензий не только по отношению к современной политике Российской Федерации, но и по отношению к предшествующей истории взаимодействия России и Украины.

Мифологизация национальных героев по-прежнему актуальна для современной украинской политики, особенно в условиях противостояния с советскими мифологемами, реализуемыми в российской политике памяти. При этом сам выбор героев и оправдание их поведения, подчас совсем не «геройского», становится крайне сложной темой, что продемонстрировало

¹ *Śladowska M.* Od terrorysty do bohatera Ukrainy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mysl-polska.pl/node/118> (дата обращения: 12.07.2014).

² Качиньский осудил героизацию Бандеры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.webcitation.org/6BSqiCGww> (дата обращения: 12.07.2014).

³ О конструктивистском понимании «травм памяти» см. подробнее: *Аникин Д.А.* «Травма» памяти: стратегии конструирования в современном политическом дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2014. № 1. Т. 2. С. 220–229.

интервью Петра Порошенко, данное им непосредственно после президентских выборов. В ответ на прямой вопрос, является ли Степан Бандера героем, он ответил: *«Любой человек, который боролся за независимость моей страны, для меня герой. Но это не предполагает, что для меня не являются героями какие-то другие люди. Оба моих деда воевали на войне, оба были ранены. За Советский Союз воевали, безусловно»*¹. Таким образом, «героический» миф приобретает исключительно инклюзивное значение – умолчанию или даже отрицанию подвергаются те характеристики исторических деятелей, которые могут повредить их героическому имиджу, а главным критерием причисления к пантеону становится борьба за независимость Украины. Характерно для современной Украины то, что в ряды таких борцов попадают одновременно как украинские националисты из УПА, так и бойцы Советской Армии, сражавшиеся с Украинской повстанческой армией.

Актуализация подобных тенденций выстраивания политики памяти может быть связана с борьбой политических сил внутри самой Украины, в частности – с решением неоднозначного вопроса о ее внешнеполитической ориентации. О такой зависимости может свидетельствовать изменение трактовки прошлого в результате прихода к власти политических сил, ориентированных на интеграцию Украины в европейское культурное и политическое пространство, следовательно, на рассмотрение ее истории в контексте общеевропейских тенденций развития. По словам Г. Касьянова, *«периодические обострения украинско-российских отношений в разных сферах (от экономики до геополитики) постоянно актуализируют тему имперскости именно в контексте опасности российского империализма и его амбиций»*². Но учитывая неоднородность самого украинского общества и возникающие в связи с этим трудности выстраивания общеукраинской культурной и исторической идентичности, односторонние интерпретации прошлого вряд ли смогут обеспечить достижение внутривнутриполитического и социального консенсуса в стране.

Несмотря на достижение определенной консолидации украинского общества в условиях свержения политического режима В. Януковича и

¹ *Порошенко П.* В Украине вообще нет экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://politica-ua.com/petr-poroshenko-v-ukraine-voobshhe-net-ekonomiki/> (дата обращения: 12.07.2014).

² *Касьянов Г.* «Пикник на обочине»: осмысление имперского прошлого в современной украинской историографии // Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И. Герасимова, С. Глебова, А. Каплуновского, М. Могильнер, А. Семенова. Казань, 2004. С. 82.

постоянно подогреваемой СМИ военной угрозы со стороны России, внимательный анализ показывает, что попытки выстраивания целостной стратегии восприятия Украины в ее прошлом, настоящем и будущем предстают собранием различных мифов. Разрозненность этих мифов, их ориентация на этноцентрическую картину истории и слабый потенциал в налаживании политического и культурного взаимодействия с ближайшими соседями делает проблему становления государственной идеологии на Украине делом отдаленного будущего.

КАК РАССКАЗЫВАЮТ НАЦИОНАЛЬНУЮ ИСТОРИЮ ДЕТЯМ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Введение

Вначале 1990-х гг., практически сразу же вслед за распадом СССР, в Азербайджане начался процесс разработки и публикации новых учебных нарративов по национальной истории. Основой нового учебного курса, который получил свое нынешнее завершение в последней версии учебников принятых к преподаванию в средних школах в 2000-х гг., в значительной степени оставался курс истории Азербайджана, разработанный в годы СССР. Чем дальше вглубь веков, тем в большей степени ревизия этого курса определялась только сменой интонаций при описании событий, и, практически, не затрагивала образный ряд героев, различных политических фигур или деятелей в области культуры сконструированный специалистами в годы советской власти.

Смена интонаций определялась банальной переменной установок на интерпретацию исторических событий теперь уже, например, не через классовую борьбу, а только через идею длящейся сквозь тысячелетия бескомпромиссной борьбы за национальную независимость и построение национального государства. В центре исторического повествования, в качестве непреходящей в тысячелетиях структурной ценности (некой «вещи в себе»), оказался идеальный образ национальной родины азербайджанских тюрков. Как и практически во всех подобного рода нарративах, создающихся для схожих целей, и в случае с историей Азербайджана авторы, *«говорящие от имени своей <> потерянной и вновь обретенной родины, все находятся в центре своих собственных миров»*¹.

Этим центром «собственного» мира в постсоветский период становится, не столько независимое национальное государство в его нынешних границах, сколько образ «исторического Азербайджана», который по версии авторов учебника (также в значительной степени основанной на конструктах советского периода), содержит в себе указание на сопредельные территории Ирана, Грузии, Армении и России, т.е., практически, всех соседних государств. Историческое повествование, как и прежде, представляет собой рассказ о непрерывном в веках линейном развитии «азербайджанского этноса» до современного авторам момента приобретения им своего национального

¹ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 305, 306.

государства. В то же время, в контексте полемики о древности южно-кавказских «этносов», прежде всего, с историками Армении, концепты «развития» или «этногенеза» азербайджанских тюрков в постсоветский период стали занимать одно из центральных мест в истории нации / страны.

Наиболее значительной ревизии были подвергнуты события истории, относящиеся к XIX и XX вв., связанные с приходом на Южный Кавказ Российской империи и установлением советского политического режима. Конфликт с Арменией за контроль над регионом Нагорного Карабаха и выход из состава СССР стали причиной конструирования образа «исторического врага», в коллективной роли которого выступают не только армяне, но также русские и иранцы (фарсы). Естественно, был также разработан и курс по истории постсоветского Азербайджана.

Такова в самых общих чертах ситуация со школьными учебниками по национальной истории в постсоветском Азербайджане. В дальнейшем изложении ситуации, сложившейся в данной области, как она мне представляется, основное внимание я буду уделять вопросам, по обозначению Марка Ферро, институциональной истории, «которая главенствует, так как выражает или узаконивает политику, идеологию, режим»¹. Эта институциональная история, помимо обладания всеми чертами, указанными выше, остается по существу, по словам Мишеля Фуко, все той же беспорядочной, преимущественно политической историей «*правлений, войн и периодов голода*»². Собственно о попытках историков в постсоветском Азербайджане упорядочить эту беспорядочную историю в соответствие с теми представлениями и задачами (чаще всего идеологическими), которые они перед собой ставят (или перед ними ставит политический режим), и пойдет речь в данной статье. Анализировать сложившуюся ситуацию я буду в контексте советской национальной политики и постсоветских концептов (или форм) национализма, под влиянием которых, как мне представляется, в первую очередь, формируется учебный нарратив.

«Расцвет» национализма

На мой взгляд, только в контексте специфики советской национальной политики и постсоветской идеологии азербайджанского национализма

¹ *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 306. В том же духе, что и Марк Ферро, Ян Ассман так же определяет содержание учебников как официальную традицию (*Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 54).

² *Фуко М.* Археология знания. СПб., 2004. С. 36.

становится возможным понимание нынешнего состояния учебного курса по национальной истории. Данное утверждение, по моему мнению, может быть отнесено не только к ситуации в Азербайджане, но и ко всем постсоветским странам.

Одним из банальных клише, в соответствии с которым производилась ревизия повествования истории Азербайджана периода между установлением и коллапсом советской власти, является широко распространенное не только в среде авторов учебников убеждение, что политический режим, управлявший СССР, препятствовал развитию азербайджанского (как и многих прочих) национального (само)сознания, становлению идентичности, развитию «этноса» и культуры и пр. Вся интерпретация данного периода исходит из ложных посылок и ошибочных представлений о том, что собой представляла советская национальная политика. Последняя, по словам Роджерса Брубейкера, состояла, напротив, как раз в том, что *«советские институты территориального статуса нации и персональной национальности конституировали всеобъемлющую систему социальной классификации, организовывали «принцип видения и разделения» социального мира, стандартизованную схему социального учета, объяснительную сетку публичных дискуссий, набор пограничных маркеров, легитимную форму для публичной и личной идентичностей»*¹.

В случае с азербайджанской нацией вполне релевантным можно считать известный тезис Э. Геллнера о том, что национализм предшествует нациям. Этот национализм небольшой группы интеллектуалов конца XIX – нач. XX вв. и был в значительной степени реализован в случае с Азербайджаном, который получил статус союзной республики², по

¹ Brubaker R. Nationhood and the national question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: An institutionalist account // Theory and Society Vol. 23, 1 (1994). P. 48.

² До реализации советского национального проекта «в сельских районах Кавказа было мало проезжих дорог, целые области оставались практически отрезанными от «цивилизации». Учителя и врачи жили, в лучшем случае, в уездных центрах. Деревни и аулы кочевников узнавали о существовании внешнего мира лишь по налетам бандитских шаек и приездам русских следователей. В тюркских деревнях сохранялось узколокальное чувство идентичности: границы деревни совпадали с границами мира. Здесь были актуальными разве что противоречия между суннитами и шиитами, христианами и мусульманами, кочевым и оседлым населением. Представления о нациях как таковых у деревенских жителей не существовало. В окружении враждебного мира, весьма далекого от органов государственной власти, крестьяне осознавали себя как члены рода, клана или религиозной общины. В этих условиях постулат националистов о том, что мусульмане Бакинской и Елизаветпольской губерний являются представителями азербайджанской нации, лишился всякого смысла». (Баберовски Й. Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828–1914 гг. // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 352).

крайней мере, в части «европеизации» и, учитывая, конечно, специфику советского режима, а также цели проводимой национальной политики. Естественно, что масштабный проект перестройки пространства империи под национальную федерацию не мог в принципе удовлетворить всех. По словам Э. Геллнера, *«Советский Союз унаследовал от царской империи невообразимое множество народов с огромными культурными, религиозными и языковыми различиями. Политическая организация нового государства была попыткой исправить такое положение с помощью расслоенной иерархии из союзных и автономных республик, автономных областей. Но ни одна бюрократически упорядоченная система подобных понятий не может упорядочить всю сложность реальной этнической ситуации; еще в меньшей степени способна она уладить возникающие многочисленные этнические конфликты, не обидев одного или обоих их участников»*¹.

В годы СССР был реализован проект территориального разделения пространства империи по принципу «национальных домов». Он сопровождался ускоренной модернизацией, урбанизацией, коренизацией элит и всеми прочими необходимыми в процессе конструирования воображаемых сообществ элементами политики². Конечно, советская власть, как думали ее представители, конструировала советские же этнонации, представители которых должны были выступать еще и в роли послушных граждан единого для всех Советского Союза, что, по сути, было версией гражданского национализма, накладывавшегося на проект конструирования этнонаций. Поэтому «непослушные» интеллектуалы заменялись на лояльных советской власти. Благо первые зачастую не представляли собой сколько-нибудь многочисленной прослойки, а вторые начали производиться в массовом порядке. Что особенно важно, именно в годы СССР впервые в истории практически всех сообществ, населявших бывшую Российскую империю, заработала, по словам Геллнера, *«огромная и дорогостоящая образовательная машина»* всеобщего среднего и массового высшего образования (в том чис-

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 15.

² *«Нет никаких сомнений в том, что элиты в Российской империи и в Советском Союзе мечтали о рационально спланированном и упорядоченном мире. Они верили в то, что институты могут изменять по своему усмотрению и контролировать общества, нации и экономические уклады. Эта вера в безграничность возможного являлась одновременно легитимирующим фактором и опорой коммунистической власти в Советском Союзе»* (Баберовски И. Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/research/2009/02/05/baberowski.html> (дата обращения: 15. 12. 2009).

ле и на национальных языках), которая сделала возможным повсеместное распространение секулярной «высокой культуры»¹.

Аспект, который представляется еще более важным для понимания также и постсоветской специфики расцвета национализма, это крайне высокая степень институционализации этничности в СССР. В результате реализации советской национальной политики этничность стала повсеместно считаться неотъемлемой, сущностной, базовой характеристикой любого человека². Важнейшим результатом советской национальной политики явилось то, что, по словам Владимира Малахова, «приписываемая этничность» (то есть определяемая властью, а не самосознанием индивидов) была интериоризована людьми и постепенно превратилась из внешнего идентификатора в часть (само)идентичности. Отсюда произошла такая особенность <> политического мышления, как методологический этноцентризм – взгляд на общество, как на конгломерат «этносов» («народов»). Этот тип мышления разделяется сегодня как массовым сознанием, так и значительной частью интеллектуальных и политических элит. Бывшему советскому человеку бывает трудно объяснить, что его или ее национальность не является чем-то врожденным»³.

В ситуации широко распространенных в среде азербайджанских политиков, журналистов, профессиональных историков, философов, политологов, социологов, психологов, учителей средних школ и лекторов ВУЗов, наконец, простых обывателей эссенциалистских представлений о нации формируется и нынешняя национальная идеология. История, как наука, а также учебный курс для средних школ и ВУЗов, учитывая ее идеологический потенциал в деле воспитания «правильных» граждан, стала особенно востребованной. «Это привело в новых национальных государствах к подъему национальной истории, которая служила легитимации молодых наций и государств. С одной стороны, сегодня возрождаются разрушенные во

¹ Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1994. С. 126.

² Как отмечает Сеймур Беккер, по сравнению с реформами в империи Габсбургов «более тщательно продуманная и построенная на этнической основе федерация была создана большевиками, но она служила, главным образом, для завуалированного возрождения ими централизованной Российской империи. Однако структура Советского Союза и советская политика существенно укрепили национальные идентичности» (Беккер С. Россия и концепт империи // Герасимов И.В., Глебов А.П., Каплуновский С.В., Могильнер М.Б., Семенов А.М. (ред.). Новая имперская история постсоветского пространства (Библиотека журнала Ab Imperio). Казань, 2004. С. 79).

³ Махалов В. «Национальная политика» как феномен политической речи // Малахов В. Понаехали тут. М., 2007. С. 50.

времена Советского Союза элементы исторической памяти и разрабатываются табуированные области истории. С другой стороны, некоторые историки перешли почти безболезненно от старой идеологии к этноцентризму и стали конструировать по воле новых политических элит исторические мифы»¹. И, наконец, приобретя в постсоветской ситуации статус независимого и национального, «государство получает монополию не только на законное насилие, но и на (теперь уже полностью независимое – Р.С.) присвоение образовательной квалификации. Это бракосочетание государства и культуры знаменует начало эпохи национализма»².

Роджерс Брубейкер указывает на то, что «в новых и вновь увеличенных национальных государствах Центральной и Восточной Европы межвоенного периода, а также в новых независимых (или по-новому оформленных) национальных государствах посткоммунистической Восточной Европы несколько типов национализма расцвели именно в результате реконфигурации политического пространства по предполагаемым национальным линиям». В данном случае речь не идет о стремлении к государственной независимости, которое утратило свою актуальность после приобретения национального государства. Представляется релевантным рассматривать ситуацию в постсоветском Азербайджане в контексте специфики двух форм национализма, выделяемых Брубейкером. Это, с одной стороны, некоторые черты «национализирующего национализма» («nationalizing nationalism»), в том смысле, что «коренная нация понимается в этом случае как законный «владелец» государства, которое, в свою очередь, рассматривается как государство для этой нации и принадлежащее ей»³. В данном случае это также традиция, идущая от специфики институционализации нации в годы СССР, когда некоторые группы (и в их числе азербайджанцы) приобрели статус т.н. «титовых наций». В то же время ситуация в постсоветском Азербайджане в определенной степени содержит в себе еще и некоторые черты защитного, протекционистского, национально-популистского национализма, «который стремится защитить <> язык, нравы или культурное наследие»⁴. И здесь важной становится не только защита от влияний «извне», но и идея компенсации за то время, когда азербайджанский язык и культура занимали, в определенном смысле, подчиненное положение в иерархии языков и культур, официально признанных в СССР.

¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Ab Imperio. 2000. № 1. С. 17

² Геллер Э. Условия свободы // Ab Imperio. 2000. № 1. С. 126.

³ Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Ab Imperio. 2000. № 1. С. 157.

⁴ Там же. С. 158.

Исходя из этой перспективы (т.е. понимания специфики советской национальной политики¹ и постсоветского национализма) и имеет смысл анализировать тексты учебников. При этом, по справедливому мнению Р. Брубейкера, язык анализа не должен содержать в себе категории социальной и политической практики, которые используются без необходимого критического разбора.

В случае такого подхода наиболее значимыми вопросами становятся, во-первых, специфика подачи в учебных текстах образов и мифов, репрезентирующих различные империи (оказывавшие влияние на события в регионе), либо национальные государства (язык, территория, «наша» культура,

¹ Т.е. той политики, в русле которой и был создан курс национальной истории, который впервые, в ситуации массового среднего образования, стал применяться на территории Азербайджана. Здесь следует отметить, что *«азербайджанская традиция исторического письма является сравнительно молодой. <> первые основательные исторические произведения на азербайджанском языке начинают появляться в 18 веке, но подавляющее большинство исторических произведений, посвященных Азербайджану, написанных азербайджанскими авторами, датируется 19 веком. Эти исторические повествования, написанные на азербайджанском, фарси либо русском языке, описывают историю правления отдельных властителей, отдельных ханств Азербайджана»* (Каратегзов Р. Метаморфозы коллективной памяти в России и на Центральном Кавказе. Баку, 2005. С. 148).

«Основоположником азербайджанской научной историографии» знаменитый в республике академик, историк Зия Бунятов называл Абас-Кули-ага Бакиханова (1794–1846). Йорг Баберовски также отмечает, что *«исток артикулированного мусульманского самосознания можно отнести к тридцатым годам XIX столетия, когда Аббас-Кули Ага Бакиханов, сын последнего бакинского хана и офицер русской армии, начал составлять небольшие очерки из истории Восточного Закавказья»*. Эти очерки составили труд Бакиханова, озаглавленный как «Гюллюстан-и-Ирам». Работа была закончена им в 1841 г. и посвящалась, впрочем, не истории Азербайджана, а «Ширвана и Дагестана» с древнейших времен до 1813 г. После, вплоть до советского периода, ничего более масштабного написано не было. В Азербайджане *«до 1917 года своих историков <> практически не было»* (Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003. С. 123).

Конструирование национальной истории и ее массовое преподавание началось, фактически, в советские годы, когда были разработаны и первые учебники для школ. Только в 1925 г. публикуется работа В.В. Бартольда «Краткий обзор истории Азербайджана». В те же 1920-е гг. появляются и первые общие курсы по истории Азербайджана, авторами которых были Е.А. Пахомова («Краткий курс истории Азербайджана (Северного)»), В.М. Сысоева («Начальный очерк истории Азербайджана (Северного)»), Т.С. Пассек и Б.А. Лагунин (очередной «Очерк по истории Северного Азербайджана») и др.

Сталинские репрессии нанесли чувствительный урон только начинающей зарождаться в Азербайджане исторической школе. Первый серьезный сводный труд («История Азербайджана» в трех томах) увидел свет лишь в 1950-х гг. В 1960 г. на основании этого трехтомника был подготовлен первый учебник для средних школ. В 1970-е гг. был составлен курс по истории Азербайджана для последних четырех лет (7–10 классы) обучения в средних общеобразовательных школах республики.

описание иерархии этнических групп и этнических границ), во-вторых, конструирование национальной идентичности из указаний на то, что такое «наша» религия, «духовные» и «нравственные» особенности «нашей» нации и пр., наконец, содержание мобилизационных мифов об «исторических врагах». В рамках одной статьи невозможно остановиться на всех выделенных аспектах, не говоря уже о тех, на которые я не указал. Поэтому, иллюстрируя все сказанное посредством анализа текстов учебников, я остановлюсь только на нескольких компонентах версии национальной истории, разработанной для школ. В дальнейшем изложении я прибегну к помощи нескольких метафор, которые буду обозначать как «страсти» по этногенезу, империи, идентичности и, наконец, т.н. «этническим меньшинствам». В данном случае все указанные «страсти» представляют собой те смысловые точки, в которых отражаются проблемы, при обсуждении которых авторы учебников демонстрируют наиболее высокую степень чувствительности и привносят в тексты наибольшую эмоциональную напряженность, когда реинтерпретируют важные для нации (по крайней мере, по мнению историков) события истории.

Страсти по Этногенезу

Несколько перефразируя Пьера Нора, можно сказать, что в случае с конструированием любой (не важно – советской или постсоветской) версии этногенеза мы имеем дело с некой *«ретроспективной протяженностью»* или *«культом непрерывности, достоверностью знания о том, кому и чему мы обязаны тем, чем мы являемся»*¹. Он также указывает на важность *«идеи происхождения – этой профанированной версии мифологического повествования, которая позволила сохранить обществу, идущему дорогой национальной секуляризации, смысл и потребность в сакральном. Чем более великим было происхождение, тем больше оно возвеличивало нас. Ибо мы восхваляем себя, восхваляя прошлое»*. Если для Нора и «его» Франции подобное соотношение уже распалось, то для азербайджанских историков оно является еще вполне жизнеспособным².

Авторов учебников в крайней степени занимает древность «азербайджанского этноса» и перипетии его «этногенеза». В контексте этих вопросов и в ситуации карабахского конфликта авторы значительное внимание уделяют границам «исторической родины». Так, уже в первых школьных

¹ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – Память. СПб., 1999. С. 35.

² Там же. С. 36.

учебниках по национальной истории, созданных в период независимости, авторы подробно разъясняют, что *«тюркский народ Азербайджана, имеющий свою территорию, язык, политические образования, древнюю культуру, сложился уже в период раннего средневековья. Формирование этого народа в течение III–VIII вв. произошло на более обширной территории, чем ныне. Эта территория на севере начиналась в районе Дербента, на юге доходила до иранского региона, куда входили Зенджан, Газвин и Хамадан, на востоке была ограничена Каспийским морем, а на западе включала Тифлис, область Геокча, Ираван и западное побережье Урмийского озера»*¹.

Во второй версии постсоветских учебников («Отечество», 5 класс) те же идеи превращаются в нечто, по форме и слогу напоминающее гимн, посвященный непрерывно и линейно развивающемуся сквозь тысячелетия этносу / нации. Прежде всего, авторы, в соответствии с *«современными целями национализма»*², подчеркивают, что «судьба народа», не имеющего своего государства, состоит в неизбежном растворении среди «других народов». Однако древняя традиция государственности предоставляет им повод для оптимизма, и ученик может спокойно вздохнуть, узнав, что *«...мой народ живет тысячи лет и будет жить, пока стоит этот мир! Потому что Азербайджан – это страна древнейших государств в мире»*³.

«Историческая родина» для авторов учебников по истории Азербайджана так же, как, впрочем, и для историков в Армении или Грузии, представляется гораздо обширнее современной: *«Мой Азербайджан с давних времен и до сегодняшних дней был большим и могущественным государством. ...Дербентская крепость, названная нашими предками «Железные ворота» была на территории нашей родины. От Дербента вдоль Каспия и до Казвина, Хамадана простираются земли нашей Отчизны. На западе –*

¹ Юсифов Ю., Бабаев И., Джафаров И. История Азербайджана. Учебник для 6 класса. Баку, 1997. С. 5.

² Говоря об этих целях, Эрик Хобсбаум замечает: *«Вполне очевидно, сколь привлекательной – ввиду потенциального воздействия на массы – может быть традиция государственности для современного национализма, цель которого – становление нации в форме территориального государства. Это заставляло некоторые из национальных движений выходить далеко за пределы реальной исторической памяти своих народов, дабы отыскать в прошлом подобающее (и подобающим образом внушительное) национальное государство. Так обстояло дело с армянами, которые после первого века до н.э. не имели сколько-нибудь крупного государства и с хорватами, чьи националисты видели в себе (без особых оснований) наследников «хорватской политической нации»»* (Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С. 121, 122).

³ Махмудлу Я., Халилов Р., Агаев С. Отечество. Учебник для V класса. Третье издание. Баку, 2003. С. 6.

Ширак дюзю, древний Борчалы, Дилижан, Гейче, Иреван, Нахчыван (выделено мною. – Р.С.) – *были нерушимыми пределами нашей Родины*¹.

Эти образы «исторической родины» обосновываются с помощью этноисторического «мифа об автохтонности»². Если в работах советских историков академиков – И. Алиева, З. Буниятова, А. Сумбатзаде и др. «кровь» или «гены» предшествовали лингвистической преемственности, то сейчас этого не происходит. Версия, принятая в советские годы, гласила, что древнее население «Исторического Азербайджана»³ ассимилировалось новыми волнами переселенцев, пока тюркоязычие не стало доминировать. Это все тот же древний, автохтонный народ, только сменивший язык. Авторы же современных школьных учебников, критикуя советских историков за недостаток патриотизма, придерживаются позиции изначального (автохтонного) тюркоязычия населения региона. Лингвистическая принадлежность становится важнейшим маркером сообщества.

Автохтонность задается как через непрерывный «этногенез» собственно азербайджанской нации в пространстве неизменной во времени «исторической родины», так и через контекст принадлежности к общетюркскому миру в самом широком смысле (вариант, отсылающий к пантюркизму). Эти способы приватизации прошлого содержат также идеологему «патриотического» воспитания. Историки задают тон отношений с родиной, который подразумевает привычную с советского прошлого установку – человек для государства, но не наоборот. Это идеология «правильной» жертвенности, которая подразумевает, что «родина» – это некий объект любви, который был, есть и будет «всегда». За него периодически следует жертвовать жиз-

¹ Там же. С. 10.

² Это «...утверждение о необычайной древности (если не исконности) своих этнической культуры и языка в целом и на занимаемой ныне территории в особенности...». В предлагаемой Виктором Шнирельманом типологии этнических мифов этот подход отделяется от ситуации, когда можно наблюдать «безусловную идентификацию своей этнической группы с вполне определенным языком, который был якобы присущ ей изначально (миф о лингвистической преемственности); иначе говоря, если переход с одного языка на другой и допускается, то не для своего, а для иных этносов, так как этот факт как бы понижает статус этноса». В случае с этноисторическими мифами, утвердившимися на страницах азербайджанских учебников, как мне представляется, это разделение не является существенным (*Шнирельман В.А.* Ценность прошлого // Олкотт М.Б., Малашенко А. (ред.): Реальность этнических мифов. М., 2000. С. 22).

³ Здесь имелись в виду, с одной стороны, Южный (Иранский) Азербайджан, древние насельники которого говорили на языках иранской группы, с другой – северный Азербайджан (современное национальное государство), который описывался как государство Албания, население которого преимущественно говорило на языках северо-кавказской лингвистической группы, и только часть – на иранских языках.

нюю. Родина – это то, что следует ценить больше жизни по той причине, что *«где еще найти страну такую»*. *«Потому, что Родина моя – это не просто какой-то участок земли, какая-то территория, а ОДИН ИЗ САМЫХ ДРЕВНИХ ОЧАГОВ КУЛЬТУРЫ НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ»*¹.

Древность культурного очага подразумевает не меньшую древность нации, линия «этногенеза» которой прослеживается авторами от палеолитического прошлого края до наших дней. Это повествование о состоянии непрерывного пребывания в границах «исторической родины». Наиболее древние останки первобытного человека, найденные на территории Азербайджана в Азыхской пещере, репрезентируют собой автохтонность владельцев «исторической территории». Эти останки становятся доказательством того, что *«ОДИН ИЗ ДРЕВНИХ ЖИТЕЛЕЙ ЕВРОПЫ, ОДИН ИЗ САМЫХ ДРЕВНИХ НАРОДОВ МИРА – МОЙ НАРОД, МОЙ РОДНОЙ, ВЕЛИКИЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ НАРОД! Живи и процветай, мой край – древнейший из древних, изначальная и вечная моя Родина – Азербайджан, прошедший путь в сотни тысяч лет!»*². Непрерывная линия развития конструируется и посредством ретроспективного переноса современного этнонима в глубокую древность, и ученики узнают, что *«древние азербайджанцы начали пользоваться огнем много миллионов лет назад»*, и, в конечном итоге, *«в эпоху верхнего палеолита на территории Азербайджана завершилось формирование человека современного типа, то есть «человека разумного»»*³.

Таким образом, народ / нация пребывает в неразделимом единстве с территорией / родиной. Народ, хоть и развивается от азыхантропа до современного азербайджанца, это образ единого и неделимого в тысячелетиях сообщества, проецируемый на неизменную во времени «историческую родину». В данном контексте утверждение о безусловной, всегда тюркской

¹ Все выделения в текстах я привожу в соответствии с учебниками. Следует подчеркнуть, что обособление в тексте тем или иным способом (в данном случае крупным и / или жирным шрифтом) особо значимых, по мнению авторов, мыслей – это вариант индокринаций:

«Когда в учебниках и популярных брошюрах уже в виде формул, в виде окончательных дефиниций преподносятся весьма сомнительные допущения (да еще набираются жирным шрифтом), мы имеем дело с некоей индокринирующей процедурой» (Малахов В. Преодолимо ли этноцентричное мышление // Воронков В., Карпенко О., Осипов А. Расизм в языке социальных наук. СПб., 2002. С. 20).

² Махмудлу Я., Халилов Р., Агаев С. Отечество. Учебник для пятого класса. Баку, 2003. С. 66.

³ Алиев В., Юсифов Ю., Бабаев И., Джафаров И., Мамедова А. История Азербайджана. Учебник для 6 класса. Баку 2003. С. 18.

принадлежности этого древнейшего сообщества делает историю простой и понятной для современного школьника, который проводит основанные на простом здравом смысле аналогии с нынешним положением дел.

Остается еще заметить, что, по выражению Пьера Бурдьё, «как и во многих других случаях, здесь отношение к происхождению переживается слишком глубоко и драматично, чтобы можно было считать такую стратегию результатом циничного расчета»¹. По крайней мере можно утверждать, что подобные конструкты не являются циничным расчетом для всех без исключения авторов учебников.

Страсти по Империи

Естественно, что один из наиболее эмоциональных компонентов учебных текстов, важная составляющая конструкта «исторического врага» относится к понятию «империи». Образ «Империи», как негативного типа государственного устройства, наиболее эмоционально подается через повествование о Российской Империи / Советском Союзе. Определенная часть эмоций приходится и на долю Персидской Империи. Как правило, авторы уже через простое обозначение какого-либо государственного образования как империи подразумевают некие негативные ассоциации. Т.е. «империя» в ситуации выхода Азербайджана из состава СССР стала уже неким нарицательным обозначением «неправильно» (несправедливо) созданного и функционирующего государства. Учитывая эту семантическую нагруженность негативными образами, авторы учебников стараются избегать подобного обозначения в отношении, например, государства Сефевидов. Это государственное образование национализируется и обозначается как азербайджанское государство Сефевидов (конструкт, также разработанный еще в годы СССР).

Российская Империя становится мифом, вокруг которого авторы выстраивают непрерывную традицию борьбы за единый и независимый Азербайджан (национальный очаг) и конструируют эмоциональные образы героев, боровшихся за реализацию этой цели. Именно Российская Империя (хотя, в меньшей степени, и Персидская) становится главным виновником временной утраты национального государства и все еще длежащего его разделения. В учебнике для 5 класса (вводная часть к курсу по национальной истории) в этом контексте звучит большинство эмоциональных сентенций. Этим вопросам посвящен весь 33 параграф, который весьма многозначитель-

¹ Бурдьё П. Назначение народа [Электронный ресурс]. URL: <http://bourdieu.name/content/naznachenie-naroda> (дата обращения: 21.12.2009).

но озаглавлен как «Туркменчайский договор – трагедия народа»¹. Он начинается с упоминания, что «как в Гюлистане, так и в Туркменчае был положен конец существованию могущественного Азербайджана!... Раздробили на части, разделили на области, разъединили народ Азербайджана»².

Степень эмоциональной нагруженности повествования заметно снижается к моменту возвращения к этим событиям в учебнике для девятого класса, где им посвящается уже вся шестая глава. В центр повествования авторы помещают идеальный образ Джавад хана, вассала Персидского шаха (на этом факте, впрочем, авторы стараются внимание не акцентировать), владевшего к началу XIX в. Гянджинским ханством. Именно этот исторический персонаж помещается в центр антиколониального дискурса борьбы азербайджанского «народа» против имперской агрессии. Авторы упоминают, что в течение месячной осады Гянджи российский генерал Цицианов пять раз обращался к Джавад хану с письмами, в которых требовал сдачи города, на что хан, совершенно в духе советских риторических клише патриотического дискурса, неизменно отвечал, что «он будет сражаться до последней капли крови»³.

Сама осада и взятие Гянджи становятся центральными событиями противостояния свободолюбивых азербайджанцев агрессивной империи. Авторы конструируют повествование таким образом, что ученику, привычно размышляющему в контексте современных для него представлений о едином и независимом Азербайджане, прививается идея переломного момента в истории. Исход сражения за Гянджу, по версии авторов, мог бы изменить не только историю Азербайджана, но и всего региона. «29 декабря 1803 года Цицианов принял решение созвать военный совет. Совет должен был сделать выбор: или отступить назад, или начать атаку. Первый путь означал позор для русских войск. Это привело бы

¹ Килит Аклар указывает на то, что «развитие мифа о разделении является явным свидетельством националистических тенденций в историографии Азербайджана. Учебник истории *Ata Yurdu* (Отечество 5 класс – Р.С.) имплицитно и эксплицитно поддерживает идею унификации Северного Азербайджана с Южным Азербайджаном, который в настоящий момент находится под суверенитетом Ирана. Кажется, что подъем азербайджанского ирредентизма напрямую связан с приобретением независимости в постсоветский период и нацистроительством, что и отражается в учебниках» (*Aklar Kilit Yasemin. The teaching of history in Azerbaijan and nationalism // Ab Imperio. 2005. № 2. С. 495*).

² Махмудлу Я., Халилов Р., Агаев С. Отечество. Учебник для 5 класса. Баку, 2003. С. 145.

³ Мамедов С., Велшев Т., Годжаев А. История Азербайджана. Учебник для 9 класса. Баку, 2005. С. 179.

к падению их престижа и влияния на Кавказе, к расстройству захватнических планов русских». Несмотря на героическую оборону, Гянджа пала. Виновниками этого становятся еще и представители некой «пятой колонны» – этнические армяне, проживавшие в городе. В дальнейшем изложении происки этого «исторического врага» становятся все более изощренными. Однако, подвиг павших не был напрасным и, в конечном итоге, хан и его сын становятся символическими национальными героями, примером того, как необходимо сражаться за родину. *«После кровопролитных боев город был захвачен русскими войсками. Джавад хан и его сын Гусейнгулу ага героически погибли в неравном бою. <> Беря пример с Джавад хана, защитники крепости, не бросив поля боя, сражались до конца. Город был усеян трупами»*¹.

Это, естественно, только один из эмоциональных образов антиколониального, антиимперского дискурсов. Авторы приписывают Империи все беды, которые в перспективе времени написания учебников они видят актуальными. Несмотря на высокую степень эмоционального отрицания всего советского, антиимперский дискурс конструируется с использованием все тех же советских клише. И это не удивительно. Большинство авторов прошли профессиональную социализацию еще в годы существования СССР, а *«сам термин, являвшийся гордым самоназванием царского государства, был дискредитирован (именно – Р.С.) в советское время»*².

Само понятие «империя» возникает в учебниках в совершенно разных контекстах и в разные периоды истории для обозначения очень разных государственных образований. Разные типы имперской организации государства фактически репрезентируются авторами как не имеющие существенных отличий. Империя – это всегда контекст колонизации и политического, ассимиляторского и любых других видов давления, против которых неизменно солидарный азербайджанский народ боролся за свою независимость. Подобный подход в значительной степени обедняет историческое повествование. Однако, создавая максимально упрощенную версию национальной истории, авторы могут легко применять ее для репрезентации мира, всегда жестко и прозрачно разделенного на «наших» и «врагов».

Если оттолкнуться от вышеприведенного примера, то следует отметить, что заметно искажается и упрощается не только специфика российского

¹ Там же. С. 181.

² Каннелер А. Россия – многонациональная империя: Некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 18.

имперского управления и политико-культурного ландшафта. Известно, например, что *«Империя, возникшая в результате территориальной экспансии России в период с домосковского времени до конца XIX века, включала в себя несколько совершенно разных типов отношений между метрополией и периферией»*¹. Специфика отношений с ЮжноКавказским регионом, представая в крайне редуцированной форме, сводится, в конечном итоге, только к постоянной антиколониальной, бескомпромиссной борьбе всегда солидарного азербайджанского народа с вероломными захватчиками, т.е., по выражению Майкла Биллига, все повествование сводится к *«риторическим клише политического (а я бы добавил: и патриотического – Р.С.) дискурса»*².

Страсти по Идентичности

Собственно, что касается всегда популярных в постсоветский период разделов учебников, в которых рассказывается о формировании национальной идентичности, об этом уже достаточно было сказано выше. Стоит еще упомянуть, что они также содержат и идеи популизма, т.е., выражаясь словами Э. Геллнера, авторы предпочитают *«идеализировать местные народные традиции, усматривая в них глубокие внутренние ценности»*³. Эти ценности во многом определяются не только этничностью, но и религией. И здесь как раз интересно то, что описанию религий авторы не уделяют чрезмерно много внимания. Хотя пропаганда ислама в учебниках для школ, функционирующих в светской поликонфессиональной стране, безусловно, проводится довольно активно. Я рискну здесь перебросить мостик к курсу по другому предмету, также призванному воспитывать «правильных граждан». К курсу – «Человек и общество», а точнее, к его версии для начальных классов – «Познание мира».

Уже во втором классе в «Рабочей тетради» ученикам предлагается целое меню вопросов, которые подразумевают довольно жесткую иерархию конфессий в Азербайджане. Упоминаются христианство и иудаизм (и даже огнепоклонство), но «правильный» гражданин лучше всего должен понимать, что такое ислам. И практически все вопросы, содержащиеся в курсе, относятся только к исламу.

¹ Беккер С. Россия и концепт империи // Герасимов И.В., Глебов А.П., Каплуновский С.В., Могильнер М.Б., Семенов А.М. (ред.). Новая имперская история постсоветского пространства (Библиотека журнала *Ab Imperio*). Казань, 2004. С. 74.

² Billig M. *Banal Nationalism*. London, 1995. P. 102.

³ Геллнер Э. *Нации и национализм*. М., 1991. С. 34.

При этом ученику навязываются банальные клише, и поныне успешно служащие формированию расистских¹ представлений. Например, для первого класса, раздел обозначен как «Религия – это наша нравственность». Здесь вопросов всего семь:

1. *«Каким словом можно закончить это предложение? «Аллах ... для всех существ?»*
2. *Какой город является священным местом паломничества всех мусульман мира?*
3. *Когда мусульмане отправляются в паломничество в Мекку?*
4. *Как называют человека, принявшего ислам?* Здесь интересны и три варианта ответа: человек, гражданин, мусульманин.
5. *Какая книга является священной книгой ислама?* И здесь ответы также впечатляют: Азбука, Коран, Конституция.
6. *Чем считаются по нашей религии воровство, ложь и ябедничество?*
7. *Напиши имя пророка исламской религии?*

Никакой версии «Познания мира» (и рабочих тетрадей в том числе) для детей из тех семей, в которых исповедуются другие религии, курсом не предусмотрено. В учебной части курса, впрочем, рассказывается о христианстве и иудаизме, но также в гораздо меньшей степени, чем об исламе. Но что более важно в данном случае, это даже не то, что говорится, а то, как говорится.

В первом классе ребенок уже должен выполнять задание по знанию «основ религии», в данном случае уже в разделе «Мы – граждане». И это вновь подборка вопросов об исламе. В версии для первого класса

¹ В данном случае я не имею в виду традиционный расизм, хотя и такой его тип можно усмотреть во многих пассажах, приводящихся в учебниках. Здесь я имею в виду «новый расизм – это такой расизм, основной темой которого является не биологическая наследственность, но непреодолимость в культурных различиях; расизм, который, на первый взгляд, не утверждает превосходство одних групп или народов над другими, но только указывает на то, как плохо отменять границы, на то, что разные образы жизни и традиции несовместимы, в общем, справедливо названный «расизмом дифференциации»» (Балибар Э. Существует ли «нео-расизм»? // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс: Двусмысленные идентичности. М., 2003. С. 31).

Современные проблемы расизма в образовании рассматриваются в одной из последних работ, подготовленных Санкт-Петербургским Центром Независимых Социальных Исследований (ЦНСИ). См.: *Воронков В., Карпенко О.* Трудно не быть расистом (вместо введения) // *Воронков В., Карпенко О., Осипов А.* (ред.) *Расизм в языке образования.* СПб., 2008. С. 5–26.

² *Ибрагимова А., Мехтиева Г.* *Познание мира. Рабочая тетрадь. 1 класс.* Баку, 2008. С. 23.

ученику прививается идея (хоть она и не проговаривается открыто), что именно ислам является некой «государственной» религией. Вопросы и в этом случае весьма красноречивы (как, впрочем, и некоторые варианты ответов). Начинают авторы с вопроса «*Кто исповедует ислам?*», и далее: «*Одно из них относится к исламской религии*» (варианты ответа – «*Тора, Молитва-намаз, Церковь*»), «*Какую веру исповедует большинство людей в Азербайджане?*»; «*Кто является пророком у мусульман?*» (здесь ответ содержит уже и религиозную лексику: «*пресвятой Иисус, пресвятой Моисей, пресвятой Мухаммед*»); «*Каковы особенности мусульман?*»; «*Где совершают богослужение мусульмане?*»; «*Какая из этих книг является священной книгой мусульман?*»; «*Чему веруют мусульмане, христиане, иудеи?*» (ответы: «*Исламской религии, Единобожию, Коран*»); «*В каком городе находится святилище Кааба?*». Наконец, на утверждение «*Исповедание любой религии в Азербайджане*» приводятся следующие варианты ответов: «*Добровольно, Принудительно, Обязанность*»¹.

Последний вопрос мне кажется символическим. Я бы рискнул ответить, что исповедание религии в Азербайджане, становится некоей «добровольной» обязанностью. Первой в иерархии религий в официально светском Азербайджане стоит ислам. Впрочем, главный вопрос даже не в том, почему в светском государстве в учебном курсе для средних школ отдается столь явное предпочтение какой-то одной религии в противовес некоторым другим, а в том, почему не предлагается альтернатива, которая является привычной нормой для современного общества, когда можно верить и исповедовать, а можно не верить и не придерживаться никаких религиозных норм. Фактически из школьного курса следует, что «мы-граждане» – это только верующие в существование бога и, желательно, религиозные люди. В соответствии с логикой и формой донесения до школьника материала курса остается задать еще один вопрос, чтобы определить образ «другого»: Как называть человека неверующего? Или вопрос может прозвучать так: Каковы особенности неверующих?

Страсти по «Этническим меньшинствам»

Проблема религии, точнее способов донесения до ученика неких норм, правил и знаний об этой сфере человеческой жизни, становится еще и проблемой т.н. «этнических меньшинств». По мнению Роджерса Брубейкера, прямым вызовом ««*национализирующему*» национализму является пересе-

¹ *Ибрагимова А., Мехтиева Г., Ибрагимов С. Познание мира. Рабочая тетрадь. 2 класс. Баку 2009. С. 49, 50.*

кающий границы национализм «внешней исторической родины» (*external national homeland*). Подобный национализм утверждает право и даже обязанность государства наблюдать за условиями, в которых находятся «его» этнонациональные «соотечественники», отстаивать их благополучие, поддерживать их деятельность и организации, защищать их интересы в других государствах. Подобные заявления обычно делаются и имеют наибольшую силу и резонанс в обществе, когда считается, что этнонациональные «соотечественники» подвержены угрозе со стороны национализующей политики того государства, в котором они живут»¹. Подобный тип национализма явно просматривается в параллельном описании событий истории Азербайджана в его, по версии авторов, Северной (собственно, Азербайджанская республика) и Южной частях (иранский Азербайджан).

Однако и Азербайджан, как национальное государство, может столкнуться с той же ситуацией, когда для некоторых его граждан может существовать «внешняя историческая родина». А бурные дебаты о необходимости подготовки специальных курсов истории для различных «этнических групп» могут быть в определенной степени уже запоздалыми. Тот же Брубейкер указывает на ещё одну форму национализма, которая исключительно важна для понимания постсоветской ситуации. Это национализм национальных меньшинств. Для представителей некоторых этнических групп становится актуальным пересекающий границы национализм внешней родины. «Внешняя родина», в пространстве которой этнические активисты вольны конструировать этно-исторические мифы, безусловно, просматривается, например, в случае с лезгинами. Лезгинские националисты весьма активно конструируют свою версию «великой истории» в Дагестане. И это тоже версия «несправедливо разделенного народа». Так или иначе, но в постсоветской ситуации активисты, репрезентирующие различные этнические группы, обладают определенным ресурсом, который они могут направить на конструирование их собственной версии исторических событий и ее распространение (особенно через Интернет). Попытки государства контролировать эти ресурсы, скорее всего, будут неудачными.

Еще более важен, впрочем, другой аспект. Насколько успешной может быть политика конструирования сепаратных нарративов по истории Азербайджана, т.е. разработка отдельного (специального) нарратива для

¹ Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 157.

каждой этнической группы. Эта идея весьма популярна в настоящий момент. Мне же это направление представляется малопродуктивным. Даже если оставить за границей обсуждений проблему того, кому в настоящих условиях поручат подготовку этих нарративов для различных этнических групп. Скорее всего, это будут те же историки, которые и ныне являются авторами анализируемых в данной статье учебников. Мало вероятно, что эти историки смогут создать такие версии исторических нарративов для школ, которые хоть в какой-то степени удовлетворили бы представителей различных этнических групп (особенно националистов).

Впрочем, я готов утверждать, что подобные версии (по крайней мере, в нынешних условиях) в принципе невозможны. Этно-исторические мифы, конструируемые как в русле национализирующего и популистского национализма доминирующей группы, так и в контексте национализма «национальных меньшинств», зачастую радикально противоречат друг другу. И чем глубже исторический нарратив уходит в прошлое, тем это противоречие значительнее. В которую из версий историй, например, вписывать сконструированный в годы СССР героический образ Бабека, на который, помимо азербайджанских тюрков, претендуют еще тальши и курды? Или главный культурный бренд, поэт Низами Гянджеви, на которого помимо азербайджанцев претендуют те же курды, а также лезгины? И это только одна сторона вопроса. Не следует забывать, что существует «столько же истин, сколько народов». Версия истории азербайджанских тюрков хоть и обладает институциональным ресурсом, но остается всего лишь одной из возможных других версий.

Подобные отдельные для каждой этнической группы курсы будут работать на поддержание межгрупповых границ в ситуации, когда доминирующая группа воспринимает идею безраздельного владения «родиной» как естественную и единственно возможную. Это естественное право владения «этнической территорией» также подразумевает и приватизацию культурных, героических и пр. брендов, которые необходимы для конструирования имиджа «прогрессивной и древней нации». В результате представители некоторых этнических групп могут восприниматься как потенциальные сепаратисты и граждане «второго сорта» только в силу того, что они не являются членами доминирующей группы и не разделяют тех представлений о культуре и национальных героях, которые репрезентирует институциональная версия истории. Кроме того, подобное разделение граждан одной страны на «титulyных» и «меньшинства», безусловно, предполагает довольно

жесткую иерархию социальных статусов этнических групп. Эта иерархия будет накладываться и на статусное ранжирование школьных предметов. Как и в годы советской власти, только теперь уже в пространстве одной из бывших советских республик общий курс по национальной истории станет неким подобием курса по истории СССР в отношении к специальным курсам для различных этнических групп.

Как здесь не вспомнить главное нареkanie азербайджанских тюрок в отношении советского курса по национальной истории. Мне доводилось участвовать в сборе полевых материалов (интервью, бытовой дискурс и пр.), которые были связаны с коллективной памятью о преподавании истории Азербайджана в период функционирования советской власти. Символическим напоминаям неравного статуса этих предметов в годы СССР стала память о «тоненькой книжке по истории Азербайджана» (содержимое волновало меньше). В то время, как учебник по истории СССР был куда более пространным. Именно эту несправедливость и следовало, по мнению многих информантов, устранить. Эта ситуация может повториться. Хотя, конечно, не стоит думать о возможностях повтора истории как «трагедии». Скорее, мы сможем наблюдать в обоих случаях историю как фарс¹.

Заключение

Завершая статью, я хотел бы вновь сослаться на Геллнера, который замечает, что *«По самой природе своей производственной деятельности индустриальное общество является огромным, анонимным, мобильным и нуждается в огромной коммуникативной системе для общения, независимо от ситуации. Такова современная культура. Она нуждается в обеспечении образовательными учреждениями и в их защите, и лишь государство в состоянии обеспечить и то, и другое. Это и создает ту критическую связь культуры и политики, которая составляет сущность национализма. Современный человек уже не подчиняется главе родственной группы, вере или своему господину; он является в первую очередь подданным своей культуры. И происходит так совсем не потому, что он прислушивается к мистическому, атавистическому зову крови. Совсем наоборот: он реагирует на очень современную ситуацию и на предъявляемые ею требования не потому, что он каким-то особым образом поработен или подкуплен, а*

¹ Нынешняя версия учебников по национальной истории вызывает, в свою очередь, нарекания у современных школьников как раз из-за их чрезмерной пространности и слишком скрупулезном изложении второстепенных, если не сказать, третьестепенных событий.

именно потому, что на него оказывают влияние его работа и жизненное положение»¹.

Эта общая культура, необходимая для конструирования общего коммуникативного пространства, в значительной степени становится возможной благодаря массовой социализации в процессе обучения в школах. Однако, что представляет собой та культура, те образы «нас» и «соседей», а также всего «внешнего мира», которые прививаются ученикам в азербайджанских средних школах? Следует помнить, что именно на предметы по национальной истории и обществоведению в значительной степени ложится ответственность за содержание и формирование культурных и прочих стереотипов. И здесь нужно понимать, что ситуация расцвета всех тех форм национализма, о которых говорилось в этой статье, неизбежна. Воспитание «патриотов», в любом случае, останется важнейшей целью предмета истории и обществоведения на ближайший обозримый период. Но в этой неизбежности не должно содержаться безысходности. Вместо того, чтобы прививать «образы врага», этно-националистические стереотипы о «нашем» превосходстве, идеи примордиального неравноправия людей, в зависимости от приписываемой этнической или религиозной принадлежности, стоит попытаться направить потенциал национализма как мощный мобилизационный ресурс на решение других задач.

Так, Брубейкер полагает, *«что патриотизм и национализм могут быть полезны в четырех аспектах: способствовать выработке более полноправных форм гражданства; поддерживать социальные программы, направленные на перераспределение благосостояния в пользу беднейших слоев; помогать интеграции иммигрантов и даже сдерживать развитие агрессивной односторонней внешней политики»².* Трудно сказать, насколько он прав в своих предположениях. Но, в конечном итоге, все зависит от того, в какой стране «мы» предпочитаем жить. В стране агрессивной ксенофобии, жестких межгрупповых границ, низкой значимости общегражданской солидарности, в стране непуганых «патриотов», убежденных в том, что их достоинство определяется прямым происхождением от азыхантропа? Или в открытой всему миру стране, равноправные граждане которой активно конструируют социальное пространство всеобщей солидарности и общее для всех культурное пространство, в котором ксенофобия и непроходимость социальных границ будет считаться плохим тоном?

¹ Геллер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 14, 15.

² Брубейкер Р. Именем нации: Размышление о национализме и патриотизме // Ab Imperio. 2006. № 2. С. 72.

Я не стану отвечать на эти вопросы, хотя, безусловно, не считаю их риторическими. В заключении я вернусь к названию статьи, в котором я перефразировал заглавие известной книги замечательного французского ученого Марка Ферро. В этой работе он говорит, что *«не нужно себя обманывать: образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории»*¹. С теми образами, которые сейчас содержатся в учебниках, утверждать что-либо о возможной пользе национализма / патриотизма было бы верхом наивности.

¹ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 8.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА И ИХ КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Прошло почти четверть века после провозглашения независимости Республики Казахстан. За эти годы немало сделано и делается для осмысления и переосмысления многовековой истории страны. Этот процесс можно считать закономерным: во-первых, он связан с распадом СССР и отказом от «единственно верного учения» – марксистско-ленинской методологии, во-вторых, вводятся в научный оборот новые документы и материалы, заставляющие пересматривать ранее установленные схемы и концепции, в-третьих, появилась возможность говорить о проблемах, ранее умалчиваемых – голоде и репрессиях 1930-х гг., депортации ряда народов, негативных последствиях освоения целины, экологических, демографических и национальных проблемах. Без подобного переосмысления прошлого наука превратится в мертвую догму.

Академические труды, написанные, в большинстве своем, «сухим» языком науки, перегруженные терминологией и необходимой для большей доказательности статистикой, издаваемые малыми тиражами, почти не доступны для широкой публики. Кроме того, академическая наука в основном концентрирует свои усилия на изучении прошлого казахов, уделяя мало внимания истории различных диаспор страны, их вкладу в культуру, научно-технические достижения, что тоже вызывает определенные недовольства.

Одной из немногочисленных попыток осмысления истории Казахстана как истории не только казахов, но и многочисленных диаспор, является учебное пособие «История Казахстана: народы и культуры»¹. Большинство же авторов часто упускают из виду, что в советский период Казахстан стал «планетой ста языков», и полиэтничный состав населения, несмотря на демографические изменения последних двух десятилетий, сохраняется и сейчас.

Все эти факторы приводят к тому, что читательская масса, неоднородная как в этническом, так и в социально-образовательном отношении, нуждается в знаниях о прошлом страны, и большая часть ее, неудовлетворенная не только малодоступной, но и малопонятной продукцией оте-

¹ История Казахстана: народы и культуры: Учеб. пособие / Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. Алматы, 2001. 608 с.

чественной науки, легко удовлетворяет свои возросшие потребности продукцией, в избытке предлагаемой многочисленными «фолк-хисториками». По образцам, созданным классиками жанра, такими как Мурат Аджи и Анатолий Фоменко «со товарищи», конструируются многочисленные национальные мифологизированные версии истории, имеющие достаточно большой конфликтогенный потенциал, к сожалению, в ряде случаев реализованный.

В рамках одной статьи невозможно в полной мере осмыслить тот взрывоопасный материал, который содержится в этих нарративах, а также рассмотреть их все. Поэтому будет рациональнее обратиться к наиболее важным из них с точки зрения постановки данной проблемы. Значительный конфликтогенный потенциал содержат создаваемые за пределами Казахстана трактовки отдельных страниц истории страны, но эти сюжеты в рамках статьи детально рассматриваться не будут.

Наиболее последовательно история Казахстана излагается в учебниках, которые призваны формировать у школьников стройную картину прошлого страны. Именно поэтому данный жанр исторической литературы представляет особый интерес, и именно по этой причине мы рассмотрим его в первую очередь.

В отличие от советского периода, сегодня не существует единого обязательного учебника. Имеющиеся школьные учебники создаются по естественно-математическому и общеобразовательному направлениям подготовки. Они выпускаются разными издательствами (например, «Мектеп» и «Атамұра»), каждое из которых отдает предпочтение тем или иным авторам, которые, в свою очередь, излагают собственную точку зрения на исторические факты. Эта авторская трактовка зачастую не только не соответствует установленной научной истине, но и зачастую противоречит не только ей, но и здравому смыслу.

В первую очередь, следует затронуть те сюжеты, которые могут трактоваться как территориальные претензии. Так, в одном из учебников авторы дают следующее определение понятию «ирредента»:

«Ирредентами называют людей, проживающих на своей исторической родине, но оказавшихся в силу исторических или иных причин в составе другого государства. Например, проживающих на исконно казахских землях, но оказавшихся в составе России, центральноазиатских стран или Китая называют ирредентами.

Если за пределами территории Казахстана проживает свыше 4 млн. 500 тыс. казахов, то 800 тыс. из них относятся к диаспоре, а 3 млн. 700

тыс. – к ирредентам. *Казахское население РСФСР¹ в основном проживает в Астраханской, Оренбургской, Курганской, Омской, Горно-Алтайской областях, Алтайском (крае. – ред.), или Тарбагатайском, Кульджинском округах Китая и в Баян-Олгийском аймаке МНР. В Узбекистане казахи в основном живут в Ташкентской, Сырдарьинской, Жизакской и Бухарской областях*»².

Через понятие «ирредента» авторы определяют исконно казахские земли. Они не призывают вернуть эти территории, но несомненно, что такие указания не улучшают отношения между государствами. Иногда намек на территориальные притязания могут содержать невинные, на первый взгляд, фразы. Так, характеризуя археологические культуры глубокой древности, авторы другого учебника пишут: «*Археологические находки в поселениях Аркаим Кустанайской области и Ботай Северо-Казахстанской области...*»³. Понятно желание авторов показать глубину и солидный возраст культурных традиций на территории Казахстана. Можно согласиться с тем, что культура Аркаима не знала современных границ, и в нашей стране найдены её памятники, но утверждение, что именно Аркаим, расположенный в пределах Челябинской области России, находится на территории Кустанайской области Казахстана, является некорректным. То же самое можно сказать и о следующем пассаже, где говорится о знаменитой в прошлом личности: «*...Тюрки звали его Шайка Баба. Он родился в 1187 г. в районе Хорезма, где проживали казахские племена*»⁴. Из этого утверждения ученики могут вынести убеждение, что район Хорезма является казахской землей. Кроме того, складывается впечатление, что, вопреки всем фактам, уже в 1187 г. казахи сложились как этнос.

Следующий отрывок из текста учебника к числу казахских земель «прибавляет» Каракалпакию и Киргизию: «*В конце своего труда автор (Кадыргали Жалаири – А.Г.) приводит такой афоризм: «Если число Алаша три, то общество катаган – два числа». Здесь ученый число «три» расширявает как три составные части Казахского ханства – Ташкентский вилайет, Каракалтакия и Киргизия*»⁵. Думаю, что чувство протеста у киргизов

¹ Так в цитате. – прим. ред.

² Турлыгул Т., Жолдасбаев С., Кожакеева Л. История Казахстана (Важнейшие периоды и научные проблемы): Учебник для 11 кл. естеств.-мат. направ. общеобразовательных школ. Алматы, 2007. С. 135.

³ Жолдасбаев С. История Казахстана: Учебник для 10 классов естественно-математического направления общеобразовательных школ. Алматы, 2006. С. 66.

⁴ Там же. С. 116.

⁵ Там же. С. 120.

вызвала бы фраза: «Подобные восстания (антикокандские – А.Г.) стали происходить в Киргизии, Аулие-Ате, Пишпеке»¹ по той причине, что город, ставший столицей нынешнего Кыргызстана, искусственно вычленяется из территории страны, издавна населенной тюркоязычными кыргызами. Поскольку вышеприведенная фраза относится к периоду правления кокандцев на территории Южного Казахстана и Киргизии, хотелось бы заметить, что в советской (естественно, и в казахстанской) историографии говорилось о жестоком правлении кокандцев. Авторы учебника продолжают эту традицию: «Большинство казахов, проживавших на юге, терпели притеснения от кокандцев. Они натравливали казахские роды и племена друг на друга, а сами правили, лавируя между своими и чужими»². Данная трактовка прошлого позволяла советским историкам говорить о прогрессивном характере присоединения Казахстана к России и помощи в освобождении от власти жестокого реакционного режима. Полностью отказаться от этой точки зрения авторы не смогли, но одновременно озвучили и новый взгляд на правление кокандцев: «Со стороны казахов добровольно воевали на стороне кокандцев бий Андас, батыры Сураншы, Диканбай, Альжан и др. Помогали кокандцам и киргизы»³. Согласно данной историографической тенденции, сторонников которой становится немало, «...до присоединения к России Казахстан был свободной, вольной, независимой страной»⁴. Присоединение к России, согласно этой точке зрения, не было прогрессивным и выгодным для казахов, особенно если сравнивать эти отношения в контексте торговли:

«Со второй половины XVIII в. торгово-экономические отношения Казахстана начинают бурно развиваться: на севере – с Россией, на юге – с Китаем. Однако факты говорят о том, что торговля со стороны России носила грабительский характер. К примеру, за казан стоимостью 2 руб. 50 коп. просили у казахов шерсть и кожу стоимостью 50 руб. В сравнении с этим торговля Абылай хана в 1750 г. с китайским правительством Цинь была более справедливой. Так, за 10 лошадей давали от 30 до 50 тюков ткани. Таким образом, торговля с правительством Цинь была более выгодной для казахов»⁵.

Россия, по мнению авторов учебника, могла только провоцировать конфликты: «В 1697 г. царь Петр I, отправляясь в Европу, наказал калмыцкому царю Аюке зорко охранять южные границы России. После этого калмыц-

¹ Там же. С. 158.

² Там же. С. 159.

³ Там же. С. 160.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Там же. С. 146.

кий царь стал совершать набеги на Кубань, земли Казахского и Хивинского ханств, которые не входили в российское подданство»¹.

Автор этого учебника отводит характеристике Казахстана в составе Российской империи специальный раздел, который включает 6 параграфов, из которых названия четырех подчеркивают потерю независимости и негативный характер российского правления:

- 1). Введение на территории Казахстана российской административно-политической системы управления;
- 2). Превращение Казахстана в сырьевой придаток Российской империи;
- 3). Переселенческая политика русификации казахских земель;
- 4). Проведение политики русификации казахских земель – образ колонии и колонизатора.

Относительно освещения страниц совместной истории необходимо отметить, что в казахстанских учебниках, созданных в советский период, делался акцент на совместной борьбе против общего классового врага – царизма (участие казахов в восстании Е. Пугачева, о чем в данном учебнике нет ни слова), а также внешних захватчиков (сюжеты о роли России в отражении джунгарской угрозы и участия казахов в Отечественной войне 1812 г. отсутствуют).

В другом учебнике описывается восстание 1916 г. в Казахстане: *«Вновь, как и в период джунгарского нашествия, возникла угроза физического истребления народа, поскольку в карательных экспедициях по уничтожению коренного населения участвовали регулярные армейские и казачьи части, вооруженные переселенцы. Карателями были уничтожены десятки казахских аулов, жестоким преследованиям подвергались мирные жители. Сотни тысяч степняков были убиты, умерли от голода и холода, загнанные царскими войсками в безводные степи и пустыни, горы, бежали за пределы Казахстана, спасаясь от карательных акций русской армии»².*

Если в советских учебниках акцент делался на классовом характере борьбы с царизмом, подчеркивался интернациональный характер этой борьбы, во главе которой стоял русский пролетариат, то сейчас говорится о вооруженных переселенцах и русской армии, творящих беззакония в казахской степи. В такой тональности написан учебник для 11 класса естественно-математического направления. В нем *«...охвачены все важнейшие*

¹ Там же. С. 149.

² Аяган Б.Б., Шаймерденова М.Д. Новейшая история Казахстана: учебник для 9 класса общеобразовательной школы. Алматы, 2005. С. 24.

*факты и события ...начиная с похода Ермака в Сибирь и по наши дни*¹. Учебник написан не по хронологическому принципу, а в проблемном ключе, и на рассмотрение учащимся предлагается 8 глав-проблем. Одна из них посвящена национально-освободительной борьбе казахского народа за независимость в XVII–XVIII вв. Весь период вхождения Казахстана в состав Российской империи сводится единственно к борьбе против последней.

Из сферы внимания авторов выпал важнейший период истории – Великая Отечественная война, которая представлена только разделом «Политика депортации в годы Великой Отечественной войны» (объемом в треть страницы).

Прочитав эти учебники, можно задаться вопросом: какой образ России формируется у школьников-казахов, и кем должны ощущать себя русские школьники?

Конфликтотенный потенциал содержится в утверждениях, которые могут пониматься как посягательство на культурное наследие какого-либо народа. В Средней Азии ираноязычные таджики болезненно воспринимают факт включения древних городов Самарканд и Бухара в состав Узбекистана и связанную с этим апроприацию памятников истории и архитектуры, создание которых в ряде случаев необоснованно приписывается тюркоязычным узбекам. Такое же тюрко-культуртрегерское понимание развития культуры в регионе содержат и некоторые казахстанские учебники: *«Завоевание тюрками Семиречья и Средней Азии в конце VI – начале VIII вв. повлияло на оседлость местного населения, появление таких городов, как Сайрам в Казахстане, Шаш, Самарканд – в Средней Азии. Города позволили тюркам обосноваться здесь, поднять свое социально-экономическое положение»*².

Значительный конфликтотенный потенциал имеет и присвоение культурных достижений, знаменитых людей и их деяний. Одной из фигур, вызывающих споры между представителями тюркских народов и таджико-иранцами, является аль-Фараби, великий ученый, которого еще при жизни называли «Вторым Учителем», имея в виду, что первым был Аристотель. Узбеки, уйгуры и казахи хотели бы видеть его своим соотечественником. Однако забывается факт того, что все эти народы образовались значительно позднее IX–X вв. Академик В. Бартольд, проанализировав известные косвенные данные о жизни аль-Фараби (например, средневековый ученый носил тюркскую одежду, которая в тот период играла роль этнического мар-

¹ Турлыгул Т., Жолдасбаев С., Кожакеева Л. Указ. соч. С. 3.

² Жолдасбаев С. Указ. соч. С. 92.

кера, за что подвергался насмешкам со стороны иранских ученых), пришел к выводу, что он был тюрком¹. Казахи обосновывают свое исключительное право на аль-Фараби тем, что он родился в местности, которая сейчас находится на территории Республики Казахстан. Поэтому в Алматы его именем были названы проспект и Национальный университет. Изображение аль-Фараби (придуманное, т.к. его прижизненного портрета не существовало) появилось на банкнотах различного номинала. Это вызвало озвученные Э. Рахмоновым протест и возмущение таджиков. Президент Таджикистана заявил, что великий ученый был по происхождению таджиком². Несмотря на имеющиеся исследования В. Бартольда, мнение о том, что аль-Фараби был тюрком, опровергается таджикской стороной. За всем этим стоит миф о том, что в тюркской среде не мог появиться столь крупный ученый. Мне часто доводилось выслушивать от своих таджикских коллег версию, что аль-Фараби «стал казахом», благодаря воле И. Сталина, уговорившего таджиков согласиться с этим, поскольку среди последних и без того было очень много ученых. Таджики же согласились с предложением «вождя народов» только потому, что в противном случае аль-Фараби был бы объявлен узбеком, что явилось бы, по их мнению, еще худшим вариантом.

Но, пожалуй, самая большая битва за право считать «своим» развернулась между двумя в прошлом кочевыми народами за личность Чингизхана. Занимаясь изучением истории тюркоязычных народов, молодой исследователь из Израиля Б. Хасанов пришел к выводу, что «*сегодня Чингизхан стал неофициальным национальным героем Казахстана*».³

Эта идея находит все больше сторонников. Одним из её пионеров был кандидат технических наук Калибек Данияров. Свои основные доводы в поддержку казахского происхождения Чингизхана он изложил в книге «Альтернативная история Казахстана»⁴. К. Данияров исходит из того, что под-

¹ Бартольд В. Ученые мусульманского «Ренессанса» // Сочинения. Т. VI. М., 1966. С. 627; *Его же*. Культура мусульманства // Сочинения. Т. VI. М., 1966. С. 166.

² Саттаров Р. Тенге как жертва таджикско-казахских споров из-за наследия аль-Фараби. [Электронный ресурс]: Интернет-газета Zona.kz. URL: <http://zonakz.net:8080/articles/16224?mode=reply> (дата обращения: 10.09.2014).

³ Хасанов Б. В поисках благого света Чингисхана: рост важности фигуры Чингисхана и нео-дастанного дискурса в Казахстане // Джамаа № 20 (2012). Pp. 9–49 (на иврите); *Xasanov Batir*. Chingis Khan from Villain to National Hero: the Metamorphoses in Historical Discourse in Kazakhstan // Comparative Literature: Historiography in Literatures and Cultures: Between History, Myth and Literature. Baku Slavic & Azerbaijan Comparative Literature Association. Baku, 2013. P. 22.

⁴ Данияров К. Альтернативная история Казахстана. Алматы, 1998. 208 с.

линных документов Чингизхана практически не осталось, и «это создало благоприятную почву для фальсификации истории Чингизхана. Так, например, кочевой род Кият, из которого происходит Чингизхан, объявлен монгольским, и Чингизхану установлен памятник в Улан-Баторе – столице современной Монголии. Монгольская версия о происхождении Чингисхана широко разошлась по миру»¹.

Другой исследователь, математик К. Закирьянов пишет: «В своей книге *«Тюркская сага Чингисхана. Сокровенное сказание казахов»* («Жибек Жолы». Алматы, 2008 г.) я постарался максимально убедительно показать и доказать всем нашим читателям (конечно, в первую очередь, эта книга адресована казахстанцам, если хотите – казахам), что Чингисхан – это великий предок казахов»².

Такое посягательство на гордость монгольского народа не могло не вызвать у представителей последнего ответной реакции, и она последовала. В. Хандрусай в статье «Почему казахи стали переписывать историю» в достаточно резкой форме обвинил казахов в апроприации Чингисхана, Аттилы, Модэ, короля Артура и наполеоновского полководца Мюрата. Не ограничившись этим, В. Хандрусай отказал казахам в наличии какой-либо культуры³. Обсуждение статьи в «Интернете», в свою очередь, вызвало поток взаимных упреков и оскорблений.

В сегодняшнем Казахстане на фоне растущей популярности ислама, причем нетрадиционного, одним из актуальных вопросов стало отношение к религии. Вот что пишут по этому поводу авторы одного учебника: «Сегодня ислам стал главной религией казахского народа. Во времена Советского Союза религия была запрещена. В настоящее время с обретением независимости, народы республики имеют право на свободу вероисповедания. Люди имеют возможность молиться в мно-

¹ Там же. С. 3, 4.

² Закирьянов К.К. Под знаком волка: тюркская рапсодия. Алматы, 2012. С. 26; Цитируемая книга была переведена на английский и вышла в Лондоне: *Zakiryaynov Kairat. The Turkic Saga of Genghis Khan and the Kz Faktor. London, 2014. 250 p.* Против этой версии выступили казахский и киргизский писатели М. Шаханов и Ч. Айтматов, опубликовавшие статьи «Опасный фетиш Чингисхана. Так были Монгольский хан предком казахов и киргизов? Диалог Ч. Айтматова с М. Шахановым. Ч. 1-я» и «Опасный фетиш Чингисхана. Великий полководец все же был злодей. Диалог Ч. Айтматова с М. Шахановым» ([Электронный ресурс]: «Центр-Азия».

URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1035153420> (дата обращения: 28.10.2014).

³ В. Хандрусай: «Почему казахи стали переписывать историю» [Электронный ресурс]: UNUUDUR.COM.

URL: <http://www.unuudur.com/?p=28955> (дата обращения: 28.10.2014).

гочисленных мечетях, открытых во всех значительных населенных пунктах Казахстана»¹.

Слова авторов, должны показать торжество принципа свободы совести, вызывают противоположный эффект, поскольку говорится о возможности «народов республики» (среди которых значительную часть составляют немусульмане) молиться в мечетях. Возможно, что здесь была допущена простая небрежность, но уже она способна вызвать недовольство определенной части населения. Скорее всего, подобная небрежность была допущена и в следующем пассаже: *«Так, благодаря Великому Шелковому пути, торговле китайским шелком, баснословные прибыли получало Тюркское государство. Столкновения между Ираном, Ираком, Сирией всегда заканчивались в пользу Турции»*². Это может повлиять уже на развитие международных отношений, т.к. здесь приводится достаточно спорное утверждение о превосходстве Турции, а в контексте всей фразы – тюрков над окружающими народами, причем не только в древности, но и в современный период.

В настоящее время можно наблюдать некоторую активизацию использования исторических сюжетов и вольную трактовку проблем исторической науки, что также приводит к определенной напряженности. Наиболее важным из таких вопросов является проблема наличия государственности и письменности у кочевников вообще и казахов в частности. Пионер изучения особенностей использования истории в политических целях на постсоветском пространстве В. Шнирельман справедливо заметил: *«Из всего культурного наследия особую ценность в глазах этнонационалистов имеют письменность и государственность, которые, по мнению многих из них, и делают народ «культурным». Принцип моноцентризма утверждает, что лишь один народ на земле мог изобрести письменность и создать государственную структуру»*³.

Тезис об отсутствии письменности у казахов до принятия ими кириллицы довольно распространен. Он, якобы, должен символизировать культуртрегерскую роль русского народа. Но казахи справедливо указывают, что до кириллицы использовалась латиница и арабская графика. По их мнению, введение кириллицы было одним из актов русификации. Таким образом, данный сюжет истории также имеет некоторую конфликтность, усиливаемую тем,

¹ Жолдасбаев С. Указ. соч. С. 141

² Там же. С. 52.

³ Шнирельман В.А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / Под ред. А. Малашенко и М.Б. Олкотт; Моск. Центр Карнеги. М., 2000. С. 21.

что в Казахстане, по примеру других тюркоязычных стран, принято решение о переходе на латиницу. Русскоязычное население видит в этом ущемление своих прав¹.

Большую конфликтогенность имеет тезис об отсутствии в прошлом государственности у казахов. Естественно, что за этим не стоит желание разобраться в такой сложной проблеме, как кочевая государственность, ее характер и проявления. Сторонники данной точки зрения просто приводят её для доказательства нелегитимности образования Республики Казахстан. Высказывания на данную тему допускают как политические лидеры, так и представители творческой интеллигенции РФ. Поскольку многие из них являются бывшими казахстанцами (политик В. Жириновский, писатель С. Лукьяненко, певец и композитор Ю. Лоза и др.²) и не утратили связи с Казахстаном, а также в силу их известности и популярности, подобные реплики формируют историческое самосознание определенной части русскоязычного населения. Имеющие конфликтогенный характер утверждения, содержащиеся в некоторых казахских изданиях, носят компенсаторный характер и являются ответной реакцией на аналогичные утверждения представителей других этносов.

Как говорилось выше, Казахстан – это полиэтничное государство. Наиболее крупные диаспоры насчитывают от нескольких сотен тысяч до нескольких миллионов человек. Они существуют здесь уже несколько веков и имеют свои варианты истории. Как показали события последних десятилетий, эти версии также имеют конфликтогенный потенциал, который в ряде случаев был реализован. Не имея возможности показать данный аспект в существующих историях всех диаспор Казахстана, остановимся вкратце на рассмотрении наиболее значимых из них.

Казаки, проживавшие на территории Казахстана в период вхождения его в состав Российской империи, делились на несколько войск: Уральское, Оренбургское, Сибирское и Семиреченское. Как известно, казаки были одним из сословий Российского государства (в советской историографии его определяли как «военно-феодалное сословие»), обязанностью кото-

¹ Александров М. Русские снова бегут из Казахстана [Электронный ресурс]: Информационное агентство «Росбалт». URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2013/05/03/1123864.html> (дата обращения: 15.09.2014).

² Лукьяненко С. Сумеречный дозор. Любое издание; Лоза Ю. [Электронный ресурс] Социальная сеть «Facebook». URL: <https://www.facebook.com/profile.php?id=100002060649390&fref=ts>; https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=724147617663920&id=100002060649390 (дата обращения: 5.09.2014).

рого была охрана границ и защита существующего строя. Формировалось оно за счет выходцев из различных этносов, в том числе и казахов, принявших христианство. Тот факт, что на одной территории оказалось два сообщества, имеющих разное происхождение и одно название, не мог не повлиять на формирование казахьего варианта истории¹.

В дореволюционной России для того, чтобы отличать казахов от русских казаков, первым были даны никогда не употреблявшиеся самими казахами названия «киргиз-казаки», «киргиз-кайсаки», а затем просто – «киргизы»². После Октябрьской революции казахам вернули их самоназвание «казак», но затем в употребление, в том числе и на официальном уровне, был введен этноним «казах», который также не является самоназванием. Тем не менее, эта путаница с названиями породила миф, что казахи – это искусственно образованный, выделенный из киргизского этноса народ³. Данная мысль, нашедшая отражение в исследованиях ученых и высказываниях российских общественных деятелей и политиков, вызвала бурный протест у казахов.

Мифологема о том, что казахи – искусственно созданный советской властью народ, который никогда не существовал (либо существовал в составе киргизов), легитимирует право объявить территорию Казахстана, которая впервые была заселена казаками, частью Российской Федерации. *«Для обоснования тех или иных заявлений и публикаций на исторические темы, – пишет доктор исторических наук А.С. Елагин, – их авторы искусно используют специально подобранные и намеренно усеченные факты из отдельных дореволюционных публикаций. Всеми правдами и неправдами отстаивая выдвинутую ими идею, они явно игнорируют действительное прошлое народов, проживавших на данной территории, и те этнические процессы, которые там проходили»*⁴.

¹ Слово «казак» в тюркских языках означает «вольный, свободный человек», «человек, отделившийся от своего народа, государства», и в этом значении оно было принято людьми, бежавшими в поисках свободы и лучшей доли на р. Дон. Казахи стали так называться, отделившись от государства Абулхаира.

² Собственно же кыргызы получили названия «кара-киргызы», «дикокаменные киргизы» и «буруты», которые самими кыргызами не употреблялись.

³ См.: Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 239; Журиновский В. Казахстан – не страна казахов. [Электронный ресурс]: Портал «You tube». URL: <http://www.youtube.com/watch?v=eUJXOBCbQQE> (дата обращения: 10.09.2014); Севастьянов А. О Казахстане. [Электронный ресурс]: Портал «You tube». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YkWw8kxRV6k> (дата обращения: 10.09.2014).

⁴ Елагин А.С. Казачество и казачьи войска в Казахстане. Алматы, 1993. С. 4.

Существующая в некоторых кругах вышеприведенная версия истории родилась не сегодня и не просто имела конфликтогенный потенциал. В первые годы существования независимого Казахстана актуализация образов прошлого привела к массовым столкновениям между общинами. Поводом послужили празднование 400-летие образования Уральского казачьего войска, состоявшееся в г. Уральске осенью 1991 г., и демарши Землячества сибирских казаков «Горькой линии» в г. Петропавловске в связи с образованием Республики Казахстан. Накалило обстановку и то, что радикально настроенные представители казахов поспешили переименовать г. Ермак и демонтировать памятник атаману¹.

Для придания доказательности своим доводам идеологи и руководители казачества привлекают не только интерпретированные ими исторические факты. Так, в беседе с атаманом воссозданного Семиреченского казачьего войска Н. Гунькиным, автору данной статьи были изложены «факты» из т.н. «Велесовой книги», которые «свидетельствовали» о том, что Семиречье являлось родиной славян, населявших его несколько тысяч лет назад.

Создают конфликтогенную обстановку и утверждения некоторых уйгурских интеллектуалов. Этот народ образовал на территории Семиречья диаспору в 1871 г. после подписания российско-китайского Санкт-Петербургского договора. Тогда уйгуры и дунгане, спасаясь от репрессий после подавления восстания, перебрались из Китая в пределы Российской империи.

В современной Китайской Народной Республике уйгуры, как и тибетцы, ведут борьбу за создание независимого государства. Свои требования они подкрепляют апелляцией к прошлому. Не случайно, что прошедший в Алма-Ате 11 января 1992 г. Учредительный съезд Межгосударственного Комитета Восточного Туркестана возглавил престарелый историк, бывший член политического консультативного Совета СУАР КНР Юсумбек Мухлеси. Сам факт избрания главой Комитета историка говорит о том, что прошлое должно подтвердить право на создание собственного государства.

В этом документе подчеркивается историческая преемственность поколений в привязке к территории. Но подобная взаимосвязь наблюдается и в мифологизированных вариантах истории, которые используются для обоснования создания уйгурского государства, границы которого далеко выходят за пределы исторического существования народа. Так, уйгурские интеллектуалы утверждают, что Семиречье, а это часть нынешней терри-

¹ Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана. Алматы, 1994. С. 6.

тории Казахстана и Киргизии, исторически принадлежит Уйгурстану. Эти притязания проявились в наше время. На рубеже перестройки группа советской уйгурской интеллигенции обратилась к М. Горбачеву с просьбой создать уйгурскую автономию на территории Семиречья. Инициаторы Обращения с помощью исторических документов доказывали обоснованность своих прав на эти земли¹.

Естественно, что в выявлении, интерпретации, а зачастую и создании таких материалов важнейшее место принадлежит представителям интеллигенции. Ими был предпринят ряд попыток пересмотреть историю народа и его этнической территории².

В то же время известно, что разнородные группы переселенцев из Кашгарского и других оазисов Восточного Туркестана совершенно неправомерно приняли в 1921 г. на съезде таранчинской интеллигенции в г. Ташкенте самоназвание «уйгуры», несмотря на то, что они имеют только опосредованное, косвенное отношения к древним уйгурам. Данный акт был резко раскритикован академиком В. Бартольдом³. Вскоре этот этноним был принят в качестве самоназвания и теми таранчи, которые оставались на родине, в Китае. Вопреки этим фактам мифологизаторы, как говорилось выше, в эпоху перестройки попытались доказать исторические права на Семиречье. Тогда же специалисты Института Уйгуроведения АН КазССР (профессиональные историки и, одновременно, этнические уйгуры) отмечали: «*Что касается Семиречья и Средней Азии, то точка зрения, которой придерживаются некоторые исследователи об изначальной автохтонности уйгуров на этих территориях, не подтверждается письменными документами исторического или иного характера*»⁴.

Тем не менее, отдельные уйгурские интеллектуалы продолжают удреплять историю своего народа и предъявлять права на все новые и новые территории. «*Огуз-хан, – пишет классик мифической истории К. Масими, – установил линию границы между уйгурами и римлянами по реке Танаис (Дон), для правления на подвластной ему территории, т.е. на Северном Кавказе и в акваториях нижнего течения Дона и Волги, оставил часть*

¹ Майнаев Б. Уйгуры – этническая бомба в Великой Китайской стене [Электронный ресурс]: Издательский Дом «CA&CC Press® AB» (Швеция). URL: <http://www.ca-c.org/datarus/majnaev.shtml> (дата обращения: 28.10.2014).

² См. напр.: Тургун Алмас. Уйгуры. Алматы, б.г.

³ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Алматы, 1993. С. 191, 192. Впоследствии Л.Н. Гумилев в книге «Черная легенда» также высказался против такого переименования.

⁴ Краткая история уйгуров. Алма-Ата, 1991. С. 234.

уйгурских племен, участвовавших в походе, во главе с царевичем по прозвищу Кипчак»¹.

К. Масими, выпустивший за последние годы ряд посвященных истории уйгуров монографий, возводит начало уйгурского народа и его государственности к первым векам до нашей эры: «В 59 г. до н.э. в борьбе за престол потомки Огуз-хана (8-е колено), единокровные братья Куддус (имевший тронный титул Огуз) и Козушар (с тронным титулом Уйгурхан, по кит. Хуханье), при активной помощи китайских вельмож разделили державу на два государства: западное (Огузское) и восточное (Уйгурское), называемые каганатами»².

Постоянно возрастающие аппетиты автора привлекли внимание наших коллег и за пределами Казахстана. «Еще дальше, – пишет академик Э. Ртвеладзе, – пошел некий Касым Масими, который в своем труде «*Племенное объединение «Уйгур»*. История Уйгурской державы» утверждает, что Уйгурское государство насчитывает 12 тыс. лет, то есть оно относится к эпохе неолита (новокаменного века), когда никаких государств ни в одной части земного шара не существовало и не могло существовать. Также и для территории Центральной Азии, племена которой находились еще только на стадии перехода от присваивающей экономики к производящей, что произошло лишь в VI–V тыс. до н.э. и далеко не во всех частях этого региона»³.

Новые версии национальной истории уйгуров вбирают в качестве предков не только атлантов, но и жителей континента Му.

Многие уйгурские интеллектуалы не поддерживают сепаратизм и его мифологизированное обоснование⁴. Например, Генеральный директор Уйгурского театра Мурат Ахмадиев высказался о произведении Масими следующим образом: «Когда эта книга вышла в свет, наши ученые, писатели на собраниях, мероприятиях обсуждали ее, высказывали свои мнения, мол, произведение написано субъективно, и здесь собственное мнение автора. Слышал также, что в книге встречаются острые политические моменты. Например: «Древние индейцы в Америке – они есть уйгуры, выходцы

¹ Масими К. История Уйгурской державы. Алматы, 2000. 365 с. Этот автор придерживается версии, что Огуз-хан это гуннский Модэ Шаньюй. Данный тезис позволил ему отождествить гуннов и уйгуров.

² Там же. С. 5, 6.

³ Масими К. «Племенное объединение «Уйгур». История Уйгурской державы». Алматы, 1998; Ртвеладзе Э. Историческая наука и псевдоистория Средней Азии // Учитель Узбекистана. 2003. 25 июля.

⁴ Казахстан – наш общий дом! // Трибуна. 2007. 21 марта.

из Турпана». Разве это не смешно?! Ну, конечно, это его мнение. А некоторые строчки переписывались из книг и истории, которую мы знаем. Чтобы писать книгу, надо быть не только писателем, но и еще отлично знать историю. А этот человек – и не писатель, и не историк. Он – бывший сотрудник КНБ. Полковник в отставке»¹.

В декабре 2006 г. в одном из районов Алматинской области произошли межэтнические столкновения между уйгурской и казахской молодежью. Уйгуры выступили под лозунгом «Государство ваше, а земля наша»². Он был спровоцирован мифологемой о древности уйгурского государства, простиравшегося от Тихого океана до Франции и Англии.

Конфликтотенный потенциал существует во всех рассмотренных национальных версиях истории Казахстана. Касается он, прежде всего, национальных чувств и культуры, содержит претензии на исключительность и территории. В условиях демократизации общества и связанной с этим многополярностью мнений невозможно полностью избежать одиозных высказываний, претензий и обид, корни которых уходят в прошлое, но всегда необходимо искать определенный консенсус, вырабатывать общую точку зрения для понимания происходивших в прошлом процессов.

¹ Ахмадиев М. «Кидать камни в казахский народ, значит, поднять руку на своего отца» // Начнем с понедельника. 2007. 9–15 ноября.

² Уралбаев Е. Уйгуры Шелека: «Государство ваше, а земля наша» // Свобода слова. 2006. 7 декабря.

ПРОБЛЕМЫ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ

Беляев В.А.

МИФЫ В «ИДЕОЛОГИИ» РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ РОССИИ

Правящие элиты в РФ и РТ не настроены на четкое прокламирование своих идеологических основ в силу архаичности и несоответствия последних потребностям модернизации. Тем не менее, возможно выделить главные мыслительные конструкции, воспроизводимые в пропаганде и политике. Конечно, в главном идейный бэкграунд этих элит основан на компиляции палеоконсерватизма (мало похожего на неоконсерватизм в силу отказа от приоритета прав личности) и идеологием советской номенклатуры (прежде всего, выражающихся в этатизме и первенстве приобщения к власти над приобретением любой собственности). Вместе с тем, мировоззрение региональной элиты в РТ характеризуется использованием этнических мифов, отличающихся от мифологии, диктуемой общероссийской элитой.

При этом местная элита не отказывается и от общероссийских мифологем. В результате такой пропаганды в массовом сознании уживаются и прежние стереотипы (об «изобилии», свободе и справедливости при Л.И. Брежнев), и «новые» мифы (о «высокоразвитости» царской России) и т.д. Современные власти РФ часто одновременно используют эти взаимоисключающие мифы, тогда как оппозиционеры – лишь один из них (правые, либералы – «царский», левые – «советский»). Все эти мифологемы призваны обосновать современные политические позиции соответствующих сил и легитимизировать их претензии на власть.

Власть продвигает и новые мифы о демократии и рынке как основах строя в РФ, мифологемы об удвоении ВВП, модернизации, борьбе с коррупцией, более высоком, чем в СССР, уровне жизни народа. Эти мифы, транслируемые через СМИ, воздействуют на сознание не охваченной интернетом части населения и укрепляют существующий политический режим.

Не меньшую роль, чем общероссийские мифы, играют мифы региональные, особенно в условиях регионализации патриотизма в целом. Для всё большего числа людей интересующий их мир сузился «как шагреновая

кожа». В регионе причины такого сужения патриотизма принимают своеобразную форму. Это такие факторы региональной мифологизации населения, как:

а) атомизация сознания и идейный эскепизм вместо плюрализма идеологий, разрушение прежде господствовавших идеологических мифов, стереотипов, потеря жизненных ориентиров, замена их на этнонациональные, религиозные или региональные;

б) разочарование в политике и политиках;

в) страх перед непредсказуемостью московского руководства или недовольство фактической унитаризацией страны, игнорированием этнонациональной и региональной специфики и интересов;

г) потеря «большой» Родины в виде Советского Союза и неустойчивость «средней» Родины в форме РФ, к коей привыкли далеко не все люди;

д) погружение в хозяйственно-бытовые и профессиональные проблемы (поиски альтернативной деятельности, участие в бизнесе, огородные дела, замена самоуправления на заводах фактическим рабством);

е) перемещение в 2014 г. ядра патриотизма из Казани в Москву, связанное с неустойчивым трендом на объединение властями РФ «Русского мира», славяно-тюркской цивилизации.

В этих условиях «более спокойный» курс местных правителей в 1990-е гг. устраивал множество жителей регионов, которые, в отличие от Чацкого, видели героя в том, кто о своих достоинствах может гордо заявить: *«У меня их два-с: умеренность и аккуратность!»*. А Родиной им приходится и сейчас считать землю, подвластную тем, от кого их жизнь непосредственно зависит. Так передача «полномочий» на места регионализовала патриотизм. Поэтому люди тогда были более чувствительны к региональной мифологии, транслируемой местными властями.

С одной стороны, все политические мифологемы региональной власти (в частности, в РТ) призваны «обосновать» один миф: о легитимности, необходимости концентрации власти и собственности в руках несменяемой элиты. Все мифологемы (как сугубо «исторические», имеющие значительную традицию, так и новые, рожденные в последние 25 лет) составляют цельную систему, «пирамиду», фундируют такое нужное правящим кругам заключение.

С другой стороны, налицо противоречивость, несовместимость друг с другом отдельных из них. Так, заметна трансформация мифологем идентичности населения РТ: с этнического на республиканский уровень.

Однако, на наш взгляд, обе мифологемы сосуществуют одновременно и частично «гасят» друг друга: в преамбуле к новой (2002 г.) редакции Конституции РТ возрождена идея Декларации о суверенитете ТССР 1990 г., благоразумно исчезнувшая в Конституции 1992 г., о том, что настоящая Конституция выражает *«волю многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа»*, что является залогом правового, кадрового и иного этнократизма; и, одновременно, руководство республики постоянно акцентирует республиканскую идентичность, что позволило бы властям РТ сохранить возможности очередного перехода от этнонационализма к сепаратизму. Но эти мифологемы принципиально несовместимы: если источником власти является лишь один этнос, то это сразу элиминирует шансы на убеждение остального населения в том, что власть действует и в их интересах, и разрушает хрупкие элементы республиканской идентификации.

Более того, ряд таких мифологем вступает в «перекрестный конфликт», о чем уже приходилось писать. На деле, невозможно верно сформулировать ключевые направления политики и эффективно проводить ее в жизнь, если отсутствует научная проработка ситуации в республике, ее содержательный социологический и политологический анализ и выверенная стратегия, оценка приоритетных задач и последовательности их решения. К несчастью, ситуация в Республике Татарстан сильно мифологизирована. Каждая политическая сила стремится навязать удобные и простые, «все объясняющие» стереотипы, исходя из привычных для Запада, России или Прибалтики соотношений политических сил и основных противоречий и игнорируя специфику нашей республики. А это не позволяет говорить о подлинно объективном исследовании жизни общества и о наличии научных прогнозов, рекомендаций и сценариев развития обстановки в республике. По сути, важнейшими мифами, равно искажающими реальную картину расстановки политических сил в 1990-е гг., являлись три.

Первый. Руководство Республики Татарстан, а вслед за ним многие пилигримы с Запада небезуспешно распространяли т.н. *«западный»* миф, проводя аналогию конфигурации политических сил региона с традиционной для Запада системой умеренного плюрализма (с ее господством центристов, отсечением крайних сил и превалированием центростремительных трендов. Так, М.Ш.Шаймиев, позиционируя себя как центриста, всегда подчеркивал, что *«в республике существуют самые разные оппозиционные партии, фракции парламента, газеты. Причем их достаточно много – и справа, и слева. Даже создаются целые блоки оппозиционных*

партий и движений»¹). Практически тогда и возникла традиция уравнивания национал-экстремистов с федералистскими силами, боровшимися против сепаратизма режима М.Ш. Шаймиева, тем самым – оправдания перехода национал-экстремистов к противоправным действиям. Так, с целью помешать выборам президента РФ на территории Татарстана 21 апреля 1991 г. в Альметьевске ВТОЦ, комитет «Суверенитет» и партия «Иттифак» попытались перекрыть нефтепровод «Дружба», вывели из строя его задвижки, произошло безнаказанное столкновение с милицией. Даже в 1998 г. официальные историки фактически оправдывали уголовников, приравнивая их акции к действиям законопослушных движений, не забывших общей Родины: *«В Альметьевске была проведена попытка... символического закрытия нефтепровода. ...Радикальный характер носили и мероприятия в поддержку проведения выборов. Депутатская группа «Народовластие», движение «Согласие», Казанское отделение ДПП провели в ряде городов республики митинги под лозунгом «Татарстан – в составе России»»*². Действительно, столь же радикальные цель и средства, как у экстремистов! Правда, авторы тут же признают, что власти РТ были заинтересованы в националах: *«Серьезной поддержкой (руководству республики. – В.Б.) в этом служили национально-патриотические формирования»*³.

Этот миф призван затушевать кризис экономики и социальной сферы, обнищание большинства населения. Более того, отдельные российские и западные аналитики, вторя официальной пропаганде РТ, из чисто конъюнктурных политических соображений просто идеализировали обстановку в республике, противопоставляя ее хаосу в остальной России⁴. После серьезных финансовых вливаний в экономику РТ в 2000–2010-е гг. (для проведения празднования «1000-летия Казани», Универсиады и др.) ситуация в республике тем более описывается в российских СМИ как пример для подражания.

При этом игнорировались как специфика республики, особость политического режима РТ, так и общие со всей Россией характеристики,

¹ Приветствие Президента Республики Татарстан М. Шаймиева // Международная науч.-практ. конф. «Федерализм – глобальные и российские измерения». Казань, 1993. С. 6.

² Султанбеков Б.Ф., Харисова Л.А., Гаямова А.Г. История Татарстана. XX век. Уч. пос. для общеобр. заведений. Казань, 1998. С. 383, 384.

³ Там же. С. 382.

⁴ См., напр.: Лисичкин Г. Луч света в «темном» государстве // Известия. 1995. 26 сентября.

свойственные этапу смены типа системы и становления многопартийности, на котором было возможно появление лишь крайней поляризации, не замечалось преобладание в политической жизни центробежных тенденций, наличие опасных антисистемных сил (причем, лишь с одной стороны политического спектра), не склонных к соблюдению принятых правил политической игры и даже простой законности, а также отсутствие у использующей методы бонапартизма (или абсолютизма Европы XVIII в.) власти РТ каких-либо черт подлинного центризма. Вместе с тем, реализация этого мифа привела к 2010-м гг. к устойчивой презентации правящей элиты РТ как центристской, равно отстоящей от «обеих» крайностей (федералистского движения РТ и татарских этнонационалов), после того, как властям республики пришлось дистанцироваться от дискредитирующей их открытой опоры на националов и коммунистов.

Второй. Идеологи татарского движения, как и балтийские комментаторы, расписывали ситуацию в Татарии в терминах «балтийского» мифа, конфликта этносов, деления на две этнические общины, как в Прибалтике, Молдове и Абхазии. Однако, в силу исторической и геополитической специфики, главным в нашей и других «внутренних» республиках РФ являлся не этнический конфликт. Поэтому большинство населения республик Поволжья и Урала (а не только «лица смешанной национальности») было не способно занять четкую этнопатриотическую позицию, увидеть «врага» в ином этносе. Вот отчего, вопреки мифу правящей элиты о русском характере и русском составе федералистской оппозиции этнократии и сепаратизму властей РТ, на деле во всех политических движениях, партиях и депутатских группах, кроме экстремистских, были с самого начала довольно пропорционально представлены основные этнические группы региона. В любой партии и движении федералистской ориентации в РТ татар было от трети до половины в кадровом составе, активе и руководстве. Однако именно распространение этого этнического мифа в форме подмены основного противоречия между постноменклатурой и народом борьбой между этнонациональным и общедемократическим движениями, одновременная трансформация правящей элиты из коммунистической в этнонациональную, и позволили постноменклатуре снять с себя «красное клеймо», оправдать татарскую кадровую этнократию, покрасив себя в этнонациональные цвета, и сохранить власть, монополизировав как ее, так и собственность в РТ. В 2010-х гг. этот миф используется для того, чтобы при борьбе с ваххабизмом «не допустить перекосов» и тем самым соблюсти «симметрию»: если возбуждаются дела против исламистских экстремистов, то ЦПЭ МВД

по РТ тут же находит «экстремистов» среди русских, причем не среди футбольных фанатов (которые на деле иногда этим грешат), а среди тех, кто настаивает на увеличении числа часов изучения русского языка в школах с 700 до общероссийского уровня в 1200 часов. Так пытаются дискредитировать и подвергнуть судебному преследованию даже профессоров-социологов и доцентов-«технарей». Все это – следствия реализации «балтийской» мифологии.

Третий. Крайнее крыло «демократов» (как правило, местные и московские либералы) пропагандировало третий, «российский» миф. Он зиждился на вере в то, что основным противоречием в нашем регионе являлся главный конфликт всей Федерации перестроечных времен: между коммунистами (или «консерваторами») и «демократами» (или либералами), а национальная карта, мол, лишь вытащена из рукава политиками, использующими мифические проблемы для достижения или удержания власти. Но, в отличие от остальной России (вспомним Москву августа 1991 г., 23 февраля и 22 июня 1992 г. и 4 октября 1993 г.), и те, и другие, начиная с 1990 г., в Татарии мирно сотрудничали в Многонациональном движении «Согласие» и в одноименной фракции Верховного Совета РТ, проводили совместные митинги, взаимодействовали на референдуме 21 марта 1992 г. и на выборах в марте 1995 г. (и в дальнейшем, вплоть до выборов 2014 г.), помогали друг другу в «листовочной войне», а затем и вовсе создали совместный «Круглый стол политических движений и партий РТ», провели совместную голодовку с общедемократическими требованиями в 1999 г. – ибо видели общего, более грозного противника, которого так и не разглядели занятые взаимными распрями демократы и коммунисты Германии в 1932 г. Такое же единство коммунистов и антикоммунистов проявилось и на противоположном политическом фланге (во фракции «Татарстан» Верховного Совета республики в 1991–1995 гг., в дальнейшем ставшей активом партии «Единая Россия» в РТ). Вместе с тем, национальная проблема (но не межэтнический конфликт), несомненно, имела и имеет в РТ самостоятельное значение. Ведь именно подход к ней первоначально и в большой мере разделил политические силы Татарстана на два лагеря. Точнее, разграничительная межа проходит по отношению к праву (законности и правопорядку) как к методу решения национальных (республиканских) и государственных проблем. Если в «нулевые» годы национальная проблема снизила остроту (и почти все партии были перехвачены «засланцами» от власти, унифицировавшись до «оппозиции Его величества» за счет утери функции реального оппонирования правящей постноменклатуре), то в 2010-е гг. она вновь

начала приобретать этническую (лингвистическую) и конфессиональную (ваххабиты) составляющие.

В 2000–2010-е гг. в регионе, в связи с вынужденным отказом правящей элиты от открытого фрондерства и скрытого сепаратизма, появились и новые мифы, а ряд уже апробированных на жителях прежних мифов получил дальнейшее развитие. В целом, региональные исторические мифологемы, которые ежедневно обрушиваются не только на жителей РТ, но и на население РФ в целом, представляют интерес.

Уже по ТВ говорится об «ордынском нашествии», хотя Золотой Орды в 1236–1240 гг. еще не было, в лучшем случае, можно говорить о нашествии части Монгольской империи в лице Улуса Джучи. А ведь именно исторические обиды, герои и прочее призваны обосновать системность мифа об исключительности Татарстана. Не касаясь явно русофобских позиций многих ангажированных «историков», назовем хотя бы такие ставшие «общим местом» для пропаганды властей и СМИ в РТ мифологемы историков-ревизионистов:

а) об автохтонности татар на территории РТ (несмотря на археологические и иные данные);

б) о тысячелетии Казани (практически основанной на непризнанной в истории датировке по найденной монете – ведь так можно договориться до того, что, если человек найдет дома монету 500-летней давности, то сделает вывод о такой же древности своего дома);

в) о существовании в Казанском ханстве двух партий: промосковской и «ориентирующей на независимость», а не на Крымское ханство, тогда как последняя в действительности была посажена на власть крымцами и выступала за зависимость от Турции;

г) о постоянных межэтнических войнах в средневековье между татарами и русскими¹;

д) о завоевании «русскими» во главе с «русским» Иваном IV «татарского» Казанского ханства и о потере татарами «своей государственности» (как говорил Ф.Х. Мухаметшин, «*Государственность татарского народа имеет более, чем тысячелетние традиции*»²). На деле, это был не межэтнический,

¹ Можно привести в пример множество учебников и монографий – от весьма «умеренных» (Гулязов И.А., Пискарев В.И., Хузин Ф.Ш. История Татарстана и татарского народа с древнейших времен до конца XIX века. Уч. пос. для 10 класса ср. общеобраз. школы. Казань, 2008. С. 79–90) до «агрессивно-русофобских» (Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. 160 с. – полностью).

² Доклад Председателя Верховного Совета Республики Татарстан Ф.Х. Мухаметшина // Международная науч.-практ. конф. «Федерализм – глобальные и российские измерения». Казань, 1993. С. 9.

а тривиальный межфеодальный конфликт: феодалы набирали войска из подвластных земель, невзирая на этническую принадлежность людей. Например, в Казанском ханстве жило до 100 тыс. русских, в т.ч. 1 тыс. пушкарей, игравших решающую роль в обороне Казани и уничтоженных Иваном IV. Война шла между войсками Ивана Грозного и армией, приведенной из Астрахани чингизидом Едигером. При штурме Казани Грозным из 150 тыс. воинов было 65 тыс. татар: 30 тыс. касимовских (Касимовское ханство с середины XV в. до 1681 г. управлялось болгарскими ханами, назначенными Москвой), почти все конники, 20 тыс. астраханских, 10 тыс. московских, нижегородских и казанских и 5 тыс. мещеряков (мишар); до 50 тыс. русских, по 10 тыс. черкесов и черемисов с вотяками, 7–10 тыс. мордвинов, 4 тыс. чувашей, 3 тыс. ногайцев. В обороне Казани участвовало 40–45 тыс. татар (30–35 тыс. казанских, 10 тыс. астраханских), 10–15 тыс. черемисов и вотяков, около 3 тыс. ногайцев, по тысяче турок и русских. То есть большинство татар штурмовало Казань, причем их с обеих сторон было больше, чем русских, что говорит о преобладании внутренней, династической войны над межгосударственной. Едигер после взятия всю жизнь именовался царем Казанским и имел вторую должность после царя Ивана, не говоря уже о правлении царя Симеона Бикбулатовича. В итоге была уничтожена опасность колонизации Руси крымско-турецким блоком¹. Тем самым этногосударственный миф, подменяющий, прежде всего, внутритатарский конфликт межэтническим, призван обосновать претензии на отделение Татарстана или хотя бы на конфедерализацию (т.е. разрушение) РФ;

е) о насильственной «русификации и христианизации» татар до 1762 г., до 1917 г., с 1917 по 1985 г. или после 1985 г., о действиях России в отношении татарского народа, попирающих все *«моральные и международно-правовые нормы»* (учебник Д. Сабировой и Я. Шарапова, о *«тотальном уничтожении всех до единой мечетей»*) (журналистка Х. Хамидуллина). На деле же, как заявлял ныне убитый ваххабитами идеолог традиционного ислама в РТ Валиулла Якупов, *«неопровержимым фактом является то, что именно в условиях Царской России богословская мысль у мусульман-татар переживает подлинный расцвет и опережает весь мусульманский мир. Этот научный успех был подготовлен в традиционной системе наших медресе. В царской армии действовали штатные должности священников, представляющих не только православие, но и другие конфессии»*²;

¹ Беляев В.А., Ахметшина А.А., Каткова Ю.В. Современные социально-политические проблемы. Уч. пос. Казань, 2010. С. 33, 34.

² Цит. по: Мультилли П.В. Император Николай II и мусульмане. М., 2013. С. 10.

ж) о Татарстане как флагмане борьбы за подлинный федерализм и, одновременно, о возможности нарушения федеральных законов субъектом федерации (как заявлял М.Ш. Шаймиев, «*Стремление реализовать свои неотъемлемые права порой сопровождаются вынужденным нарушением ряда существующих законов и законодательных актов*»¹. Эту идею защищал и развивал выходец из Татарстана вице-спикер Думы РФ О.В. Морозов, правда, позже столь же убедительно опровергал ее);

з) о возможности сочетания роли РТ как «паттерна федерализма» с обоснованием отказа от иных признанных норм федерализма: как говорил тот же М.Ш. Шаймиев, «*Татарстан последовательно выступает за обновление России и установление с ней цивилизованных отношений на основе договора. Обновление России может происходить только на демократических принципах, через делегирование полномочий субъектами федерации центральным органам. ...Российская Федерация должна учреждаться снизу вверх на договорно-конституционной основе*»². Можно обратиться и к словам бессменного спикера парламента РТ Ф.Х. Мухаметшина: «*в Декларации государственный суверенитет провозглашен без указания правосубъектности республики, то есть без ссылки на принадлежность Татарстана к Российской Федерации. Политическая и экономическая самостоятельность, верховенство собственных законов, как содержание суверенитета, исключают изначальную правосубъектность. ...Татарстан не передает каких-либо полномочий в одностороннем порядке. ...Принцип равноправия был бы нарушен, если бы Конституция определяла Татарстан как часть Российской Федерации. ...Говоря об ассоциированности с Россией, Конституция подчеркивает наши намерения жить в союзе с Российской Федерацией... Республика Татарстан, как носитель международной правосубъектности, вступает в отношения с другими государствами, заключает международные договоры, обменивается дипломатическими ...представительствами... Татарстану необходимо, чтобы в мировом сообществе должным образом считались с его статусом суверенного государства, субъекта международного права*»³. Правда, от многих (но не от всех) из этих утверждений правящим кругам

¹ Приветствие Президента Республики Татарстан М. Шаймиева // Международная науч.-практ. конф. «Федерализм – глобальные и российские измерения». Казань, 1993. С. 6.

² Там же. С. 6, 7.

³ Доклад Председателя Верховного Совета Республики Татарстан Ф.Х. Мухаметшина // Международная науч.-практ. конф. «Федерализм – глобальные и российские измерения». Казань, 1993. С. 14–16.

РТ пришлось впоследствии отказаться или просто опустить над ними за-
весу умолчания.

и) о современной политической истории, в частности, о характере и
процедуре принятия Конституции РТ. В реальности были отвергнуты аль-
тернативные демократические и не нарушающие единство России про-
екты (один – разработанный Многонациональным «Согласием» и ДДРТ
(Движение демреформ РТ) (М. Аитовым, А. Барабановым, В. Беляевым и
А. Разиновым); другой – депутатами В. Михайловым и И. Султановым).
Зарубежные юристы (профессор Фрейбургского университета Д. Дике и
др.), одоблив проект «Согласия» и ДДРТ, осудили как диктаторский при-
нятый официальный проект Конституции¹. В первом чтении при голосо-
вании не было кворума, поэтому заведующий кафедрой юрфака КГУ, де-
путат ВС РТ Ю.С. Решетов заявил, что считать проект принятым нельзя,
ибо демократия – это процедура, позволяющая провести волю большин-
ства. В последнем чтении из 249 депутатов за Конституцию проголосова-
ли 176 (что всего на 10 голосов больше минимального числа). По-иному
видят произошедшее авторы учебника «История Татарстана» Д. Сабирова
и Я. Шараров: *«Успешно прошел проект Конституции международную
правовую экспертизу, подтвердившую его соответствие международным
демократическим стандартам... Верховный Совет ...единогласно принял
Конституцию»*²;

к) о «воссоединении этноса»: в связи с присоединением Крыма и
Севастополя к РФ в среде правящей элиты и СМИ возникла идея о «вос-
соединении» крымских татар с поволжскими. Однако пока данная мифо-
логема осталась больше теоретическим конструктом, несмотря на теплые
встречи руководства РТ с лидерами «Милли меджлиса крымско-татарско-
го народа» (при том, что аналогичный Меджлис в РТ давно осужден про-
куратурой, а крымский сразу стал объектом внимания нового Прокурора
Крыма);

л) и, наконец, как вывод и апофеоз этих мифологем, – о нынешнем воз-
рождении государственности татар на их исторической родине (по словам
Ф.Х. Мухаметшина, *«государственности татар юридически никто не от-
менял»*, но на практике ныне происходит ее воссоздание³).

¹ См.: Вечерняя Казань. 1992. 7 августа.

² Сабирова Д., Шараров Я. История Татарстана: С древнейших времен до наших дней: учеб. для вузов. Казань, 2000. С. 298.

³ См.: Доклад Председателя Верховного Совета Республики Татарстан Ф.Х. Мухаметшина // Международная науч.-практ. конф. «Федерализм – глобальные и российские измерения». Казань, 1993. С. 9.

Понятно, что даже при реализации (например, в 1990-е гг.) ряда названных идеологием татарскому народу не стало жить лучше, чем раньше или чем русскому народу. Цель была иная, и она была реализована: провести идеолого-психологическую обработку населения РТ и на этой основе идейно обосновать монополизацию власти и собственности верхушкой сельско-татарской номенклатуры, чиновничества.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КАК ПРЕДМЕТ МИФОЛОГИЗАЦИИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

В современном политическом процессе России историческая наука, наряду с реализацией традиционных функций, таких как описание событий прошлого и формирование на основе полученных знаний национальной идентичности, становится механизмом формирования общественного мнения. В подобных условиях политические лидеры активно прибегают к мифологизации национальной истории, отдельных исторических фактов путем использования классических приемов манипулирования сознанием, таких как умалчивание одних фактов и акцентирование на других, наклеивание ярлыков. Конечной целью данной деятельности является легитимация проводимого политического курса. Подобная активность характерна для политических элит и на уровне федерального центра, и на уровне регионов. Так, Президентом Российской Федерации В.В. Путиным было выдвинуто предложение разработать единый учебник по истории России с целью сформировать общую концепцию отечественной истории.

В субъектах Российской Федерации формирование образов национальной истории также ведется под пристальным контролем представителей региональной политической элиты. Кооперируясь с местной научной интеллигенцией, истеблишмент формирует необходимое видение отдельных отрезков прошлого.

В ходе мифологизации истории того или иного региона России происходит «фокусировка» внимания общественности на отдельных символических периодах локальной истории. *«В разных регионах и областях ведется поиск своих особых местных идентичностей, и это выражается в своеобразных версиях древней или средневековой истории, которые там вырабатываются»*¹.

Особое место в истории региона занимают периоды максимального процветания территории, его былой славы, здесь к работе сознания подключается мифологема «золотого века». По словам авторов исследования «Политика и культура российских провинций», *«когда регион достигает своего золотого века, конкретные исторические мотивы и институциональные*

¹ Шнирельман В.А. Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс // История края как поле конструирования региональной идентичности: материалы семинара, проведенного ВолГУ и Институтом Кеннана Международ. науч. центра им. Вудро Вильсона 11 апр. 2008 г. Волгоград, 2008. С. 9.

модели периода фиксируются в сознании людей как лучшие и навсегда остаются моделями... Поэтому, даже если полностью заменить население региона, его золотой век остается самым надежным ориентиром для его будущего развития»¹. В 1990-е гг. руководство республики Татарстан, борясь за суверенитет, стремилось возродить «золотой век» самостоятельной государственности, ассоциирующийся в сознании правящей элиты со временем существования Булгарского царства, Золотой Орды и Казанского ханства. Это историческое наследие, по словам исследователя Э.Р. Тагирова, обращает Татарстан в «локомотив истории», который своей политикой создает яркий прецедент для других российских регионов².

В качестве примера можно также привести миф об Аркаиме – «колыбели арийской нации» – получивший широкое распространение в 1990-е гг. на территории Свердловской области. Его создатели утверждали, что арийские предки передали особый характер, пассионарность жителям Урала, в связи с чем предлагалось объединить их в рамках самостоятельной Уральской республики.

«Золотым веком» Якутии, по словам местных идеологов, в эпоху парада суверенитетов в 1990-е гг. признавалось время правления легендарного Тыгына, а потому, в целях сохранения достижений той эпохи, важнейшим из которых является приобретение статуса государственности, населению республики сегодня нужно мобилизоваться для наполнения суверенитета «истинным содержанием»³.

Наряду с периодом наивысшего расцвета территорий в региональных мифологиях традиционно освещаются исторические вехи, которые в национальном сознании воспринимаются как трагические моменты истории своего региона. Это используется для создания образа врага и формирования мифологемы «обиды», «жертвы». Активное насаждение образа «врага» приводит к психологическому неприятию иной социальной общности, агрессии по отношению к ней, вплоть до желания устранить соперника. *«Все неприемлемое для данной группы приписывается противоположной стороне, способствуя «канализации» существующих проблем, сохранению*

¹ Политика и культура в российской провинции. Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области / Под. ред. С. Рьженкова, Г. Люхтерхандт-Михалевой, при участии А. Кузьмина. М.–СПб., 2001. С. 78.

² Тагиров Э. Татарстан: Национально-государственные интересы. Казань, 1996. С. 34.

³ Шкурко Н.С. Интерпретация социальной памяти регионального сообщества в политических мифах Якутии [Электронный ресурс]: Регионоведение. 2011. №1. URL: <http://regionsar.ru/node/645?page=0,1> (дата обращения: 17.05.2014).

и консолидации групповых ценностей»¹. Широкое распространение и усвоение политическим сознанием граждан современной России мифологизированного образа «врага» некоторыми учеными объясняется отсутствием новых идеалов, ценностей постсоветской эпохи, которые могли бы сплотить то или иное сообщество².

В региональных мифологических схемах, присущих для постсоветского пространства России, чаще всего факты принятия непопулярных политических решений и проведения неудачных реформ объясняются вмешательством во внутренние дела федерального центра. Параллельно с этим образом в массовое сознание региональной общности внедряется образ «жертвы»: регион постоянно терпит ущемления, недостаточно выделяется ресурсов на поддержание уникальности его самобытной культуры и т.д. Так, в одном из интервью первый президент Татарстана М.Ш. Шаймиев в качестве оправдательного аргумента в своих претензиях на самостоятельную государственность заявил, что «в советское время больше всего потеряли татары», уничтожались школы, искоренялись традиции и родной язык народа³. По словам Л. Гудкова, «комплекс жертвы» в данном случае срабатывает как механизм переживания травматического опыта советского прошлого. «Возникает нерационализируемая гордость народа за «выживание» в нечеловеческих условиях труда и страха, за терпение и страдание»⁴.

В 2000-е гг. с усилением зависимости от политических решений федерального центра татарстанская элита канализирует негативное восприятие Москвы в более отдаленные отрезки истории. Например, широкое распространение среди местных жителей получила мифологема о казанской правительнице Сююмбике. Эта история в очередной раз показывает достоинство татарского народа, его гордость; а также подчеркивает несправедливость российской политики по отношению к нему. А башня, носящая имя царицы, является местом паломничества туристов и стала «знаковым местом» столицы региона.

¹ Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). М., 2011. С. 19.

² Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004. С. 46.

³ Не каждого деда называют «бабаем». Откровения Минтимера Шаймиева [Электронный ресурс]: Молодежь Татарстана. 04.03.2010. URL: <http://moltat.ru/menu/sobytia/ne-kazhdogo-deda-nazovut-babaem-otkroveniia-mintimera-shajjimeva> (дата обращения: 07.09.2014).

⁴ Заяц Е. Печали негативности и радости идентичности [Электронный ресурс]. URL: <http://sinjdivan.narod.ru/sd6rez1.htm> (дата обращения: 19.09.2014).

В новейшей истории «натянутые» отношения с федеральным центром складываются во многих регионах. Так, существует некоторая напряженность во взаимоотношениях между Волгоградской областью и Москвой, поскольку регион продолжает считаться частью «красного пояса». В советскую эпоху область получала поддержку со стороны Центра, а сегодня в сознание местных жителей насаждается установка «жертвы», подобные настроения получили более широкое распространение после формирования федеральных округов и присуждения статуса столицы Южного Федерального округа Ростову-на-Дону, а не Волгограду¹.

В период формирования российской государственности в регионах также особо остро вставал национальный вопрос, для решения которого политические элиты снова прибегали к мифотворчеству. В татарстанской мифологии тема государственного строительства тесно переплеталась с национальной политикой. Как утверждает А.Г. Луцкий, в условиях социокультурного кризиса на первый план изначально выходит этноконфессиональная идентичность, а позднее к ней добавляется чувство региональной общности. Аналогичная ситуация, по мнению автора, сложилась и в Республике Татарстан в 1990-е гг.² На базе подобного взаимодействия вырастает мифологема «татарстанизма». Ее суть состоит в объединении всех граждан республики, независимо от их национальности, вокруг идеи суверенитета. Несмотря на то, что изначально идея национального возрождения была, прежде всего, связана с интересами татарской нации, чья культурно-религиозная жизнь, по словам местных идеологов, была практически подвергнута разрушению в годы советского режима, в целях объединения максимального числа граждан республики в рамках единой региональной мифологии, политические лидеры в своей риторике вместо обращений к конкретным этническим группам стали употреблять термин «народ Татарстана». Руководитель Центра истории и теории национального образования Института истории АН РТ Ф.М. Султанов так изложил суть данной мифологемы: население РТ, представляющее собой полиэтническое единое сообщество, воспользовавшись своим правом на самоопределение, объединилось в «государственную общность независимо от этни-

¹ Источники регионального разнообразия и формирование новых субъектов развития России: гипотезы, экспертные оценки, прогнозы / Под ред. проф. А.В. Дахина. Н. Новгород, 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Region/N_Novgorod/Istochniki_regionalnogo_raznoobraziya.pdf (дата обращения: 16.12.2014).

² Луцкий А.Г. Эволюция политического режима Республики Татарстан (1991–2001 гг.) : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2003. 213 с.

ческого происхождения»¹. Р.С. Хакимов, считающийся автором концепции «татарстанизма», в своей работе «Сумерки империи. (К вопросу о нации и государстве)» выдвигает собственную теорию возникновения нации. Он выделяет три понятия, связанные с национальным вопросом: *этнос* – «*биосоциальное явление, соединяющее естественную природу с обществом*» и для его существования не обязательно наличие общности языка, территории, культуры, экономики, психологического склада, религии, а «*порой достаточно наличия лишь самосознания*»; *народ* – «*общность, которая стремится к восстановлению своей государственности или же к самоопределению*»; это общность, имеющая «*более или менее очерченную территорию компактного проживания и являющаяся, как правило, полиэтнической, чем и отличается от этноса*»; *нация*, которая главным своим признаком имеет наличие собственного государства². В отношении республики автор заявляет: «*Статус Татарстана как независимого государства с самостоятельным гражданством, признанного другими странами и имеющего собственную внешнюю политику, превращает народ республики в нацию*»³. Таким образом, Р.С. Хакимов дает теоретическое обоснование необходимости принятия суверенитета для всех граждан Татарстана независимо от их этнической принадлежности с целью их превращения в полноценную нацию. Самостоятельная государственность, по его мнению, выступает неотъемлемым условием в деле нациестроительства в Республике Татарстан⁴.

Подводя итог, следует сказать, что история сегодня продолжает быть политически ангажированной, поскольку ее интерпретация, освещение в СМИ, а впоследствии и преподавание в образовательных учреждениях начинают отвечать интересам правящих элит регионов и федерального центра. Мифологизация национальной истории приводит к тому, что становится весьма затруднительно учиться на ее уроках.

¹ Султанов Ф.М. Гражданское общество и личность: проблемы образования в этнически гетерогенном российском социуме (на примере Республики Татарстан) [Электронный ресурс]. URL: www.tataroved.ru (дата обращения: 13.08.2014).

² Хакимов Р.С. Сумерки империи (К вопросу о нации и государстве). Казань, 1993. С. 19, 20.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 32.

**ОПЫТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ОШИБКА В ОПРЕДЕЛЕНИИ ИЛИ ДЕТСКИЕ БОЛЕЗНИ
ДИСКУРСИВНОЙ ФОРМАЦИИ?**

Государственное строительство, развернувшееся на руинах советской империи, сопровождалось интенсивным генезисом корпуса т.н. национальных историй, призванных легитимировать притязания постсоветских элит на политическое доминирование в рамках той или иной территории. Почеловечески понятное стремление республиканских лидеров использовать окно возможностей для трансформации из элит второго эшелона во фронтменов самостийных территорий более или менее изящно удалось воплотить в жизнь усилиями местных историков, опирающихся на идеологическую поддержку и административный ресурс. Явленные миру дискурсы, представляющие собой, как правило, одну из версий оптимистического позитивизма в марксистском (иногда – антимарксистском) стиле, не отличаясь последовательностью и здравым смыслом, так или иначе, но заполняют исторические площадки, решая задачу презентации государств ближнего зарубежья.

Сходные интенции обнаруживаются и в новейших изысканиях представителей российских регионов, прокламировавших автономистские или сепаратистские версии регионально-национальной идентичности. Правда, державная экспансия Москвы, развёрнутая в постельцинский период посредством генерального пропагандистского наступления, существенно ослабила градус регионального патриотизма. Однако массивные агитационные атаки, как известно из относительно недавней – прошлого века – истории, подавляя любое проявление творческой мысли, отнюдь не гарантируют качественного заполнения провалов в хронологии или формирования политкорректных концептов. Напротив, онтологический ореол мучеников способствует складыванию гносеологического авторитета дискурсов, фрустрируемых посредством мобилизации внеакадемических традиций, вне зависимости от их генезиса и содержания. Поэтому, хотя на сегодняшний день концептуальная матрица национальной истории подавлена, нет ни одной причины полагать, что её дискурсивная формация дезактивирована, тем более, что приверженцы национальных (в советском смысле) подходов к поиску исторических кодов прошлого полны решимости

продолжать свой поход за исторической правдой. Принимая во внимание то обстоятельство, что отсутствие означаемого открывает беспредельные возможности для полёта означающего в облаке неявных смыслов, можно предположить, что едва ли не единственной преградой на пути нового национального строительства окажется здравый смысл исторического сообщества, по гамбургскому счёту отторгающего перегруженные политической злобой дня квазиисторические концепты, смастерённые неискушёнными краеведами на потребу провинциальным аристократам. Тем более, что за последние десятилетия был накоплен успешный опыт подобной фронды.

В 1990-е гг. в большинстве национально-государственных субъектов Российской Федерации национально-культурное самоопределение специалистов, не сдерживаемое более идеологическими обязательствами, обернулось институционализацией этнически сцентрированного исторического нарратива, сопровождавшейся организационным оформлением творческих коллективов и, в конечном итоге, формированием дискурса нового жанра прорицания о прошлом – региональной национальной истории, сюжетные линии которой оказались доминирующими в официальных самопрезентациях административных структур и системах регионального образования¹.

Залогом этой – в общем-то нелепой – ситуации стала консервация в дискурсивной формации российской исторической науки этацентристского подхода, актуального для европейской исследовательской традиции середины XIX в.² То обстоятельство, что результаты напряжённой историко-софской и методологической рефлексии, сопровождавшей деятельность российского исторического сообщества в начале века XX, не говоря о достижениях мировой исторической мысли прошлого века, долгое время оставались недоступны³ исследователям прошлого в нашей стране, оказалось следствием административных *par excellence* мероприятий совпартбюрократии. Поэтому, в частности, в интеллектуальном пространстве советского

¹ Интенции и ход этих процессов довольно подробно изложены и весьма внятно истолкованы в научном докладе Г.А. Бордюгова и В.М. Бухараева «Национальные истории в революциях и конфликтах советской эпохи» / Геннадий Бордюгов, Владимир Бухараев; Ассоц. Исслед. Рос. О-ва XX в. (АИРО–XX). М.: АИРО–XX, 1999. 68 с. (АИРО – Науч. докл. и дискус. Темы для XX в.; Вып. 5).

² Из наиболее очевидных причин можно указать: дискретность традиции российской историографии, незавершённость процессов национально-культурной трансформации в регионах бывшего СССР, отсутствие в отечественном сообществе вкуса и интереса к познанию прошлого.

³ Нельзя также не отметить, что результаты и выводы П.Н. Милюкова, С.Ф. Платонова и ряда других представителей российской исторической мысли не освоены, да и не слишком востребованы современными российскими историками.

обществознания бытование академической традиции оказалось невозможным. Элементы исследовательской этики сохранились здесь вопреки объективным условиям и субъективным акциям, так сказать исторически (читай – случайно).

Очевидно поэтому, что дискурс современных национальных историографий регионального извода никак не может быть укоренён в рационалистических практиках добольшевистской отечественной исторической мысли (в той части, где объектом познания выступала история народов). Истоки аналитических практик этногосударственных историй, реализуемых в ряде субъектов Российской Федерации, с большим основанием можно обнаружить в утверждаемом с середины 1930-х гг. национально-аксиологическом взгляде на историю России, в контексте которого была сформулирована катахреза советского патриотизма, открывавшая для населения бывших инородческих колоний (через посредство великорусского конформизма) возможность растворения собственной этнической идентичности в теле новой советской империи. В свою очередь, социокультурная энтропия общества (в том числе и размывание этнической идентичности), к практической реализации которой сталинскому руководству удалось приступить уже после Второй мировой войны, позволяла настаивать на принятии Советским Союзом духовного наследия Российской империи. Эта операция, измысленная в виде обеспечения стабильности коммунистического режима после ухода Вождя, осталась, однако незавершённой. Наследники же «Отца народов», в жарких коллизиях политических усобиц вынужденные прокламировать приверженность принципам ленинской национальной политики (к слову сказать, весьма аморфной и непоследовательной, если рассматривать её теоретический базис), неосторожно подтвердили право некоторых народов, населявших просторы СССР и возведённых в ранг наций, на этанациональную самость. Последняя в весьма сомнительной ленинской редакции обуславливалась наличием оригинальных культурных традиций, а также «единством крови и почвы», декларированных в качестве достаточного условия складывания нации. Таким образом, учреждение в советском обществоведении сегмента национальных историй функционально являлось одним из ключевых кодовых символов в послании постсталинского руководства, адресатом которого выступали представители республиканских этнических элит, лояльность которых в значительной степени гарантировала партийной номенклатуре хрущёвского извода свободу действий.

Правда, гарантировать устойчивость нового политического консенсуса было непросто, и в качестве залога республиканские элиты получили в

своё распоряжение контроль над научно-образовательной сферой. В общем контексте диалога поздних советских бюрократий разного уровня разветвление оргструктуры национальных историографий сохраняло значение одного из знаков единения управленческой корпорации. Естественно, что результаты исследовательского процесса и его характер в рамках данной коммуникации имели далеко не первостепенное значение.

Смена социально-политического строя открыла перед историческим сообществом России уникальные возможности для реализации своих исследовательских программ. Появилась возможность высказаться «до конца» и у представителей национальной истории. На руку им оказалось вполне понятное стремление республиканских элит легитимно презентировать себя в качестве лидеров этнических государств, по возможности, обособленных от Москвы. Мобилизация интеллектуальных сил титульно-этнической интеллигенции для обеспечения этих притязаний позволила этнообществоведам пережить нелёгкие времена структурной и организационной перестройки, объединившись под сенью, как унаследованных от советского времени институций (таких как академические институты и вузовские кафедры), так и в рамках новых организационных структур: региональных академий, спешно «произведённых» в университеты пед.-тех. институтов и т.п. образований, предоставленных в их распоряжение региональными элитами. Ещё одной формой объединения национал-историков стали региональные энциклопедии, для создания которых в целом ряде бывших автономий были образованы специализированные институты.

Организационно-институциональное оформление региональных исторических сообществ на постсоветском пространстве, сопровождалось в национальных республиках презентацией намерений ревизовать «лживое и жалкое» советское историческое краеведение¹, подняв его на уровень полноценной исторической теории, а также демонстрацией исследовательской активности, развивавшейся по разным направлениям. Стремления обществоведов, в целом, совпадали с интенциями региональных элит, стремившихся проиллюстрировать свои сепаратистские демарши ссылками на исторические факты и опыт прошлого. Результатом совместных действий явилась институционализация национальной исторической мысли и канализация интеллектуальных усилий регионоведов в русло отыскания глубоких исторических корней титульных этносов, что должно было послужить основанием для легитимации политических притязаний региональных элит. Вторым важным направлением деятельности

¹ См.: Нурутдинов Ф.Г.-Х. Родиноведение. Казань, 1995. С. 4–6.

представителей т.н. национальной интеллигенции становится стремление «покинуться» с Россией, с коммунизмом, выступающее в качестве необходимого условия обретения новой идентичности. Кризис социальной идентичности, вызванный крахом Советского Союза, нельзя конечно считать приметой этатнических анклавов России, однако в национальных республиках этот процесс принял полисемантический, а нередко противоречивый характер.

Республика Татарстан, ещё в период агонии Советского Союза высоко поднявшая знамя территориально-административного сепаратизма, и здесь оказалась на передовых позициях, поскольку располагала высоким исследовательским потенциалом и развитой традицией исторического краеведения, заложенной сотрудниками Казанского университета ещё в XIX в. Впрочем, в романтический период этнизации истории Среднего Поволжья декларировался протошумерский и протогуннский характер булгаро-татарской цивилизации, положившей начало не только «княжеству Троя», но и культуре американских индейцев¹. Несколько менее амбициозными выглядят попытки укоренить башкирский этнос в Волжско-Уральском регионе ко времени раннего палеолита посредством признания протобашкирскими арийской, крито-минойской, египетской и шумерской цивилизаций². Правда, сформулированная одним из видных представителей башкирского цеха прорицателей о прошлом претензия на существование англо-башкирской этнической общности выглядит всё же избыточно оптимистичной³.

Развитие самодеятельной исторической мысли в кавказском регионе происходит на солидной исследовательской базе кавказоведения, дискурс которого задан академическими работами В.Ф. Миллера, Е.И. Крупнова, Г.В. Вернадского, В.И. Абаева и др. по исторической антропологии, археологии, этнологии, выполненными на высоком профессиональном уровне. Но и здесь, по ироничному выражению Л.А. Чибирова⁴: *«Для некоторых начитанных людей история оказалась... наиболее выгодной приманкой*

¹ См.: Там же. С. 16.

² См.: *Габдрафиков И.* Этническая мифологизация исторического образования (по материалам Республики Башкортостан) // Российская историческая наука на современном этапе: перспективы исследования и реализации национальной образовательной политики. Казань, 2007.

³ См.: *Галлямов С.* Великий Хау Бен. Исторические корни башкординско-английского языка и мифологии. Уфа, 1997.

⁴ Л.А. Чибиров – выдающийся этнограф и кавказовед, автор капитального труда *«Традиционная духовная культура осетин», вышедшего в 2008 г. в издательстве «РОССПЭН».*

для проявления «особой любви» к отчужденному дому»¹. Впрочем, это как раз не удивительно – специфика историографической ситуации в кавказском регионе определяется межрегиональными, а нередко и международными актуальными политическими процессами. К их числу можно отнести осетинско-ингушский конфликт 1992 г., последствия чеченской суверенизации, российско-грузинское соперничество за влияние на Кавказе и другие коллизии. В этой ситуации история «приобрела... чрезмерную актуальность» (М.С. Капица), которая исключает академический характер дискуссии. Апелляция к прошлому, играющая роль аргумента в решении актуальных конфликтов, оборачивается тем, что результаты научных изысканий некорректно сопоставляются со смелыми, но некачественными гипотезами, которые игнорируют политические акторы «с другой стороны». При этом бюрократические интриги и юридические коллизии, составляющие основу дискуссии, оказываются возмущены до степени брутального противостояния на могилах предков.

В целом, нельзя сказать, чтобы энергично укоренявшиеся на почве этничности экс-партийные руководители испытывали острый недостаток в озабоченных доказательством первородности своих народов сотрудниках. Однако бурное развитие организационных форм оказалось «профессионально» не подготовлено². Отсутствие кадров соответствующей квалификации, в некоторых регионах обернулось необходимостью возложить руководство академическими институтами на бывших хормейстеров и иных представителей национальной интеллигенции³. В ряде случаев пришлось объединять научный потенциал нескольких регионов в рядах этнизированных академий, таких как, например, Адыгская (Черкесская) Международная Академия наук⁴.

Ситуация в Татарстане – на особую. В этой республике, не обделённой ни титулованными историками, ни авторитетными краеведами, руководство академическим институтом истории было возложено на кандидата философских наук, окончившего физический факультет Казанского университета⁵. Решение административно-организационных вопросов, впро-

¹ См.: Л. Чибиров. Вольные упражнения вместо науки («ингушский вопрос») (14.01.2008) [Электронный ресурс]: iratta.com. URL: <http://iratta.com/stati/2334-volnye-uprazhnenija-vmesto-nauki.html> (дата обращения: 6.11.2014).

² См.: Гутнов Ф.Х. История и политика. Там же.

³ Имеется в виду Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований.

⁴ Базирующаяся в Майкопе.

⁵ Речь идёт о Р.С. Хакимове, правда в 2010 г. он защитил-таки докторскую диссертацию по истории, так что вполне может считаться ещё и историком.

чем, не сдерживало творческих дерзаний, и уже к концу девяностых годов прошлого века представители национальной историографии выдали «на гора» результаты своих разработок, освобождённых от оков цензуры...

Общее резюме оказалось, однако, не в пользу неопитов национально-региональной идентичности – они оказались не в состоянии выполнить заявленную претензию на создание истории национальной государственности титульных этносов в этнически сцентрированных регионах.

В этом смысле небезынтересным представляется наблюдение Н.М. Лебедевой, заметившей, что позитивная этническая идентичность является основой этнической толерантности¹. Н.Л. Иванова полагает: «*В норме для группового сознания характерна тесная внутренняя связь между позитивной групповой идентичностью и межгрупповой толерантностью*»². Проще говоря, компетентное мнение двух профессоров Государственного университета – Высшей школы экономики относит сторонников активной антироссийской и этнофобской политики к разряду лиц с несформированной этнической идентичностью. В этом смысле то обстоятельство, что большинство идеологов регионального этнонационализма – выходцы с кафедр научного коммунизма, воспринимается вполне естественно. Разбухшие штаты организаций, в одночасье причисленных к ведомству Клио, никоим образом не могли заменить научного сообщества. Скорее, наоборот, возникла реальная угроза, что под дружным натиском ростков национального самосознания широких слоёв этнической интеллигенции окажется погребена своеобразная традиция национальных историографий.

Сообщества национальных историков переживают кризис интерпретации: полученные результаты противоречат концептуальным схемам, положенным в основание дискурса этнонациональной истории. Фактически ни одна из тем, заявленных в качестве объекта этаэтнической истории не получила сколь-нибудь внятного разрешения, выходящего за рамки перетолкования выводов советского общественнознания. Попытки вырваться из логико-семантического лабиринта исторического краеведения посредством мобилизации языкового инструментария позитивной истории оборачиваются генерацией текстов, вызывающих разве что, улыбку. Результаты краеведов-энтузиастов – из того же ряда, но речь о том, чем оборачивается добросовестная попытка реализации этноцентристского взгляда на историю. Несколько добрых слов в адрес татарского народа сказал и глава татар-

¹ См.: *Лебедева Н.* Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность / Под. ред. Н.М. Лебедевой. М., 2002. С. 10–35.

² Там же.

станских историков Р.С. Хакимов. Директор Института истории Академии наук Татарстана разместил на официальном сервере Республики Татарстан скрипт «Кто ты, татарин?», где поделился интересным наблюдением: «*Татарам присуща одна отвратительная черта – делиться на группы и поедать друг друга*»¹, причём он не стал ограничивать аудиторию пользователями Интернета, познакомив со своим мнением посредством официального издания (газеты «Республика Татарстан») широкую общественность. Тут уж, кажется, никаких московских шовинистов не надо...

Неудивительно, что в последние годы в штудиях и пособиях, посвящённых прошлому Татарстана и Башкирии, например, наблюдается возврат на позиции советской региональной истории с её политкорректностью и изящным обходом острых углов². В качестве другого «последнего окопа» выступает дискурс исторического краеведения, реализованный в последних выпусках школьных учебников по истории Татарстана.

В целом, исследовательский потенциал региональных научных сообществ оказался недостаточным для формирования непротиворечивого и логичного концепта этнической истории регионов, равно как и для паттерна этнической государственности, принципиально отличного от модернизированной версии истории государства российского. Вместе с тем, развитие собственно исторического краеведения, направленное на сохранение и презентацию культурного наследия народов нашей страны, по-прежнему приносит результаты, выступающие в виде надёжного базиса отечественной историографии.

Новая генерация отечественной политической элиты проявила настойчивое стремление к утверждению «моноцентризма». Основным содержанием этого курса становится, сопровождаемая исключением или маргинализацией игроков, которых не получается контролировать³, инкорпорация этнических квазигосударственных образований в структуру новейшей российской государственности. Одним из условий данной инкорпорации стали гарантии личной неприкосновенности администраторов высших эшелонов, сделавшие политическую программу интеллектуального обеспечения

¹ Рафаиль Хакимов. «Кто ты, татарин?» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tatar.ru>.

² См., например: Тагиров И.Р. Государственность Татарстана: вехи становления и развития // Научный Татарстан. 1999; Его же. Очерки истории Татарстана и татарского народа (20 век). Казань, 1999; Шарафутдинов Д.Р. Исторические корни и развитие традиционной культуры татарского народа XIX – начало XXI вв.: монография. Казань, 2004.

³ См.: Малинова О.Ю. Производство политических идей и векторы трансформации публичной сферы в постсоветской России // Россия в постсоциалистическом мире. М., 2006. С. 99.

внутреннего суверенитета экс-самостийных республик неактуальной. Это, в свою очередь, обернулось сворачиванием оргмероприятий, направленных на поддержание сообществ национальных историков, которые на новом повороте отечественной истории не смогли удержаться за обшлага статс-мундира и оказались перед необходимостью на свой страх и риск сохранять исследовательские структуры и интеллектуальные анклавы.

Прополка поля отечественной истории, характерная для историографической ситуации последнего времени, несколько затрудняет включение выводов национальных историографий в дискурс истории России в том виде, в котором он формируется научным сообществом. Нет им места и в неодажданной концепции, которую на потребу новейшей российской элиты пытаются сотворить представители политического креатива.

Весьма показательны в этом смысле перипетии татарстанской и башкортостанской историографии. Последние учебники по истории России¹, по ироничному выражению В.М. Бухараева, «два шага назад» по сравнению с тем, что было наработано российским историческим сообществом, начиная со второй половины 1980-х гг. Однако они отражают получающее все большее распространение стремление реанимировать классические позитивные методы исследования и на их основе попытаться дописать историю нашей страны с того места, где остановились Ю.В. Готье, А.А. Кизиветтер, С.Ф. Платонов и другие представители академической русской историографии. Стремление «вернуться к имперским корням» по-человечески понятно, однако, едва ли осуществимо – наша страна в её нынешних границах – «территория с сомнительной историей».

Тем более двусмысленной с классических методологических позиций видится попытка скроить, например, историю Башкортостана (искусственного территориального образования) или же башкирского народа (качественные характеристики которого до сих пор остаются дискуссионными, впрочем, как и этноним) по лекалам государственной истории: рассогласование дискурсивных формаций погружает читателя в пространство историографического абсурда. Характер и направленность дискуссий последнего времени среди историков Башкирии свидетельствуют о том, что коллеги близки к той грани, за которой аргументация оппонентов уже не может быть воспринята. Следующий шаг в этом направлении может обернуться распадом сообщества.

¹ История России XX – начала XXI века / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова / Под ред. Л.В. Милова. М., 2006. 960 с.

История России. С древнейших времён до начала XXI века / А.Н. Сахаров, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин и др.; под ред. А.Н. Сахарова. М., 2007. 1263 с.

Ситуация в соседнем Татарстане, на первый взгляд, выглядит предпочтительнее: национальные историки республики, сохраняя боевые порядки, отстают на поле державной историографии, переходя к разработке периферийных сюжетов и смежных специальностей: формируются сборники документов, наконец-то сдвинулась работа по подготовке томов татарской энциклопедии и т.п. На пути этом не обошлось без потерь, но, в целом, поводов для беспокойства, кажется, нет: по-прежнему в строю творцы суверенной истории Татарстана и татарского народа, функционируют организационные структуры, долженствующие играть роль бастионов национальной историографии¹. Однако сообщество этнических историков так и не сформировано, и перспективы его дальнейшей деятельности туманны. Дело здесь не столько в ограниченности ресурсной базы или острой конкуренции за доступ к ней, сколько, с одной стороны, в отсутствии методологических оснований для рационалистических новелл в области этногосударственной регионалистики, а с другой – в деградации механизма самовоспроизводства сообщества национальных историков². Сложившееся в советские годы некое подобие провинциальной научной среды отличал корпоративный дух, довольно высокие профессиональные стандарты и способность к обновлению. В последние годы представители татарстанской корпорации прорицателей о прошлом были поставлены в ситуацию, когда основные характеристики академической структуры (хотя бы и советского типа) оказались поставлены под угрозу.

Прежде всего, сообщество раскололось по отношению к институционализировавшимся структурам национальной этногосударственной истории Татарстана. Часть исследователей примкнула к гардианам татарской этнической государственности, другая – либо ушла в оппозицию, либо предпочла «не замечать» официальной доктрины формирования татарстанской государственности, реализуя собственные исследовательские программы. Решающая роль здесь принадлежит научному сообществу Казанского университета, саботаж программы «национализации» республиканской государственности с его стороны имел решающее значение для сдерживания этнической пропаганды в республике и её столице. Не сумев сломить сопротивление столичной интеллигенции даже в период наивысшего подъёма национал-государственного строительства в республике, власть предрержащие

¹ Институт Истории АН РТ, Исполнительный комитет Всемирного Конгресса татар, Казанский институт федерализма, Центр этнологического мониторинга и др.

² А.Ю. Хабутдинов в своей работе «Лидеры нации» настаивал на том, что пришло время нового поколения татарских интеллектуалов показать на что они способны... Он, кажется, поторопился... или опоздал?

вынуждены были искать обходные пути, терять время. Правда, в конечном итоге оказалось, что всё вышло очень удачно и для научно-педагогической общественности, и для республиканского руководства. За академическую свободу пришлось расплатиться рассогласованием дискурса исторического знания¹ и некоторым снижением научной активности при разработке проблематики исторического краеведения, однако проект этнизации региональной истории, инспирированный руководством Республики Татарстан, не был реализован.

Помимо разделения на национальных и интернациональных историков произошёл раскол и среди самих специалистов, поддерживающих программу национальной истории в республике. Правда «раскол» – понятие не совсем точное, скорее, можно говорить о том, что ревнители национальной государственности упустили шанс для объединения, распылили интеллектуальные силы и ресурсы, отдали обильную дань бесплодным дискуссиям, вроде достойного последней четверти XVIII в. спора об исторических корнях государственности татарского народа. В последнее время наиболее стойкие сторонники идеи татарского государства ушли в лингвистическое подполье: прекратив полемику на русском языке, они пытаются развернуть свою аргументацию в татароязычных СМИ и даже в Интернете², однако подобные акты гражданского сопротивления едва ли будут способствовать эффективной модернизации ущербного паттерна национальной государственности.

Общей приметой сообществ, отдающих дань этнонациональным дискурсам общественнознания, возведённым до степени государственной идеологии, остаётся перенапряжение интеллектуальных сил, методологический коллапс и, в конечном итоге, энтропия исследовательского сообщества.

¹ Штудии представителей академического сообщества вписываются в рамки дискурса исторической рациональности, сочетающего освоение событий прошлого с теоретико-методологической рефлексией относительно характера и содержания собственных репрезентаций, а авторы, реализующие программу национальной истории, исповедуют метод нарративного генезиса прошлого, т.е. сочинения текстов о прошедшем времени без оглядки на историческую фактуру. Блестящие примеры позитивного креационизма, позволяющие усматривать ростки социализма на иссушенных колхозных полях тридцать первого года, дают тексты сочинений М.Н. Покровского, сталинский сценарий Великой Отечественной войны, хотя непревзойдённым образцом жанра остаётся всё же «Краткий курс».

² [Электронный ресурс]: Татарская электронная библиотека. URL: <http://kitap.net.ru/> (дата обращения: 6.11.2014); [Электронный ресурс]: TATNET FORUM. URL: <http://forum.tatar.info> (дата обращения: 6.11.2014) и др.

**КРОВЬ И ПЛОТЬ ВООБРАЖАЕМЫХ СООБЩЕСТВ:
БИОЛОГИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ В ДИСКУРСАХ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ПОСТСОВЕТСКОГО ТАТАРСТАНА)¹**

За последние два десятилетия на постсоветском пространстве наблюдается рост ксенофобских и расистских настроений. Одной из причин этого является гиперактуализация этнической стороны жизни людей. Негативные последствия феномена во многом связаны с неадекватными представлениями о самой этничности, проявляющимися, например, в её биологизации. В России и других постсоветских странах распространяется биологический расизм, когда социальные группы разделяются физиологическими барьерами, а последние коррелируются с психологическими и культурными особенностями людей. Иными словами, народы понимаются едиными «по крови» общностями, природным целым, в чём и заключается суть биологического расизма. Подобные представления становятся частью национальных историй и, в целом, этногенетических мифов.

Ситуация напоминает конструирование рас в США. В 1997 г. Американская антропологическая ассоциация выступила с заявлением, в котором фактически утверждалось, что рас как таковых не существует: *«внутри расовых групп биологическая вариабельность больше, чем между ними»*. Американские исследователи пришли к выводу, что *«расовое» мировоззрение было придумано для того, чтобы навеки предопределить для некоторых групп низкий статус, в то время как для других были предназначены привилегии, власть и здоровье»*². Таким образом, *«нет рас и, тем более, расовых отношений. Есть только вера в существование этих феноменов»*³. О сходных чертах в конструировании представлений о гомогенных социокультурных и в то же время, якобы, биологических общностях в России и зарубежом говорит факт того, что, например, в современных Франции и Германии этническая терминология успешно воспроизводит расовые смыслы

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-6968.2015.6 «Политика памяти в условиях междивизиационного противостояния».

² Заявление Антропологической ассоциации по проблеме «расы» (перевод Л.Т. Яблонского) // Проблема расы в российской физической антропологии. М., 2002. С. 89, 92.

³ Wodak R., Reisigl M. Discourse and Racism: European Perspectives // Annual Review of Anthropology. 1999. Vol. 28. P. 179. P. 175–199.

без прямой апелляции к расе, а во Франции «расизм» и «этнизизм» фактически являются синонимами¹.

В современной российской научной литературе проблема биологического расизма фундаментально рассмотрена В.А. Шнирельманом. В работе ««Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма» он подробно рассмотрел «советские корни» этого явления, связанные, по его мнению, прежде всего, с популярностью эссенциалистского подхода к этнической культуре, которая «*якобы автоматически навязывала человеку определённые, нередко негативные, модели поведения и склад мышления, от которых он при всём желании не мог избавиться*»². Большую роль в распространении подобных представлений, по мнению учёного, сыграло учение Л.Н. Гумилёва³. Проблемы биологизации этничности в дискурсе русского национализма на материалах Алтая изучает профессор Принстонского университета С.А. Ушакин⁴. Академик РАН В.А. Тишков, критикуя зародившуюся ещё в СССР этногеномику («*некое подобие дисциплины*»), в своей монографии констатирует, что «*современный этнический национализм строит свои аргументы чаще всего на биологических, генетических, мистических основаниях, которые пришли на смену политическим, социальным и культурно-языковым*»⁵.

Целью статьи является рассмотрение особенностей и выявление закономерностей биологизации этничности в обыденном, научном (исключая биологические и медицинские дисциплины) и публицистическом дискурсах национальных историй постсоветского Татарстана. Для достижения поставленной цели необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать интересующий нас феномен в рамках постсоветского пространства в целом и России в частности.

На очерченной границами бывшего СССР территории наполнение кровью и плотью воображаемых сообществ, кажется, стало распространённым явлением. Приведем наиболее показательные примеры, характеризующие этот феномен в среде политической, творческой элит и среди «обычного населения». Так, член парламента Таджикистана Саодат Амиршоева в июле

¹ Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. Т. 1. М., 2011. С. 46, 47.

² Там же. С. 251.

³ Там же. С. 328.

⁴ Ушакин С. Жизненные силы русской трагедии: о постсоветских теориях этноса // Ab Imperio. 2005. № 4. С. 233–277.

⁵ Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 33–36.

2013 г. заявила, что она против замужества таджичек с представителями других национальностей, т.к. это, якобы, «разрушает генофонд нации». Сам Президент Таджикистана Э. Рахмон в одном из выступлений перед молодежью настоятельно рекомендовал таджикским девушкам выходить замуж только за таджиков¹. Глава украинской общественной организации «Институт России» Василий Лаптийчук заявил, что русские и украинцы резко отличаются формой черепа и костей, а русский этнос является генетическим продолжением Золотой Орды². После того, как азербайджанский писатель Акрам Айлисли в одном из своих романов призвал к состраданию по отношению к армянам, жители одного селения потребовали сделать ему анализ крови, чтобы выяснить, «кто он на самом деле по национальности»³.

В России «опрокинутый в прошлое» биологический расизм заявляет о себе все громче. Российские общественные деятели правой ориентации активно используют работы специалистов-этногенетиков для обоснования своих взглядов и критики оппонентов. Примером служит ситуация вокруг книги одних из лидеров отечественной этногенетики (позиционирующих геногеографию как историческую науку⁴) Е.В. и О.Н. Балановских «Русский генофонд на Русской равнине». Издал её А.Н. Маслов, снабдив предисловием, написанным явно с этнонационалистических позиций. При помощи данных генетики он пытался доказать существование особой русской культуры. В конце предисловия А.Н. Маслов делает вывод, что: «... русским нужны врачи и диетологи, которые знают особенности русских на уровне биологических различий, выделяющих их среди народов мира. Русским нужны политики и государственные деятели, знающие, что на Русской равнине живёт русский народ со своим «лица небыцим выраженьем»⁵. Положительной рецензией на книгу откликнулся известный отечественный

¹ Калишевский М. Таджикистан: От «арийского первородства» к «справедливому шаху» (02.12.2013) [Электронный ресурс]: Международное информационное агентство «Фергана»

URL: <http://www.fergananews.com/articles/7965> (дата обращения: 1.11.2014).

² На круглом столе в Киеве объявили, что форма черепа у русских отличается от украинцев (12.02.2013) [Электронный ресурс]: Новый регион 2. URL: <http://www.nr2.ru/kyev/424171.html> (дата обращения: 4.01.2014).

³ Лойко С. Азербайджанского писателя обливают грязью за его призыв к примирению («Los Angeles Times», США) (20.02.2013) [Электронный ресурс]: inoСМИ.Ru. URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20130220/206140797.html> (дата обращения: 4.01.2014).

⁴ Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. М., 2007. С. 10.

⁵ Маслов А.Н. От издателя // Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. М., 2007. С. 5.

расист А.Н. Савельев, бывший депутат Госдумы РФ. Это неудивительно, т.к. он нашёл в книге «подтверждение» многим своим идеям¹. Ряд газет и журналов выступили со статьями о необходимости, основываясь на достижениях этногенетики, перекроить существующие государственные границы².

О понимании русскими националистами этноса как биологической популяции свидетельствуют их опасения по поводу т.н. «этнического оружия», суть действия которого «заключается в выявлении «генетического профиля» определенного народа и избирательном поражении его – и только его»³. Сравнивая народы с растениями, о генетическом, и в то же время этническом, оружии пишет журнал «Совершенно секретно»: якобы, это оружие действует по принципу гербицидов, уничтожающих сорняки и оставляющих культурные растения. Последние сравниваются с титульной нацией страны, а сорняки ассоциируются с другими («нетитульными») народами⁴.

В условиях России биологизация этничности может оказаться фатальной, т.к. через представления об имеющем особую историю «государствообразующем этносе» генетика человека оказывается в непосредственной связи с его гражданскими и политическими правами. Например, в статье 2 составленного А.Н. Севастьяновым проекта Конституции России (Русского Государства) значится, что основной задачей этого «национального государства» является «защита безопасности и содействие всестороннему развитию Русской Нации и каждого гражданина России».⁵

Биологизаторская риторика, связанная с этничностью, а через последнюю – с государственностью и, следовательно, с правами человека, активно используется для объяснения причин и последствий военных конфликтов,

¹ Савельев А.Н. Рецензия на книгу Е.В. Балановской и О.П. Балановского «Русский генофонд на Русской равнине» (11.12.2006) [Электронный ресурс]: Андрей Савельев (сайт). URL: <http://savelev.ru/article/show/?id=386&t=1> (дата обращения: 4.01.2014).

² Лане Д., Петухов С. Лицо русской национальности // Коммерсантъ-Власть. 26 сентября 2005 г.

³ «Геном – оружие золотого миллиарда» (март 2005 г.) [Электронный ресурс]: Русское национальное единство (РНЕ). URL: <http://www.rusnation.org/sfk/0503/0503-03.shtml> (дата обращения: 17.11.2014).

⁴ Круглов А. Гены смерти (14.11.2014) [Электронный ресурс]: Совершенно секретно. № 27/322. URL: <http://sovsekretno.ru/articles/id/4445/> (дата обращения: 17.11.2014).

⁵ Конституция Русского Государства (России) [Электронный ресурс]: Севастьянов Александр Никитич. URL: <http://www.sevastianov.ru/konstitutsiya/konstitutsiya-russkogo-gosudarstva-rossii.html> (дата обращения: 11.03.2014).

примером чему является начавшийся в 2014 г. российско-украинский кризис. Збигнев Бжезинский одну из составляющих вызванного этим событием российского «квазипатриотического шовинизма» совершенно справедливо видит в пропаганде идеи «русского мира», под которым *«подразумевается органическое (т.е. биологическое. – А.О.) целостное единство всех русских людей, независимо от их места проживания»*¹. Так, диакон Андрей Кураев, анализируя ухудшение отношений между двумя странами (вследствие при соединения Крыма к России в марте 2014 г.), утверждал, что это приведёт к сокращению русско-украинских браков, что, якобы, *«скажется на стабильности генофонда русского народа»*². В этой же статье в эссенциалистском духе он характеризует крымских татар как *«довольно злопамятный по отношению к России этнос»*³.

В статье с говорящим названием «Украина: генетическая неспособность к свободе и демократии» *«доказывается»*, что *«украинцы генетически не приспособлены к демократии»*. Якобы, они являются потомками не «свободолюбивых» казаков (утверждается, что подобное родство не подтверждают данные генетических исследований), а крепостных крестьян Галичины. Поэтому украинцы, руководствуясь «генетической памятью», тянутся к своим бывшим хозяевам, не доверяя собственным политикам (*«Раб не может добровольно признать другого раба выше себя. Нужна плетка»*). Тогда как в Новороссии, по мнению анонимного автора анализируемой статьи, крепостное право никогда не имело серьезного распространения, что *«подтверждает нынешняя суровая борьба Донбасса за свободу»*⁴.

На подобном фоне Татарстан (одна из российских национальных республик Среднего Поволжья) не выглядит исключением из правил. По данным местных этнологов, в 2001 г. большинство опрошенных русских (79,4%) и татар (86,7%) относили себя к той или иной национальности на основе национальности родителей, а в 2010 г. половина русских и чуть более половины татар заявили, что человек в течение жизни не может сменить национальность⁵. Исследователи констатируют, что *«эссенциалистские*

¹ Бжезинский З. В борьбе с шовинизмом // Звезда Поволжья. № 25(705). 10–16 июля 2014. С. 3 («The American Interest», США).

² Кураев А. Политическая аскетика // Звезда Поволжья. № 12(692). 3–9 апреля 2014. С. 3.

³ Там же.

⁴ Украина: Генетическая неспособность к свободе и демократии [Электронный ресурс]: «Русская правда». URL: <http://ruspravda.info/Ukraine-Geneticheskaya-nesposobnost-k-svobode-i-demokratii-8272.html> (дата обращения: 17.11.2014).

⁵ Макарова Г.И. Идентичности татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации и Республики Татарстан. Казань, 2010. С. 102.

представления, несмотря на некоторые подвижки в сторону их преодоления, продолжают господствовать в нашем обществе»¹.

Собственные полевые исследования (опросы, углублённые интервью, наблюдения, включённые эксперименты, анализ различных текстов) в пределах столицы Татарстана – Казани, чётко фиксируют тенденцию осмысления этнической идентичности, в том числе и через физиологические характеристики и кровное родство. Большая часть опрошенных мною студентов-первокурсников одного из казанских технических вузов (выборка составила 200 человек) в анонимных анкетах заявили, что человек не может сменить национальность, т.к. последняя передаётся по крови (*«это гены, текущие по крови»*)². Аспирант-историк и секретарь одной из кафедр исторического факультета классического университета считает, что предрасположенность к принятию той или иной религии передаётся по наследству от родителей к детям (частный разговор). В одной из археологических экспедиций молодой профессиональный археолог, делясь полученными от коллеги, физического антрополога, навыками, провёл ряд нехитрых измерений моей головы и объявил, что я «чистокровный татарин» (воспоминания автора). Заведующая кардиологическим отделением одной из больниц г. Казани в разговоре со мной заявила, что *«все народы и расы разные, у них разное физическое строение, и это давно доказанный факт»* (ПМА).

У представителей казанских националистических организаций, имеющих, как правило, высшее образование, образы этничности более сложные, но также не лишены биологизаторских коннотаций. Один из молодых лидеров местного русского национального движения, получивший высшее историческое образование и ныне являющийся аспирантом, В.Ф. в ходе интервью на вопрос, можно ли по ДНК определить национальность, ответил утвердительно. При этом он различает национальность «фактическую», дающуюся при рождении, и «духовную», которую можно приобрести путем усвоения норм соответствующей культуры (ПМА).

¹ Там же. С. 103, 104.

² *«Национальность – это физический признак человека, который зависит от его происхождения и рода»; «Национальность определяется внешними факторами (имеются в виду физические признаки. – А.О.), а также нашими предками. По ним можно узнать, что человек либо какой-то одной нации, либо в нем смесь нескольких наций»; «Человек не может сменить национальность, как вероисповедание. Если предки человека имеют, например, польские корни и его родители поляки, но он родился в Германии, то он останется поляком, даже если будет вынужден изучать другой язык и историю другой страны»* (ПМА).

Молодой лидер татарского национального движения, имеющий высшее юридическое образование и собиравшийся на момент интервью (февраль 2013 г.) в аспирантуру по отечественной истории в региональную Академию наук, Н.Н. считает, что *«у тюрков есть какое-то пятно... на теле выражается. У одного из пяти человек может выражаться... В начале детства ... пятно на спине. Доказанный факт – даже у японцев эти пятна есть. Те же японцы фактически близки нам, в том плане, мы все алтайская семья и с ними есть какое-то соотношение»* (ПМА). Подобными признаками интересуется и другой татарский националист, экс-председатель Всетатарского общественного центра З. Аглиуллин. Он утверждает, что родовое монгольское пятно бывает не только у монголов, но и у всех народов урало-алтайской семьи («хунны-гунны»). *«Как бы ни были схожи лицом, например, китайцы, корейцы, японцы – у китайцев его нет, может быть, иногда у северных (маньчжуры), а у корейцев и японцев есть»*. По его мнению, это пятно является «печатью Тэнгри», меткой высшего сословия¹, что, как и в средневековье, подводит к основанной на «экскурсах в прошлое» мысли о социально-политической сегрегации по принципу знатности или незнатности происхождения.

На презентации очередной зарубежной переводной книги по истории в офисе татарской националистической организации один из выступавших говорил о тюркской (отцовской) и индоевропейской (материнской) линиях происхождения татарского народа. Присутствовавший академик Академии наук Татарстана И.Т. высказался о важности анализа антропологического типа при изучении этногенеза (ПМА).

Известный татарский националист Заки Зайнуллин на «ниве генетики» сделал следующее «открытие»: якобы, после завоевания Казани войсками Ивана Грозного в 1552 г. русские мужчины, живя грабежом, перестали работать на земле, стали много выпивать, и в результате *«из-за постоянного избыточного потребления алкоголя у русского мужчины за несколько сотен лет в организме произошли необратимые сексуальные генетические изменения. Он стал сексуально слабым»*².

Осмысливает последствия взятия Казани в 1552 г. сквозь «генетическую призму» и другой известный татарский националист Фаузия Байрамова.

¹ Аглиуллин З. Размышления матёрого националиста (9.05.2013) [Электронный ресурс]: Сайт газеты «Звезда Поволжья». URL: <http://zvezdapovolzhya.ru/obshestvo/razmyshlenie-materogo-natsionalista-ch-2-09-05-2013.html> (дата обращения: 4.01.2014).

² Зайнуллин З. Россия глазами татарина (Ч. 2) (6.09.2012) [Электронный ресурс]: Сайт газеты «Звезда Поволжья». URL: <http://zvezdapovolzhya.ru/obshestvo/rossiya-glazami-tatarina-ch-2-06-09-2012.html> (дата обращения: 4.01.2014).

По её мнению, с этого времени началось «закачивание здоровых кровей» других народов, в том числе татарского, в гены русских. Якобы выжить русские могут, только «перехитрив Бога» и ассимилировав в себе гены других народов, что, как она считает, являлось конечной целью при создании советского народа. Однако по причине того, что «гены подвели», этот проект провалился, и «дурная наследственность бывших крепостных крестьян» не переставала себя проявлять. Татарам необходимо сохранять свой генофонд, «а не транжирить его во имя создания новых искусственных суперэтносов». Понятно, что сохранению генофонда мешают, прежде всего, межнациональные браки, и Ф. Байрамова констатирует (фактически, призывает), что «... истинный татарин никогда не пойдёт на кровосмешение с русскими». Кроме того, писательница и кандидат исторических наук считает, что отклики таких социально-политических и культурных событий, как восстания, борьба за независимость, веру, язык и культуру сохранились в некой «генетической памяти народа». Кажется, что Ф. Байрамова не замечает противоречий в своих суждениях: с одной стороны, остаться татаринком не так уж и сложно, «никакие кремлёвские политехнологии не смогут заставить человека идти против собственной генетики», с другой – она упорно призывает иметь «пробуждённое» национальное сознание, знать родной язык и соблюдать каноны ислама¹. Несмотря на всю силу природы (генов), Ф. Байрамова всё же беспокоится, что «с потерей языка изменится и генетический код нации, его дух. Вместе с языком другой нации татары перенимают чужой генокод и дух, соответственно, и стереотип мышления, и поведения»².

«Развивает» этногенетические штудии Ф. Байрамовой её дочь Зульфия Кадир, сотрудник Центра этнологического мониторинга Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Татарстана. По её мнению, человек не имеет свободной воли, а как робот живёт по определённой, заложенной с рождения, программе-матрице. Последняя, якобы, заключена в ДНК, в генетическом коде человека, семьи, народа, общества, страны, содружества государств, мирового сообщества. Душа человека сконцентрирована в молекулах ДНК крови, и при малейших изменениях ДНК меняются индивидуальность и характер человека. В современном мире З. Кадир насчитывает три основные

¹ Байрамова Ф. Мы татары, а не русские [Электронный ресурс].

URL: <http://chechenews.com/world-news/breaking/9883-1.html> (дата обращения: 4.01.2014).

² Её же. Татары в эпоху глобализации (Выступление на IV съезде Всемирного Конгресса Татар) [Электронный ресурс]: Сайт «Московское Татарское Свободное Слово».

URL: <http://nuclear.tatar.mtss.ru/ob131207.htm> (дата обращения: 4.01.2014).

матрицы: верхов, низов и исламскую. Матрица верхов связана с капиталистическим миром, христианской этикой и рационализмом. Обратим внимание, что явления экономического, духовного и когнитивного порядков здесь прочно коррелируются с биологическими субстанциями. Матрица низов по-другому именуется коммунистической или рабской. Её существование, якобы, обусловлено «испорченными» генами. К людям-мутантам З. Кадир причисляет антиглобалистов, анархистов, люмпенов, коммунистов, разбойников, даже представителей молодёжных субкультур эмо и готтов. Они запрограммированы на разрушение из-за того, что у них нет «гена религиозности». Третья, исламская, матрица позиционируется как матрица «небожителей». Мусульмане несут с собой «помощь небес», и поэтому западные страны рады держать у себя мусульманские общины. По мысли З. Кадир, существуют ещё и национальные субматрицы. Татарская «активизируется» с первых слов матери, и если ребёнок в первые дни жизни не услышит колыбельную или сказку на татарском языке, в нём не начнёт работать татарский ген... Чтение же Корана должно активизировать ген Бога, проявляющийся также в приверженности исламу – религии, заложенной от рождения в ДНК каждого человека...¹

В пользующейся популярностью у интеллигенции г. Казани газете «Звезда Поволжья» встречаются утверждения о тюркской и угро-финской нациях, язык, обычаи, традиции которых забылись, «но на генном уровне всё это сохранилось»²; о народе как организме, имеющем свои душу, национальный менталитет и характер³; о психофизиологической ране от татаро-монгольского ига⁴; о «духовно, лингвистически и кровно» чуждых татарам финнах⁵; о сочетании «природной мощи и православной силы духа» русского народа⁶; об определении национальности по биологическому и культурно-социологическому принципам⁷; о народе как определённых резонансных

¹ Кадир З. Матрица // Звезда Поволжья. 12–18 февраля 2009 г.

² Колесников (интервью Р. Ахметова с генерал-полковником полиции, доктором юридических наук, бывшим первым заместителем министра внутренних дел России (1995–2000), первым заместителем генерального прокурора России Владимиром Колесниковым) // Звезда Поволжья. № 28 (660). 25–31 июля 2013 г. С. 2.

³ Аксюциц В. Я – русский // Звезда Поволжья. № 27 (659). 18–24 июля 2013 г. С. 2.

⁴ Ахметов Р. Принципы // Звезда Поволжья. № 23 (655). 20–26 июня 2013 г. С. 1.

⁵ Загидулла Ф. Лидеры // Звезда Поволжья. № 30 (662). 15–21 августа 2013 г. С. 1, 2.

⁶ Аксюциц В. Татаро-монгольское нашествие // Звезда Поволжья. № 35 (667). 19–25 сентября 2013 г. С. 3.

⁷ Куницын Б. Бодуэн де Куртенэ // Звезда Поволжья. № 36 (668). 26 сентября – 2 октября 2013 г. С. 3.

частотах энергетического поля человека¹; о невозможности определения национальности без антропологических измерений².

Представления об этносе, как природно-биологическом организме, близки одному из основных постулатов нацизма. Синкретизм природного и этнического имел место быть в программных документах татарских националистов 1990-х гг. По их мнению, *«в основе самосознания этноса лежит экософия... Определяя стратегию и тактику межнациональных отношений и совместной деятельности, следует признать приоритет спасения генофонда от целенаправленного геноцида – экоцида... Путь к гармонизации людей с природой и обществом – это свободная реализация менталитета к созданию природно-общинных первоисточников... Создав свои суверенные государства по принципу изолированного жилья, охраняемого от злодеев коллективной силой безопасности благородных родственников и соседей...»*³.

Судя по конкретному эмпирическому материалу, часть казанских ученых (и гуманитариев и «технарей») воспринимают этничность как биологическую категорию и в генетике видят ключ к познанию «этнических проблем» прошлого.

В выпущенном в Казанском федеральном университете учебном пособии по исторической демографии этнос безапелляционно преподносится как биологическая категория, и утверждается, что этническая принадлежность «даётся» по факту рождения и определяется *«этнической составляющей родителей или одного из них, доминирующего в межэтническом браке»*⁴.

Один из казанских историков на страницах журнала «Конфликтология» заявил, что *«этнос отличается от социальных групп именно биологической передачей своих отличительных признаков (пусть, это даже социальные инстинкты), а этничность – такая же данность, как раса и пол»*⁵.

Кандидат физико-математических наук Р.А. Вафин для определения предков татар (булгары или монголы) предлагает провести генетическое исследование, а для этого Академии наук Татарстана рекомендует организо-

¹ Ахметов Р. Аблязов // Звезда Поволжья. № 37(669). 3–9 октября 2013 г. С. 2.

² Каримов Р. (Бугуруслан). Голос провинции // Звезда Поволжья. № 13(560). С. 3.

³ Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 8284 (ТРОДИИУ). Оп. 1. Ед. хр. 3. Проект программы деятельности РОДИУ, 1998, на 13 л. Л. 3.

⁴ Федорова Н.А., Каримова Л.К. Историческая демография: теория и метод: учебное пособие. Казань, 2013. С. 37, 38.

⁵ Тагиров Э.Р. «Восстание этничности» Национальный вопрос – неостывший кратер // Конфликтология. 2013. № 1. С. 119.

вать оснащённую самой современной аппаратурой лабораторию генетики. По его мнению, это поможет *«понять собственную биологическую природу, процесс генетической эволюции нации»*¹. Научный сотрудник Института языка, литературы и искусства Академии наук Татарстана, доктор филологических наук М.И. Ахметзянов в споре с башкирскими националистами надеется, что в будущем будет возможно *«определять признаки нации по генетическим ДНК»*².

Казанские историки и биологи в совместной статье прямо утверждали, что *«...зная частоты встречаемости аллелей (форм генов. – А.О.), можно сделать определённые выводы об этнической принадлежности индивида...»*³. Имела место попытка определить этническую принадлежность раннесредневекового населения Среднего Поволжья с помощью анализа ДНК костных остатков⁴.

В 2008 г. при американской лаборатории «Family Tree DNA» был создан «татарский ДНК-проект». В Казани это начинание было подхвачено аспирантом Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Татарстана Максимом Акчуриным⁵. В одном из интервью М. Акчурин в духе эссенциализма и примордиализма заявил, что ДНК-анализ даёт точную информацию о происхождении человека, как бы тот *«ни выглядел, к какой бы расе ни принадлежал и что бы о себе ни думал»*⁶. Судя по материалам интервью, «народ» для него – понятие одновременно и биологическое и культурное, т.к., якобы, по доли *«той или иной крови в геноме народов»* можно выяснить, каким образом *«древние рода» «вливали на культуру друг друга»* (!-А.О.)⁷.

¹ Вафин Р.А. Геном татарина // Звезда Поволжья. № 24(541). 18–24 ноября 2010 г. С. 4.

² Ахметзянов М.И. Код генетический... // Звезда Поволжья. № 26(525). 15–21 июля 2010 г. С. 3.

³ Кравцова О.А., Аскарлова А.Н., Измайлов И.Л., Газимзянов И.Р. Молекулярно-генетический анализ древних захоронений Среднего Поволжья // Новая Геометрия Природы: Труды объединённой международной научной конференции. Август, 25 – 3 сентября 2003 г. Т. II. Биология, Медицина. Казань, 2003. С. 188.

⁴ Газимзянов И., Кравцова О. Население именьковской культуры по антропологическим и генетическим данным // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. 1. Казань, 2007. С. 82–89.

⁵ Крючков А. Татарский акцент ДНК-генеалогии (10.01.2013) [Электронный ресурс]: Элита Татарстана. URL: <http://www.elitat.ru/index.php?rubrika=38&st=4211&type=3&str=1> (дата обращения: 5.11.2014).

⁶ Шарафиева А. Тайны татарского генома раскрыты // Вечерняя Казань. 6 сентября 2011 г.

⁷ Там же.

На одном из интернет-сайтов к перечню родов гаплогруппы Q относят знатный тюркский род Ашина, который через родство с американскими индейцами (тоже гаплогруппа Q) оказывается в одном дискурсивном пространстве с доколумбовыми цивилизациями Америки¹.

В среде технической интеллигенции всё большую популярность завоевывают представления, схожие с нацистскими. В декабре 2012 г. мне довелось присутствовать на посвящённой экологическим проблемам конференции, проходившей в стенах Казанского национального исследовательского технологического университета. С приветственным словом выступил ректор, в кулуарах бесплатно раздавали набор книг под авторством Б.М. и Т.Ф. Ханжиных, В.К. Артемьева, В.Н. Лыгина и др. Красивые фото цветов и животных на обложках явно диссонировали с содержанием. Согласно мнению авторов, биосфера планеты – единый живой организм, составной частью которого является человечество в целом и отдельные народы, в частности. Есть народы, численность и деятельность которых находится в равновесии с природой, но в то же время есть этносы, которые разрушают природу. К последним относятся евреи, якобы, создавшие современную, основанную на законах рыночной экономики техногенную цивилизацию. Авторы подозревают евреев в стремлении путём глобализации и «*всесмешения наций*» «*разрушить чистую линию крови арийцев*»². В то же время авторы постулируют генетическое родство евреев с «восточными расами», что автоматически включает в число «врагов» русского народа кавказцев и представителей стран Средней Азии (в тексте встречается реплика о «*хорошо умеющих торговать азербайджанцах*», которые торговали даже в Освенциме, перед тем как завтра их отправят в газовую камеру»)³. В брошюре ставится задача создания русского государства, которое существовало бы в гармонии с природой и занимало бы историческую территорию обитания русского народа. Постоянно в тексте говорится о необходимости приведения численности народа в соответствие с возможностями окружающей среды. Судя по выходным данным книги, её авторы – жители Астрахани. Можно предположить, что наблюдения за действительно имевшими место быть экологическими катастрофами Волги и Каспия, эмоциональные потрясения от этого и попытки осмыслить увиденное привели

¹ Древние рода [Электронный ресурс]. URL: http://rodstvo.ru/old_q.aspx (дата обращения: 5.11.2014).

² Ханжин Б.М., Ханжина Т.Ф., Артемьев В.К., Боровков Н.М., Лыгин В.Н., Петина К.В., Фадеев Ю.Н. Социально-экологический апокалипсис... перед концом жизни на планете Земля. Астрахань, 2008. С. 41.

³ Там же. С. 79, прямая цитата.

к формированию основанной на этнонационализме, расизме и антимодернизме «объяснительной теории».

Интересно заметить, что «генетический расизм» существует наряду с искренним отрицанием опыта нацистской Германии (например, в Татарстане сторонники определения национальности по «генетическим следам» в то же время негативно высказываются о попытках делить русских и татарских детей по способности прыгать в высоту, длину, набирать вес и т.д., объясняя это тем, что «от измерения черепов циркулем, как в гитлеровской Германии, нас отделяет очень тонкая грань»¹).

Биологизация и без того густо окрашенного в этнический цвет прошлого наблюдается в работах авторов, близких к политической элите Татарстана, выполняющих роль её идеологического рупора или даже входящих в неё. Один из лидеров татарского национализма бывший советник Президента Татарстана по политическим вопросам и действующий директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Рафаэль Хакимов в переизданной в 2007 г. брошюре 1993 г. «Сумерки империи», ссылаясь на Л.Н. Гумилёва, пишет об этносе как биосоциальном явлении, несущем в себе биологическую энергию и не подчиняющемся социальным законам. Якобы этнические признаки даются от рождения и не могут быть преодолены воспитанием².

Постулаты Р.С. Хакимова близки озвученным выше воззрениям Ф.А. Байрамовой, но в рассуждениях идеолога Казанского Кремля чувствуется стремление приспособить этнонационализм к условиям глобализации. В одной из работ он заявляет, что «мобильность, наличие контактов и обмен информацией – не враг этничности»³. В последней, ссылаясь на К. Юнга, Рафаэль Сибгатович видит физиологическое побуждение, инстинкт, проявляющийся через символические образы (архетипы)⁴. Из его

¹ Генетический портрет: как дивный призрак прошлых лет... (Интервью О.А. Кравцовой Г. Зайнуллиной) // Идель. 2007. № 4. С. 62. Видимо, здесь идет речь о реакции на работы типа защищенной годом позднее диссертации Н.М. Исламовой «Морфо-функциональные особенности детей и подростков г. Набережные Челны в связи с этнической принадлежностью и влиянием факторов окружающей среды» (Дис. канд. ... биол. наук: 03.00.14. М., 2008. 201 с.).

² *Хакимов Р.* Сумерки империи (к вопросу о нации и государстве) // Хакимов Р.С. Тернистый путь к свободе (Сочинения. 1989–2006). Казань, 2007. С. 56.

³ *Его же.* Этнология в России: проблемы и перспективы // Традиции и новации в сфере этноконфессиональных взаимодействий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 13–14 октября 2011 г. / Серия «Культура, религия и общество». Вып. 21. Под общей ред. Р.А. Набиева. Казань, 2012. С. 13.

⁴ Там же. С. 14.

слов можно заключить, что этничность может существовать и без культурного обрамления. В этой же статье он признаёт государство естественным этапом на пути этнического развития¹. В подобных построениях нетрудно увидеть попытки идеологически обосновать необходимость и «естественность» существования авторитарного режима в условиях глобализации и повсеместного распространения демократии. Работы Р.С. Хакимова являются «методологическим» основанием узкоспециальных исследований сотрудников возглавляемого им Института истории, что видно по многочисленным сборникам статей, как правило, начинающихся пространными рассуждениями Рафаэля Сибгатовича на историософские темы.

Увлёкшийся историческими сочинениями бывший глава администрации Нурлатского района Татарстана, а ныне депутат Государственной Думы РФ Фатих Сибгатуллин в своих произведениях пишет о ДНК народов и негативных последствиях межнациональных браков. Он утверждает, что в крови каждого человека имеется данная Богом некая энергия («У одной нации она более активная, у других менее» (! – А.О.)). Якобы, эта энергия проявляется в национальных чертах, менталитете и т.д. и передаётся по наследству. Смешанные браки у татар привели к смешению крови, благодаря чему начался упадок их духовной культуры, составлявшей «одну из основ непобедимости татарского народа»². На презентации своей очередной книги «Татары и евреи» Ф. Сибгатуллин заявил, что многие сделавшие генетический анализ татары, «согласно генетике», оказались евреями. Причины этого он видит во взаимодействии татар и евреев в Хазарском каганате, добавляя, таким образом, «хазарскому мифу» новое содержание³.

В дискурсе татарской национальной истории нашел отклик, в том числе и в биологизаторском ракурсе, начавшийся осенью 2013 г. украинский кризис. Главный редактор газеты «Звезда Поволжья», рассуждая об актуализированной этим событием геополитической концепции сохранения «русского мира», пришел к выводу о нежизнеспособности данной идеологемы. Одним из его доводов являлись данные генетики, согласно которым «*восточных славян не существует, русские есть конгломерат угро-финских племен на 95%*», и, в том числе, поэтому «*навязанная искусственная конструкция внутреннего напряжения не выдержит и развалится*». Видимо, чувствуя близость своих построений положениям нацизма,

¹ Там же. С. 7.

² Сибгатуллин Ф.С. От Аттилы до Президента. Кн.1. Великие хунны и Золотая Орда. Казань, 2008. С. 75, 152.

³ Ахметов Р. Татары и евреи // Звезда Поволжья. № 4(684). 6–12 февраля 2014 г. С. 2.

Р.Р. Ахметов дистанцировался от последнего путем апелляции к научному прогрессу: «*При Гитлере степень арийской благонадежности вычисляли средневековыми методами, а сейчас готов научный инструментарий*»¹ (имеются в виду достижения генетики. – А.О.).

11 апреля 2014 г. в Москве в постпредстве Татарстана на презентации упомянутой книги Ф. Сибатуллин «Татары и евреи» некий Роберт Нигматуллин доказывал, что русские и украинцы неродственные народы следующими положениями. Первоначально он заявил, что «*нация определяется не только генетикой*», но затем констатировал, что «*русские на 92 % угро-финны*», а «*украинцы по генотипу сарматы*». Татары, почти как и русские, «*на 95 % угро-финны*». Следовательно, русские с татарами более родственный народ, нежели с украинцами. Этими выкладками Р. Нигматуллин пытался объяснить нежелание украинских властей предоставлять русскому языку статус государственного².

Упомянувшийся выше директор Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Татарстана Р.С. Хакимов, комментируя открытие филиала возглавляемого им учреждения в Крыму, заявил, что «*татары – это исторически и генетически единый народ*». Таким образом, указывая на кровное родство крымских татар и татар, проживающих на российской территории, татарстанский идеолог обосновывал присоединение полуострова к России³. Интересно заметить, что незадолго до генетических доводов для обоснования близости крымских и российских (в частности, поволжских) татар Р.С. Хакимов апеллировал к доводам культурным: якобы, ещё со времен П.А. Столыпина тюркский язык был искусственно разделен на несколько языков, но сегодня, если «*не нужен переводчик, то язык, видимо, можно считать единым, так подсказывает здравый смысл*». Здесь же он, видимо, имея в виду своего оппонента по татарскому националистическому лагерю Д.М. Исхакова, обрушивается на ученых, которые подробно классифицируют татар вплоть до отдельных районов и деревень, констатируя, что «*интересы науки и потребности жизни сильно разошлись*»⁴.

¹ Ахметов Р. Русский мир // Звезда Поволжья. № 15(695). 24–30 апреля 2014. С. 1.

² Презентация // Звезда Поволжья. № 14(694). 17–23 апреля 2014. С. 2.

³ В Бахчисарае планируют открыть филиал Института истории АН РТ – Рафаэль Хакимов (28.04.2014) [Электронный ресурс]: Портал «Новости@mail.ru». URL: <http://news.mail.ru/inregions/volgaregion/16/society/18009880/?frommail=1> (дата обращения: 29.04.2014).

⁴ Хакимов Р. Сегодня от историков требуют обоснования близости тюрков. К этому подтолкнул Крым (5.04.2014) [Электронный ресурс]: Официальный сайт деловой электронной газеты Татарстана Бизнес Онлайн. URL: <http://www.business-gazeta.ru/readblog/2791/3436/> (дата обращения: 27.06.2014).

Приведенный материал отражает факты **прямой биологизации этничности** (выделено мною. – А.О.). Между тем, можно говорить и о наличии **биологизации косвенной** (выделено мною. – А.О.), которая непосредственным образом связана с представлениями о прошлом. Этот интересный феномен, видимо, является попыткой с помощью биологических терминов «законсервировать» определённые культурно-исторические образы, придать им признаки исконности и неизменности во времени. Так, Президент России В.В. Путин 19 сентября 2013 г. на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» говорил о «генетическом коде» многонационального и многоконфессионального российского государства¹ (это вызывает определённое беспокойство, т.к. по сложившейся ещё с советских времён традиции цитаты из речей высших руководителей оказываются во введениях диссертаций и монографий, а оттуда могут попасть и в учебные издания, в том числе и школьные, и восприниматься неподготовленным читателем они будут не на уровне метафоры²).

В публикациях гуманитариев Казани нередки выражения типа «этнический генофонд» и «культурно-генетический код российской цивилизации»³. Р.С. Хакимов, характеризуя подготовку и принятие Декларации о государственном суверенитете РТ, констатирует, что тогда (в 1990 г.) *«был заложен генетический код Татарстана»*⁴. Казанский общественный деятель, руководитель Приволжского (Казанского) регионального центра этно-религиозных исследований Российского института стратегических иссле-

¹ Путин: Эксплуатируя тему русского национализма, Россия встаёт на путь уничтожения своего генетического кода (19.0.2013) [Электронный ресурс]: NEWSBALT. URL: <http://www.newsbalt.ru/detail/?ID=13929> (дата обращения: 4.01.2014).

² В школьном учебнике по истории татарского народа и Татарстана повествуется, что в 1552 г. во время штурма Казани войсками Ивана Грозного *«кровь татарская текла рекой»* (Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана (Древность и средневековье): Учеб. для сред. общеобразоват. школ, гимназий и лицеев. Казань, 2000. С. 231). В используемом в казанских школах учебнике для 6–7 классов А.А. Преображенского и Б.А. Рыбакова при подведении итогов Семилетней войны констатируется: *«Фридрих безвозмездно получил обратно все отвоёванные у него земли, обильно политые русской кровью»* (Преображенский А.А., Рыбаков Б.А. История Отечества: Учеб. для 6–7 кл. общеобразоват. учреждений. М., 1996.С. 238). В обоих учебниках выражения «русская кровь» и «татарская кровь» даются без кавычек, и учащиеся 6–7 классов вряд ли поймут, что перед ними метафора.

³ См., например: *Коришнуова О.Н.* Традиции этноконфессионального диалога в Поволжье как составляющая исторической памяти // Вестник Казанского технологического университета: Т. 15. № 11. Казань, 2012. С. 309, 311.

⁴ *Хакимов Р.С.* Третьей столицей России Казань стала благодаря Договору 1994 года (18.02.2013) [Электронный ресурс]: Деловая электронная газета Татарстана «Бизнес Онлайн». URL: <http://www.business-gazeta.ru/readblog/2791/487/> (дата обращения: 9.11.2014).

дований (РИСИ), кандидат философских наук Фирдус Девбаш, называя язык основным признаком народа, пишет, что тот хранит в себе «духовные гены», «которые переходят из поколения в поколение»¹. К косвенной биологизации этничности можно отнести пассажи о национальной культурной клетке, капиллярах жизнедеятельности между народами и цельной ткани всей общечеловеческой культуры²; якобы, «не том» составе крови малых народов, что определяет ущемление их прав³; об изменяющихся за сто лет на полтора процента имперских генах, мешающих понять, что часы империи пробили⁴ и т.д.

Этнонационализмы и национальные истории, как их неотъемлемые части, будучи мифическим способом осмысления окружающей действительности, ситуативны, и поэтому биологизаторская риторика в рамках их дискурсов применяется разными авторами в зависимости от конкретных обстоятельств. Прямая биологизация этничности часто перемежается с косвенной. В качестве примера приведём содержание одного номера газеты «Звезда Поволжья» (№ 5 (685), 13–19 февраля 2014 г.). В редакторской передовице автор, рассуждая об открытии Олимпиады в Сочи, отмечал большое количество участвовавших в мероприятии татар, и связывал это с особым расположением к татарам Президента, который, якобы, сам утверждал списки. Видимо, желая использовать этот факт в дышущей уже не одно десятилетие полемике с башкирскими этнонационалистами, редактор счёл нужным добавить, что «на лице Руслана Захарова из Уфы явно отражались татарские гены»⁵. В этом же номере была помещена статья председателя Елабужского отделения Татарского общественного центра Р. Махмутова. Он высказывал негативное отношение к формированию российской национальной идеи на базе русской культуры и догмате православия в ущерб другим культурам и вероисповеданиям. По его мнению, это связано с утверждением, что в России «русских около 80 % населения». Р. Махмутов пытался опровергать эти цифры, в первую очередь, при помощи результатов исследований этногенетиков, которые, по его словам, выяснили, что «генетические современные русские (так в источнике. – А.О.) – вовсе не восточные славяне, а финны, варяги-русы, финно-угры, частично татары и др.»⁶. Здесь мы видим попытки напрямую связать биологические особенности населения России с проводимой государством культурной политикой.

¹ Девбаш Фирдус. Татарские молитвы. 2-е изд. перераб. и доп. Казань, 2011. С. 86, 87.

² Халим А. Козья слобода // Звезда Поволжья. № 35 (667). 19–25 сентября 2013 г. С. 2.

³ Его же. Анализ крови // Звезда Поволжья. № 25. 2–8 июля 2009 г. С. 2.

⁴ Тагиров И.Р. «В» или «С» // Звезда Поволжья. № 37(669). 3–9 октября 2013 г. С. 2.

⁵ Ахметов Р. Олимпиада // Звезда Поволжья. № 5(685). 13–19 февраля 2014. С. 1.

⁶ Махмутов Р. Языки и народы // Звезда Поволжья. № 5(685). 13–19 февраля 2014. С. 1.

Ответом на публикацию Р. Махмутова можно считать небольшую заметку заместителя председателя Общества русской культуры Татарстана, кандидата технических наук, доцента Казанского национального исследовательского технического университета М.Ю. Щеглова. Признавая пестроту «племенного» состава русского народа, Михаил Юрьевич утверждал, что это не является причиной для отрицания существования единого русского этноса. Он выделил четыре доминанты «русскости», из которых «*происхождение по крови*» является последней по степени важности, и «*для того, чтобы человека можно было полноценно назвать русским, она (доминанта. – А.О.) может теоретически составлять 0%*»¹. Первые три доминанты относятся к самосознанию и степени включённости в русскую культуру. Однако М.Ю. Щеглов полностью не отказался от биологического фактора и, подтверждая это личным примером, и вступая в противоречие с собственным предыдущим утверждением, заявил, что быть «русским во всей полноте», значит, соответствовать всем четырём доминантам.

Свидетельством косвенной биологизации этничности может служить размещённая в анализируемом номере «Звезды Поволжья» статья упоминавшегося выше Ф. Девбаша. Следует напомнить, что РИСИ, с одной стороны, позиционируется как учреждение, вырабатывающее православно-державническую «прокремлёвскую» идеологию, с другой – его казанский центр находится в столице возглавившего в 1990-е гг. «парад суверенитетов» Татарстана, чьи научные и общественные круги успешно вырабатывают собственную, часто оппозиционную Московскому Кремлю, идеологию. Попыткой сгладить противоречия является предложенная Ф. Девбашем концепция: на протяжении всей истории России православие скрепляло различные народы в одно целое, язык же сохранял «духовные гены» этих народов, не давая им превратиться в один народ. Следовательно, необходимо вспомнить о связующей нити православия при одновременном сохранении самобытности культур («духовных генов») народов России. Нетрудно заметить, что политическим элитам Москвы и Казани предложен синкретичный и компромиссный вариант общегосударственной идеологии².

¹ Щеглов М. Кто может считаться русским? // Звезда Поволжья. № 5(685). 13–19 февраля 2014. С. 4.

² Девбаш Ф. Прийти с крестом (доклад на конференции «Пути решения национального вопроса в Российской империи. Современный взгляд на дореволюционный опыт»). Москва, РИСИ, 24 декабря 2013 г.) // Звезда Поволжья. № 5(685). 13–19 февраля 2014. С. 3.

Обобщая на примере постсоветского Татарстана факты биологизации этничности, можно констатировать, что спроецированные в прошлое «гены» и «кровь» в определённых случаях становятся краеугольным камнем представлений об этническом. Объясняя этот феномен, нужно учитывать известное стремление этничности к оперированию некими неизменными «сущностями». Такие её классические маркеры, как язык и культура, со временем меняются, что не может не разрушать образы народов как стабильных образований. Кроме того, современная массовая культура более, чем успешно конкурирует с создаваемыми государством и интеллектуалами образцами т.н. «народной культуры», и выбор индивида часто оказывается не в пользу последней. Поэтому этничности в условиях современных мегаполисов трудно апеллировать к постоянно размываемым и фактически не имеющим чётких границ культурным символам. Отсюда понятно, почему представления об устойчивых в течение тысяч лет генах становятся всё более популярными – они обеспечивают воображаемой группе «стабильное существование»: родной язык можно не знать, о народных традициях и обычаях иметь смутное представление, вероисповедание можно сменить, но «кровь и плоть» – это то, что передаётся от предков и остаётся с человеком с рождения до смерти, и, якобы, обуславливает его «самость», независимо от личных взглядов и того, как его воспринимают окружающие.

ДНК и гены фиксируются материально, их можно сравнивать в количественном отношении, что создаёт предпосылки для точного процентного «измерения» этнического. В свою очередь, наличие «своего» генофонда и «своих» генов, как фундамента этничности, ещё жёстче и определённое, чем в случае с культурой, обосновывает необходимость существования для «чужих» непроницаемой границы. Эти «чужие» являются потенциальными врагами, т.к. даже без злого умысла вступая в брак с представителем «несвоей» национальности, они разрушают веками сохранявшийся генофонд. Таким образом, в условиях глобализации, казалось бы, стирающей культурные и национальные границы, обращение к «биологическому материалу» становится действенным инструментом сохранения представлений о целостности этнической группы.

Главной причиной биологизации этничности в массовом сознании является, на мой взгляд, не столько конструирующая деятельность интеллектуальной элиты и популяризация достижений биологической науки (хотя это тоже одна из причин, о ней ниже), сколько распространённая ассоциация «народов», «этносов», «национальностей» с большими семьями и мо-

делирование признаков этничности по привычным семейным параметрам, что и объясняет внимание к физиологическим данным¹.

Восприятие генов в этническом ключе находится в одной плоскости с определением кровного родства, например, отцовства и материнства, по результатам ДНК-анализа. Примордиальное понимание народа как большой семьи, общности кровных родственников, свидетельствует об архаичных представлениях относительно специфики социальных отношений, когда социальный акт ставится в один ряд с физиологическим, что внешне фиксируется как биологизация этничности.

В свою очередь, производящие символическую продукцию интеллектуалы являются частью общей культурной среды, что обуславливает принципиальное сходство их взглядов с распространёнными в обыденном сознании представлениями. Судя по приведённому выше фактологическому материалу, отличие состоит в оперировании учёными, публицистами, политиками и журналистами большим объемом эмпирических данных при сохранении базовых положений. Кроме всего прочего, этот феномен можно объяснить постоянно расширяющейся специализацией научного знания, когда исследователь, разрабатывая свою узкую тему, фактически не обращается к общеметодологическим вопросам, и минуя их, включает результаты своей работы в рамки распространённых в обществе мифов.

С другой стороны, в современной России этнонационализм фактически стал основой государственной идеологии, которая нуждается хотя бы в минимальной «логической» защите от столкновений с реальностью. Как было указано выше, быстрое течение современной жизни размывает прежние культурные, языковые и религиозные символы этничности, и поэтому интеллектуалы, стремясь обнаружить исходные основания «своей» этнической группы, всё чаще обращаются к генам, которые становятся недробимыми единицами этнического и которые в дискурсе национальных историй на протяжении тысячелетий обеспечивают органически единое существование народа, не смотря на смену языков, религий, изменения в материальной культуре, отсутствие государственности. Характерное для

¹ В 1994 г. члены татарского националистического движения «Комитет «Суверенитет»» опубликовали в своей газете мысли М. Каддафи, изложенные им в «Зеленой книге», о семье как центре социального устройства (*племя – это большая семья, ... нация – это большое племя, ... мир – это нация, но нация, разделившаяся на множество наций в результате роста населения...*) (Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 8245 (Комитет по защите и реализации суверенитета Татарстана «Суверенитет»). Оп. 1. Ед. хр. 3. Устав «Комитета «Суверенитет» от 25.11.1990» на 26 Л. Л. 25, 26).

этногенетического мифа особое структурирование времени, размытость границ между прошлым и настоящим, делают оправданным и актуальным поиски кровных предков своего народа в «глубине веков», и поэтому разработки профессиональных этногенетиков, позиционирующих, как отмечалось, геногеографию как историческую науку¹, оказываются вовлечены в орбиту национальных историй.

Кроме прямой биологизации этничности, приведённый материал свидетельствует о попытках косвенной биологизации понимаемой в этнических категориях культуры. Озвученные дефиниции о «этническом (в культурном смысле. – А.О.) генофонде», «культурно-генетическом коде российской цивилизации», «духовных генах», «социальных инстинктах» свидетельствуют о стремлении при помощи естественнонаучных терминов «упрочить» нечёткие этнокультурные образы и наделить их широкими возможностями для использования в бесконечной словесной эквилибристике. Нетрудно предвидеть, что косвенная биологизация под прикрытием использования междисциплинарных методов исследования постепенно может перейти в биологизацию прямую. Кроме того, использование биологических терминов применительно к социально-культурным феноменам создаёт у неподготовленного читателя неверное представление о специфике культурного, что, в свою очередь, накладывается на распространённое в массовом сознании естественно-примордиальное понимание этничности.

Интересно заметить, что косвенная биологизация часто встречается в работах бывших коммунистических идеологов, ранее специализировавшихся на изучении дружбы народов СССР и критике буржуазных «фальсификаторов», а в постсоветское время переквалифицировавшихся, главным образом, в культурологов. Известно, что в современных российских национальных республиках культурологическое знание этнизируется и используется как составная часть местных государственных идеологий. Использование же в идеологической риторике биологических терминов, пусть и в качестве метафоры, не может не вызывать тревоги.

Возвращаясь к озвученной в начале статьи цели, можно констатировать выявление закономерностей биологизации этничности в обыденном, публицистическом и научном (небиологическом) дискурсах национальных историй. Пути дальнейшей работы видятся в подтверждении или опровержении гипотезы о том, что генетики, биологи и медики, будучи, как историки и публицисты, частью социума, неосознанно встраивают узкоспециальные знания

¹ *Балановская Е.В., Балановский О.П.* Русский генофонд на Русской равнине. М., 2007. С. 10.

о генах и свойствах крови в общую для всей культурной традиции мифическую схему осмысления окружающего мира, распространяя её и на прошлое¹. На сегодняшний день назрела необходимость специального и полномасштабного анализа работ по этногенетике с позиций социально-культурной антропологии². Например, только ли научными соображениями оправданно характерное для профессиональных этногенетических концепций отождествление популяции (биологического явления), этноса (набора культурных представлений и символов) и нации (государства)? Необходимо также ответить на вопрос о том, в какой мере научные этногенетические исследования являются катализатором распространения биологического расизма в современном информационном обществе в целом, и в дискуссиях национальных историй в частности.

¹ Примером этому может служить интервью кандидата биологических наук, руководителя лаборатории молекулярно-генетического анализа кафедры биохимии Казанского государственного университета Ольги Кравцовой известному своей этнонационалистической ориентацией татарстанскому журналу «Идель». Бравшая интервью журналист Г. Зайнуллина с первых же слов позиционировала данные этногенетики как «*научное физическое определение этнической принадлежности людей*» и противопоставляла их «самовыбору», часто, якобы, основывающемуся «*на психическом внушении и политическом диктате*» (С. 60). Она утверждала, что «*национальность человека современными методами определяется со стопроцентным результатом*» «*по любому генетическому следу: крови, слюне, поту, волосу*». Однако Г. Зайнуллина сетовала, что «*метод сводится на «нет» легендированием, гуманитарно-историческими фантазиями, которые выдаются за «научную» основу национального самоопределения*» (С. 64). Генетик О.А. Кравцова не переубеждала в этом журналиста, а на наивный вопрос о генетическом оружии, «*которое будет «выкашивать» ненужные этносы по заданным генетическим маркерам*», ответила, что «*наша лаборатория этим не занимается*», и что «*создать генетическое оружие непросто*» (С. 60). Хотя О.А. Кравцова и констатировала, что «*чистокровного*» татарина «*просчитать*» практически невозможно (С. 62), из контекста можно понять, что трудно это сделать только из-за технической сложности задачи, а не её методологически неверной постановки. Она указывала, что «*различия в структуре ДНК по популяционному признаку очевидны*» (С. 62, под популяцией явно понимался этнос). Отвечая на вопрос журналиста о «*генетике ариев индоевропейской расы*» и теории близкого к нацизму мистика Германа Вирга о миграции «*белокурых голубоглазых людей с затонувшей Арктогеи с Северного полюса в южном направлении*» и «*катастрофе смешения*» их с «*гондванической расой*», О.А. Кравцова против него не протестовала, а наоборот, будто бы речь шла о доказанных научных фактах, отметила, что это «*свидетельствует об общем происхождении всего человечества*» (С. 64). О мифичности представлений О.А. Кравцовой за пределами своей специализации говорит её утверждение о разделении единой предковой популяции человечества на группы переселения в результате ... раскола материка Гондваны (С. 63), что, между прочим, произошло почти за полторы сотни миллионов лет до появления человека современного типа (кроманьонца) (Генетический портрет: как дивный призрак прошлых лет... (Интервью О.А. Кравцовой Г. Зайнуллиной) // Идель. 2007. № 4. С. 60–64).

² В.А. Тишков справедливо отмечает, что «*с этнологами генетики и биологи фактически не контактируют*» (Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 35).

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ НА ФОРУМАХ «САЙТА БУРЯТСКОГО НАРОДА»

Как известно, СССР был основан на принципе этнофедерализма, но возможности национальных элит в конструировании истории были ограничены идеологией коммунистической партии. После распада Союза и ослабления федеральной власти национальные элиты республик в составе РФ получили возможность формировать новые версии национальных историй и продвигать их на региональном уровне. Однако, начиная с 2000-х гг., федеральный центр стал возвращать свои позиции в национальных регионах, в том числе и в плане контроля над национальными элитами. В середине 2000-х гг., например, в Бурятии правоохранительные органы начали интенсивно работать с наиболее радикальными представителями национально-демократического движения. Интернет в таких условиях превратился в единственную относительно свободную от цензуры площадку конструирования истории национальных меньшинств в России.

С каждым годом роль Интернета в жизни людей возрастает, для молодого поколения он становится важным источником формирования коллективной памяти и конструирования национальной истории. «Всемирная паутина» в современной России становится одной из немногих площадок, на которой представители национальных групп могут продвигать свои альтернативные версии национальной истории.

В данной статье мы обращаемся к популярному форуму «Сайт бурятского народа» (СБН) и рассматриваем, как здесь конструируется национальная история. Эмпирические данные были собраны в 2008 г. в рамках социологической части проекта «Структурные конфликты в историческом сознании россиян: историко-социологический анализ». В 2013 г. данные были обновлены.

<http://www.buryatia.org> – культурно-исторический форум «Сайта Бурятского народа»: зарегистрированных пользователей около 17000. Подобные форумы были выбраны в качестве объекта исследования, исходя из того, что они претендуют на представление мнения всей этнической группы. нас интересовали следующие исследовательские вопросы: 1) Содержание истории бурятского народа, конструируемой на данном сайте; 2) Кто создает контент и какова целевая аудитория сайта.

Республика Бурятия является субъектом Российской Федерации и входит в состав Сибирского Федерального округа. Административно-хозяйственный и культурный центр республики – г. Улан-Удэ. На юге Республика Бурятия граничит с Монголией, на юго-западе – с Республикой Тыва, на северо-западе – с Иркутской, на востоке – с Читинской областями. Республика образована 30 мая 1923 г. Население – 959,9 тыс. (2007 г.): русские – 67,8%, буряты – 27,8%¹.

«Сайт Бурятского Народа» является одним из ярких примеров конструирования региональной и этнической истории в рамках «большой» российской истории. Создателями контента в истории бурятского народа выделяется несколько эпох: 1) домонгольский период; 2) монгольский период; 3) российский период; 4) советская эпоха.

Домонгольский период

Данный период истории обсуждается на форуме в связи с вопросом о происхождении монголов, в том числе и бурят. Хунну, сяньби и все империи, которые так или иначе соприкасались с территорией вокруг озера Байкал, сыграли свою роль в формировании бурятского этноса. Однако пользователи в основном обсуждают монгольский период и последующее существование в рамках российского государства.

Монгольский период – «золотой век» истории бурят

Монгольский период (XI–XVI вв.) – время, когда буряты не были отделены от великого монгольского народа и жили «свободно» в согласии со своими кочевыми традициями, т.е. в монгольский период население, проживавшее на территории Забайкалья, относилось к северной ветке монголов, а этнонима бурят не существовало.

Главной символической фигурой, вокруг которой выстраивается монгольский период – личность Чингисхана. На форуме Чингисхан наделяется ореолом сверхчеловека, который сочетал в себе все достойные настоящего правителя качества. Образ Чингисхана, который рисуется на форумах, неоднозначен, однако он все равно оценивается положительно. Период существования великой монгольской империи здесь представляется как «золотой век» всех монголов:

«Лучше, чем сделал Чингис Хан, не сделал бы никто другой. ... Все, чего добились и чем гордятся сейчас монголы и монголоязычные народы, все это

¹ Бурятия в цифрах / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РБ. Улан-Удэ, 2007. С. 3.

только благодаря той истории и тому, что все сложилось именно так, и никак иначе»¹.

На форумах пользователи оспаривают разные версии происхождения Чингисхана, склоняясь к тем из них, которые бы указывали на прямое наследование бурят великому прародителю: 1. Буряты – неотъемлемая часть монгольских племен, которые были под началом Великого хана; 2. Чингисхан происходил не из племен халха-монголов, а из племен хори-монголов, живших вокруг Байкала и впоследствии ставших хори-бурятами.

Великая монгольская империя рассматривается форумчанами как форма первой бурятской государственности. Некоторые пользователи выдвигают самые смелые версии интерпретации имперской истории:

«13–15 век. Древняя Русь входила в состав Улуса Джучи. Задачей Джучи было завоевание северных территорий. [...] Северные территории были на периферии политики Чингис хана и его потомков. Основные силы монголов были сосредоточены на трех других направлениях, особенно: Юг и Запад. Кто же тогда воевал Север? По всем прикидкам выходит, что северные монголы, т.е. буряты. Получается: Улус Джучи – это Великая Бурятия. Золотая Орда, а вместе с ней и Древняя Русь, Обе Болгарии, Унгария и прочие входили в состав Средневековой Бурятии»².

Пользователи вписывают себя в историю монгольской империи в качестве полноправных акторов, и таким образом присваивают российский имперский проект, опираясь в определенной мере на свободную интерпретацию версии истории Золотой Орды Льва Гумилева. Если Чингисхан был основателем великой монгольской империи и косвенно способствовал рождению российского имперского проекта, то хан Батый непосредственно стоял у истоков единого русского государства и, по сути, стал собирателем русских земель. Форумчане выдвигают предложения о возведении памятников двум незаслуженно забытым героям русской истории.

Российский период: история восточной окраины империи

Российская империя во многих темах рассматривается как прямая наследница Золотой Орды и монгольской империи, однако, форумчане признают, что в рамках нового имперского проекта бурятам была отведена

¹ Форум «Соёл түүхын шуулган», тема: «Оценка наследия Чингисхана» [Электронный ресурс]: Сайт Бурятского народа. URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=4046&highlight=%D0%BE%D1%80%D0%B4%D0%B0> (дата обращения: 12.10.2012).

² Форум «Соёл түүхын шуулган», тема: «Бурятская государственность» [Электронный ресурс]: Сайт Бурятского народа. URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=21284> (дата обращения: 12.10.2012).

роль колонизируемых, а русским – колонизаторов. XVII в., время присоединения территорий проживания бурятских племен к Российской империи, осмысливается как исторический рубеж, который отделяет славный монгольский период независимости от бесславного колониального существования в рамках российского государства.

Горячие споры среди форумчан вызывает вопрос интерпретации процесса присоединения: считать ли вхождение бурят в состав России мирным присоединением или же завоеванием и колонизацией? В дискурсе советской историографии существовало четкое определение этого присоединения как «мирного». Однако в 1990-е гг. в рамках регионального академического дискурса данная тема получила другое развитие. Мирное присоединение на основании архивных данных о столкновениях между казаками и бурятами было переключено в завоевание. В конце 2000-х гг. те же историки пришли к мнению, опять же на основании архивных данных, что присоединение можно квалифицировать как «добровольное вхождение» и в 2011 г. Бурятия отпраздновала 365-летний юбилей данного события.

На форумах СБН пользователи поддерживают версию о завоевании бурят русскими и осуждают бурятскую элиту за слабость перед экономическими вливаниями со стороны федерального центра, который к юбилейной дате выделил более 6 млрд. рублей на реализацию инфраструктурных проектов на территории Бурятии.

Необходимо заметить, что история последующих за XVII двух веков рассматривается форумчанами в основном в перспективе насильственного крещения, колонизации и «обрусения» бурят. Для них русификация – главный результат колонизации бурятских земель русским населением и насильственной христианизации, которая сопутствовала первому процессу: *«Христианизация в той форме и методами, которыми она осуществлялась, безусловно, по моему мнению, и мнению знакомых историков, имела отрицательные последствия, т.к. была, по сути, инструментом колонизации коренного населения и в определенной степени ослабляла иммунитет нации, в т.ч. и раскалывая бурят на шаманистов, христиан и буддистов»* (Форум «О насильственных крещениях». С. 2)¹.

¹ Форум «Соёл түүхын шуулган», тема: «О насильственных крещениях» [Электронный ресурс]: Сайт Бурятского народа
URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=4574&postdays=0&postorder=asc&highlight=%D0%9E+%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D1%85&start=15> (дата обращения 12.10.2012).

Буддизм так же, как и христианство, иногда рассматривается как религия, которую насадила царская власть, и поэтому буддизм нередко называют «царской религией». На форуме есть специальная тема «Болею шаманской болезнью, духи зовут на родину», в которой отстаивается мнение, что истинной религией бурят является шаманизм. С другой стороны, буряты, как буддисты, ждут прихода Будды Майтреи, который начнет войну всех против всех. Чудо нетленного тела хамбо-ламы Итыгилова также дает форумчанам основание считать буддизм традиционной религией бурят.

Советский период: жертва и вклад

Следующей важной эпохой в истории бурятского народа признается советский период, начиная с гражданской войны. Она занимает не последнее место в обсуждении истории Забайкалья и переосмысливается не как победа красных, а как поражение попытки реставрации монгольской империи. Барон Унгерн фон Штейнберг получает в глазах форумчан ореол героя, благодаря своей идее объединения монгольских племен. Атаман Семенов, сторонник Белого движения, который активно противостоял красным на территории Забайкалья, выделяется еще и в связи с его этническим происхождением (из смешанной русско-бурятской семьи, свободно владел бурятским языком). Таким образом, посредством утверждения его принадлежности к бурят-монголам и, в конечном итоге, к роду чингизидов устанавливается преемственность поколений лидеров бурятского народа.

Репрессии 1930–40-х гг. на сайте рассматриваются как сознательная акция российского государства по уничтожению национальных меньшинств. Именно с этим периодом советской истории форумчане связывают вопрос об уничтожении ламства и шаманов в Бурятии, а также вспоминают случай главы буддийской сангхи хамбо-ламы Итыгилова, который вошел в транс / нирвану, предчувствуя свой скорый арест, и чье нетленное тело было обречено буддистами России несколько лет назад.

Начиная с XVII в. до 30-х гг. XX в. буряты рассматриваются форумчанами в категориях жертвы российской империи. Однако, когда тема касается Второй Мировой войны, то роль бурят в истории России меняется. Буряты становятся полноправным субъектом истории России, т.к. они участвовали в войне на равных с русскими и внесли очень большой вклад в победу не только непосредственным участием в военных действиях, но и работой в тылу. Однако и здесь колонизаторы постарались обесценить вклад бурят и даже присвоить победы под Москвой себе, оставив в тени настоящих победителей – бурят-монголов. Так происходит мифологизация

«диких монгольских дивизий» и утверждение образа смелого, героического, но постоянно дискриминируемого бурятского народа.

В связи с темой войны широко обсуждается фигура И.В. Сталина, которой посвящена отдельная тема: «Личность Сталина». Образ Сталина для форумчан также символичен, как и фигура Чингисхана, он признается равным Великому хану, однако, если Чингисхан способствовал процветанию бурят, то Сталин, наоборот, сделал все, чтобы их уничтожить как нацию: разделил территорию Бурят–Монгольской республики, остановил развитие бурятской культуры посредством введения всеобщего светского образования и т.п.

Таким образом, пользователи сайта конструируют историю Бурятии в рамках разных имперских проектов. В монгольский период буряты выступают в качестве субъекта империи. В рамках российского проекта империи буряты рассматриваются и как жертвы колонизации, и в то же время как полноправные участники истории, которые внесли пусть и недооцененный, но огромный вклад в благополучие страны. У бурят есть два возможных сценария развития в будущем: поддаться окончательной русификации и потерять свое национальное самосознание, либо бороться за право национальной автономии и определения культурной национальной политики в регионе.

Цифровая диаспора и диаспора реальная

В своем исследовании мы попытались увидеть не только то, какую версию истории предлагает нам конкретное интернет-сообщество, но и как социальные факторы влияют на конструирование национальной истории. На основе интервью с несколькими участниками сайта и нашего личного знакомства со многими из них, мы можем утверждать следующее.

Создатели истории на данном сайте и её потребители – это дети бурятской интеллигенции, которые учатся в московских, Санкт-петербургских и даже зарубежных вузах. В данном случае можно говорить о создании цифровой диаспоры бурят, мигрировавших после окончания школы или университета в крупные города России или за рубеж.

В результате образовательной миграции в Москву и Санкт-Петербург, молодые буряты оказываются в новых травмирующих условиях. Они сталкиваются с ситуацией дискриминации по расовому признаку со стороны своих же сограждан, которые не знают в большинстве своем, кто такие буряты, не отличают их от китайцев и представителей среднеазиатских государств и относятся к ним, как «чужим». В таких условиях происходит проблематизация идентичности представителя национального меньшинства в новых социальных и культурных условиях проживания, в которых

«большинство» не признает их за «своих», принимая за гастарбайтеров и китайцев. Этот травматический опыт заставляет пользователей сайта искать поддержку своей идентичности в культурной и коммуникативной памяти и обращаться к истории своего народа. Таким образом, актуализация национальной идентичности в условиях отторжения большинством и расовой дискриминации формирует запрос на пересмотр истории своего народа и его роли в истории России.

Для пользователей становится особенно актуальной не только история бурят, но и владение бурятским языком, знание которого на малой Родине не представлялось ценностью – около 50% населения им не владеет¹. Среди городской молодежи процент намного выше. Молодые буряты начинают учить бурятский язык, на СБН они выкладывают материалы и договариваются о встречах с целью обучения.

Исследование показывает, что цифровая диаспора в случаях Москвы и Санкт-Петербурга совпадает с существующим бурятским землячеством. Сайт является информационной площадкой для двух землячеств – петербургского и московского: публикуются новости землячеств, объявления о предстоящих событиях. Землячества проводят «Бурятский новый год», конкурсы красоты, «Сурхарбан». Многие пользователи знакомы друг с другом в реальности, т.к. встречаются на мероприятиях, организуемых землячествами.

Таким образом, СБН выполняет две важные функции:

1. Интегрирующую: поддержание идентичности в травмирующих условиях крупных городов России;
2. Социальное воспроизводство бурятской интеллигенции как отдельной социальной группы.

Данная версия истории конструируется в особых условиях миграции и в рамках определенной узкой социальной группы, которая не представляет мнение большинства бурятского населения республики, но предъявляет претензии на право репрезентации всей этнической группы. Мы можем предположить, что многие темы, которые участники обсуждают на форуме, для жителей Бурятии не актуальны. Также пример сайта СБН демонстрирует, как цифровая диаспора способствует включению мигрантов в диаспору реальную и воспроизводству класса интеллигенции в условиях образовательной миграции.

¹ Амоглонова Д.Д., Елаева И.Э., Скрынникова Т.Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период) [Электронный ресурс]: URL: Сайт «Иркутский МИОН» http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/buryat3/ (дата обращения 12.10.2014).

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
В ПОСТНАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ:
«БОЛЬШИЕ НАРРАТИВЫ» ИЛИ «МЕСТА ПАМЯТИ»
(НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОЙ
И ЭРЗЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЙ)**

Традиционно считается, что национальные истории являются последними сферами доминирования т.н. «больших нарративов» – крупных исторических рассказов, в центре которых – коллективное восприятие опыта и прошлого того или иного сообщества. В зависимости от политической ситуации и идеологической конъюнктуры национальные истории могли писаться как преимущественно социально-экономические истории классов и классовой борьбы или как истории национальные, центральным героем которых выступала именно нация – как правило, в своем внеисторическом, примордиальном качестве. На современном этапе развития исторического знания подобные исторические схемы переживают кризис, а эпоха (пост)постмодерна и вовсе ставит вопрос о «смерти больших нарративов». На смену им приходят альтернативные множественные истории, которые воображаются в качественно иных системах координат.

Центральными героями таких новых версий истории могут быть нации, политики, регионы, классы, а сами «новые истории» пишутся в рамках конструктивистской или модернистской парадигмы. Условно такие истории могут быть определены как истории, написанные в системе координат, центральными ориентирами в рамках которых являются «места памяти» – коллективные представления об историческом прошлом групп, наций, сообществ, соотносимые не только с той или иной территорией, но и политическим, интеллектуальным и прочим опытом нации как «воображаемого» / «воображенного» сообщества. Одновременное сосуществование истории в форме «больших нарративов» и множественных фрагментированных историй как «мест памяти» придает особую актуальность анализу различных исторических нарративов, которые воображаются и развиваются в национальных историографиях в современной Российской Федерации.

В центре авторского внимания в настоящем тексте пребывают противоречия, сложности и особенности написания истории как в рамках «больших нарративов», так и в контексте «мест памяти» на примере двух национальных историографий в современной России (чувашской и эрзянской), которые функционируют в рамках дихотомии одновременного сосущество-

вания фактически несоветских «больших нарративов» и альтернативных версий и форм исторического национально ориентированного воображения.

В качестве условного источника для изучения чувашского материала используем первый том «Истории Чувашии новейшего времени», хотя мы могли бы расширить анализ и на второй том, что в принципе не имеет принципиального значения, т.к. оба тома написаны в рамках единой исследовательской парадигмы. «История Чувашии новейшего времени», изданная в начале 2000-х гг., отражает все «родовые травмы» несоветской историографии. Поэтому «История» имеет несколько видоизмененную и модифицированную структуру, унаследованную от более ранней историографии.

Структура «Истории Чувашии новейшего времени» обладает характерными чертами несоветского восприятия истории, поэтому история Чувашии позиционируется как региональное отражение тех исторических явлений и процессов, которые имели место в рамках общероссийской истории в целом. Поэтому совершенно неудивительно и то, что сам стиль и язык подобных больших синтетических версий истории остался фактически несоветским. В подобной ситуации ключевыми моментами в истории Чувашии становятся события, значение которых проецируется с перспективы истории России в целом: гражданская война¹, новая экономическая политика², период индустриализации и коллективизации³, Великая Отечественная война⁴. Аналогичную структуру, только в иной хронологической перспективе имеет и второй том «Истории Чувашии новейшего времени».

Описание истории в рамках этой версии ее восприятия требует и определенного научного, точнее политического, языка, наполненного патетическими и идеологически выверенными сентенциями, например – «*победа Советского Союза в годы Великой Отечественной войны стала возможной потому, что все народы нашей страны приняли в ней самое активное участие, внося свои усилия в дело разгрома врага. Чувашский народ с честью выполнил свой патриотический долг перед Родиной* (выделено мною – М.К.)»⁵. Примечательно, что в рамках подобного языка написания / описания истории доминирует не

¹ Изоркин А.В. Чувашия в 1917–1920-х годах // История Чувашии новейшего времени / ред. И.И. Бойко. Кн. 1. 1917–1945. Чебоксары, 2001. С. 13–81.

² Клементьев В.Н. Период новой экономической политики // История Чувашии новейшего времени / ред. И.И. Бойко. Кн. 1. 1917–1945. Чебоксары, 2001. С. 82–142.

³ Его же. В 1930-е годы // История Чувашии новейшего времени / ред. И.И. Бойко. Кн. 1. 1917–1945. Чебоксары, 2001. С. 143–213.

⁴ Александров Г.А. Годы Великой Отечественной войны // История Чувашии новейшего времени / ред. И.И. Бойко. Кн. 1. 1917–1945. Чебоксары, 2001. С. 214–261.

⁵ Там же. С. 261.

национальный контент, а проявления политической лояльности, следование раннее сложившимся клише и идеологическим формулам, что в существенной степени ограничивает пространство историка для маневра: вместо, например, анализа собственного чувашского контекста формирования нации, историк фактически вынужден воспринимать уже сложившуюся систему исторических ролей, разделения на «старших» и «младших» братьев.

Фактически выше описан случай нормативной историографии, но проблема осложнена и тем, что нормативизм характерен не только для несоветской, но и для национально ориентированной историографии. Наряду с академическими исследованиями, активно издаются научно-популярные книги в стиле фолк-хистори, авторы которых предлагают написанные в этнической системе координат версии чувашской истории. Академическая версия древней и ранней чувашской истории, например, представлена в исследованиях В. Иванова¹. В них мы находим модифицированную советскую версию истории чувашей со следующей периодизацией:

- прототюркский этап (с древнейших времен до середины I тыс. до н.э. – распад прототюркского праязыка в Центральной Азии на две ветви (огурскую и огузскую));
- огурский этап (с середины I тыс. до н.э. до начала н.э. – период обитания огурских племен в составе хуннского союза племен);
- оногурский этап (с начала н.э. до III в. н.э. – проникновение огурских племен в Центральную и Среднюю Азию, переселение в Приуралье, кочевки на территории Южной Сибири совместно с угорскими племенами – предками венгров);
- древнеболгарский этап (с IV до VI вв. – период обитания на территории Северного Кавказа, между Доном и Кубанью, в Прикаспии);
- среднеболгарский этап (с VIII до XVI вв. – переселение в Волго-Камье, существование Волжской Булгарии, ее падение под ударами монголо-татар и дальнейшее существование предков чувашей в составе Золотой Орды и государств-наследников, например – Казанского ханства);
- новобулгарский или чувашский этап (с 1551 г. до современности – вхождение в состав России и дальнейшая консолидация собственно чувашей).

Для В. Иванова как автора вполне академического характерны те же приемы, которыми пользуются националисты, не отягощенные научным инструментарием. Он наряду с чувашскими националистами озабочен (но в меньшей степени, чем вторые) поиском великих предков. Таковыми, по версии В.

¹ Подробнее см.: *Иванов В.* Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары, 2005. С. 74–120.

Иванова, являлись «прототюркские племена», «тюркоязычные предки чувашей», «проточувашские племена», «оногуро-болгарские и сабирские племена», «болгары», «сувары», «суварская народность». «Булгаро-чуваши» в концепции В. Иванова появляются относительно поздно – только в золотоордынскую эпоху, а формирование чувашей – процесс почти современный (хотя сам В. Иванов подобной терминологии не использует), протекавший в составе Российского государства. В целом, для концепции В. Иванова характерно стремление сформировать линейную генеалогию из этнических групп и сообществ, которые исторически предшествовали чувашам, но не искусственное навязывание современной чувашской этничности отдаленным предкам чувашей.

Концепция В. Иванова представляет собой национально ориентированную, но одновременно и академическую версию чувашской истории. С другой стороны, она носит компромиссный характер, являясь как следствием отказа от идеологически выверенных интерпретаций советского периода, так и попыткой примирить националистов и академическое сообщество. В самых общих чертах концепция В. Иванова, являясь продолжением более ранних советских версий истории, содержит те идеи, которые могут в одинаковой степени оказаться востребованными как националистами, так и исследователями. От чувашского национализма В. Иванов заимствует идею славной и древней истории. С другой стороны, его интерпретации в большей степени научны и академичны: он весьма осторожно и нейтрально предпочитает писать о предках чувашей, а не о древних чувашах. Более того, версия этнической чувашской истории, предложенная В. Ивановым, имеет в определенной степени модернистский и конструктивистский характер: появление чувашей не как нации, а только общности не связывается им с древними периодами истории (что является одним из излюбленных приемов националистов и адептов фолк-истории), а датируется относительно недавними этапами истории Чувашии.

В этом отношении фигура В. Иванова и других исследователей, связанных с официальными академическими институтами, к сожалению, маргинальна, т.к. тон в формировании и функционировании современного националистического чувашского дискурса задает уже не университетская интеллигенция, отягощенная специальным образованием и имеющая опыт научно-исследовательской работы и использующая научный инструментарий, а авторы популярных версий чувашской истории, выдержанных в стиле фолк-истории, которые озабочены поиском великих предков, созданием древней и славной истории, что придает их построениям этноцентричный характер.

Противоположный вариант развития национальной историографии представлен эрзянскими историческими исследованиями. В отличие от чу-

вашских исторических штудий, они в большей степени фрагментированы, а в их развитии также четко просматривается сосуществование нормативной историографии и противоположных им этнических тенденций. В подобной ситуации язык исторического воображения также чрезмерно фрагментирован. Поэтому в рамках эрзянского дискурса могут одновременно сосуществовать идеи, сводящиеся к тому, что «*эрзянская працивилизация 1,5 лет до н.э. это большая семья северных народов, несущих арийскую культуру (эти же парсы-авестинцы, племена хурвитов, эламцев, этрусков и других) – Волжская общность, прагосударство образовалось после изгнания агрессивных ариев (кончился век войн). Народности, несущие культ Иньдры, обожествляющие насилие и смерть изгнаны с Евразии*»¹ или к тому, что «*в 17 веке эрзянин патриарх Никон духовно оздоровил Россию, укрепил её государственность, явился инициатором присоединения Украины к России. В начале 20 века эрзянин Ленин (по отцовской линии) совершил социалистическую революцию и вывел Россию на дорогу прогресса и процветания, на которой она стала самой совершенной цивилизацией на земле, а русский народ – самым великим и сильным народом в мире*»². Фактически два приведенных выше фрагмента демонстрируют две версии национализации исторического воображения – по направлению этнизации истории в контексте поиска чрезвычайно великих предков и в деле актуализации особой мессианской роли того или иного сообщества.

Подводя итоги, следует принять во внимание ряд факторов, связанных с развитием национальных историографий в современной Российской Федерации. Историографическое пространство в России развивается в условиях значительной фрагментации. В методологическом плане в современной историографии сосуществует как несоветская инерция, так и попытки предложить качественно новые модусы написания / описания историй. Ситуация осложняется тем, что в современной России история, как правило, не воспринимается в качестве национальной истории. Профессиональные сообщества российских историков по-прежнему предпочитают руководствоваться старыми, фактически советскими, схемами написания историй как социально-экономических и политических.

¹ От Тюшти к Заратустре... Интервью с директором Музея эрзянской культуры Николаем Ивановичем Аношкиным [Электронный ресурс]: Региональная общественная организация Эрзянь Вайгель. URL: <http://www.goloserzi.ru/ru/etnos/istoriya1/ot-tyushtik-zaratustre.html> (дата обращения: 13.08.2014).

² Шаронов А. Народ Эрзя и Русь: в фокусе русского неславянина [Электронный ресурс]: Эрзянь ки. Культурно-образовательный портал URL: <http://www.erzan.ru/news/narod-erzja-i-rus-v-fokuse-russkogo-neslavjanina-aleksandrsharonov> (дата обращения: 13.08.2014).

Приверженность к подобному восприятию содействует минимизации национальной доминанты в истории. Поэтому, в независимости от региона, истории конструируются по негласно принятому набору норм и правил. Подобная история – это история политических, социальных и экономических отношений, реже – институтов. Такая версия истории, как правило, жестко привязана к той периодизации, которая принята в рамках условно национальной истории в целом, т.е. истории России, хотя последняя национальной не является и на статус таковой почти не претендует. Тем не менее, тенденция к переносу некой весьма условной общероссийской периодизации на национальные истории в Российской Федерации является несомненной, что крайне негативно влияет на развитие местных национальных историографий, низводя национальные или потенциально национальные истории республик в составе РФ до региональных измерений, проявлений и уровней российской истории.

Подобные тенденции почти безраздельно доминируют, например, в историографии современной Чувашской Республики. Синтетические, обобщающие версии истории Чувашии фактически представляют собой несколько измененные версии истории Чувашской АССР: в таком восприятии истории национальное минимизировано, предстает как фон реализации фактически воображаемого общероссийского исторического процесса. Кроме того, структурно подобные версии региональных историй также практически не отличаются от больших нарративов, принятых при написании истории России в целом. Анализируемая форма исторического воображения фактически исключает из сферы внимания исследователей многочисленные вопросы, связанные, например, с генезисом нации, формированием современных наций, их современным характером. Многие важные факторы фактически игнорируются или воспринимаются как второстепенные, в то время как аналогичные проблемы характерны и для альтернативных постмодерновых версий национальной истории, которые, наоборот, могут быть чрезмерно фрагментированными. На смену синтетической большой истории, как истории рассказов, принятых или принимаемых большинством общества, могут приходиться фрагментированные истории в форме историй-дискурсов, изолированных или в значительной степени оторванных друг от друга исторических сюжетов, хотя кризис истории как большого нарратива пока не наступил, а прогнозировать его наступление в ближайшей хронологической перспективе представляется проблематичным в контексте новейших мероприятий российских политических элит, направленных на форматирование и унификацию исторического знания.

Тем не менее, различные версии написания / описания истории, вероятно, будут иметь место и в дальнейшем, хотя нельзя исключать и попыток

элит принудительно распространить одну официально признанную версию истории, в том числе и в национальных регионах. В подобной ситуации возможна актуализация альтернативных версий написания / описания истории как ответной реакции. В целом, историографическое пространство в современной РФ продолжает существовать и развиваться как фрагментированное и гетерогенное, основанное на одновременном сосуществовании фактически неосветских и альтернативных версий исторического воображения.

«ИМЕНЬКОВСКАЯ ПРОБЛЕМА»: ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ (ОТВЕТ Н.А. ЛИФАНОВУ)

Данная статья написана в редком по нынешним временам жанре ответа на рецензию, к чему меня побудили весьма своеобразный стиль рецензии Н.А. Лифанова на черновую рукопись моей брошюры «Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников)» (СПб.; Казань, 2011) и своеобразные обстоятельства ее выхода в свет¹.

¹ Ответственный редактор книги казанский ученый Александр Викторович Овчинников отправил летом 2011 г. черновой текст ее рукописи Н.А. Лифанову с предложением быть рецензентом книги. К сожалению, того, что произошло дальше ни я, ни А.В. Овчинников не могли даже предположить: из-за выявившихся концептуальных разногласий по вопросу раннего славянского присутствия в Среднем Поволжье Н.А. Лифанов, по-видимому, решил сорвать издание книги, а для этого пошел на поступок, право оценить моральную сторону которого я предоставляю читателям: в нарушение элементарных норм научной и человеческой порядочности Н.А. Лифанов выложил вместе со своей отрицательной рецензией черновой текст неопубликованной книги во всеобщий доступ в сеть Интернет, не спросив разрешения ни у меня, ни у А.В. Овчинникова.

Общее ощущение от рецензии Н.А. Лифанова у меня такое, словно он отнюдь не ставил цели поиска научной истины. Вместо этого он просто старался всеми возможными и невозможными способами «ошельмовать» и «заклеймить» меня и в моем лице – всю концепцию славянской этнической атрибуции именьковской археологической культуры, дабы никому впрямь неповадно было ставить вопрос о раннеславянском присутствии в Среднем Поволжье.

После того, как Н.А. Лифанов выложил свою рецензию в интернете, я написал на нее ответ (*Жих М.И.* Ответ Н.А. Лифанову [Электронный ресурс]: «Румянцевский музей». URL: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2120> (дата обращения 1.10.2014)), где подробно указал на многочисленные ошибки, передергивания и подтасовки ее автора (достаточно сказать о том, что на момент написания «рецензии» Н.А. Лифанов даже не знал точно, какие именно арабские авторы упоминают *Нахр ас-сакалиба* – «Славянскую реку» и при этом «вничтоже сумняшеся» взял на себя роль эксперта по данной теме). Но на этом история не закончилась: прочитав мой ответ на свою рецензию, Н.А. Лифанов существенно переработал и отредактировал свой текст, устранил из него грубые ошибки, после чего перевыложил рецензию на сайте «Археология.ру» (http://www.archaeology.ru/Download/Lifanov/2011_Zich.pdf (документ не обнаружен. – прим. ред.)). В связи с этим, мне пришлось написать дополнение к своему ответу (*Жих М.И.* Дополнение к ответу Н.А. Лифанову от 26.03.2012 [Электронный ресурс]: «Румянцевский музей». URL: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2120> (дата обращения 1.10.2014)). Затем веще несколько изменённом виде рецензия Н.А. Лифанова вышла во втором выпуске «Российского археологического ежегодника». Как сообщила мне перед её выходом О.А. Щеглова, член редколлегии этого издания, в том же номере должен был выйти и мой ответ на неё, но этого не произошло. Тогда О.А. Щеглова сообщила мне, что он выйдет в следующем, третьем номере этого издания. Там он, однако, тоже не вышел, о чём я узнал только постфактум. Учитывая нежелание редколлегии РАЕ печатать мой ответ Н.А. Лифанову, которое является нарушением основополагающих принципов научной этики, в соответствии с которыми публикатор некоей рецензии обязан публиковать и ответ на неё, мною было принято решение о передаче ответа Н.А. Лифанову для публикации в настоящий сборник.

Представляю дополненный вариант своего ответа на рецензию Н.А. Лифанова с некоторыми сокращениями.

Большая часть возражений Н.А. Лифанова строится по следующей схеме: он, с одной стороны, хочет «поймать» меня на каких-то «ляпах», а с другой – постоянно подчеркивает, что те концепции археологов, на которые я опираюсь, не единственные и противопоставляет им альтернативные концепции других археологов. Основное содержание моей работы было при этом или не понято Н.А. Лифановым, или намеренно им проигнорировано. Оно состоит в попытке привлечь к спору археологов об этносе носителей именьковской археологической культуры письменные источники, и с опорой на них выяснить, кто в этом споре прав. Именно на основе этого анализа, а вовсе не «на основе случайных, гадательных принципов» я и пришел к выводу о том, что правы те археологи, которые считают «именьковцев» (или какую-то их часть) одной из праславянских группировок (Г.И. Матвеева, П.Н. Старостин, В.В. Седов и т.д.), что было Н.А. Лифановым проигнорировано.

Когда я приступал к этой работе, начатой как историко-географическое исследование, призванное прояснить вопрос о том, какой водный объект средневековые восточные авторы именуют «Славянской рекой», у меня не было четкой позиции на этот счет. Но по мере того, как я по ходу работы пришел к выводу о том, что под этим названием подразумевается преимущественно Волга, а в Среднем Поволжье восточные авторы помещают неких «ас-сакалиба» – славян, оказалось, что этот вывод прекрасно согласуется с позицией указанных археологов и служит ее независимым подтверждением. В «готовом» тексте работы, правда, изложение ведется как бы в обратной последовательности для того, чтобы сделать ее более понятной.

Н.А. Лифанов утверждает, что «уже на с. 17 *a-priori*, без аргументации он сразу становится на позицию атрибуции «реки Атиль» средневековых восточных источников исключительно как Волги, изначально навязывая ее читателю». Написать такое можно только при условии полного незнания средневековых источников, в которых Итиль/Атиль – это наименование **именно и только** (выделено мною. – М.Ж.) современной р. Волги в ее Среднем и Нижнем течении плюс р. Камы¹. Или Н.А. Лифанов открыл какие-то неизвестные никому источники, в которых это название употребляется в ином значении?

Сама по себе ситуация, при которой в археологической науке существуют не просто разные, но нередко и полярные мнения по тем или иным

¹ *Golden Peter B. Khazar Studies. Budapest, 1980. P. 224–229.*

вопросам, говорит о том, что на данном этапе средствами только археологии целый ряд вопросов не может быть решен однозначно. В частности, к таковым вопросам принадлежит и проблема этноса «именьковцев». Поэтому избранный Н.А. Лифановым путь противопоставления позиции одних археологов взглядам других и на этом основании отвергать данные письменных источников мне видится тупиковым. Перспективным я считаю иной подход: анализом данных письменных источников (если они есть) проверять мнения археологов. Именно попытка такой проверки и была мною предпринята.

Никакого иного объяснения сведениям блока арабских источников, помещающих в Среднем Поволжье неких «сакалиба»¹, которое позволило бы обойтись без «именьковской гипотезы», Н.А. Лифанов не предложил и более того – фактически проигнорировал эту проблему, поэтому его критика фактически «повисает в воздухе».

Начинает свою рецензию Н.А. Лифанов с тенденциозного утверждения, что *«прямое отождествление именьковской археологической культуры с праславянскими или просто славянскими племенами, популярно ныне главным образом в околонучной публицистике»*. Что ж, если для него такие авторитетные ученые, как Г.И. Матвеева, П.Н. Старостин, В.В. Седов, С.Г. Кляшторный² и другие сторонники этой позиции – «околонаучные публицисты», то здесь нечего комментировать. Отметим только, что он серьезно искажает позицию Г.И. Матвеевой о славянской этнической атрибуции носителей именьковской культуры, которая не раз была ей совершенно четко озвучена в целом ряде работ начиная с 1980-х гг.³ и при этом, словно сознавая, что его слова не находят никакой опоры в работах Г.И. Матвеевой, Н.А. Лифанов прибегнул к аргументу, который, видимо, должен был сразу убедить всех, что только ему известны истинные взгляды

¹ А так арабские авторы именовали именно «славян». «Расширительная» трактовка содержания этого этнонима, предложенная некогда А.З.В. Тоганом, не нашла своего подтверждения: *Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в арабском мире в раннее средневековье. М., 2002.

² *Матвеева Г.И.* Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара, 2004. С. 74–77; *Седов В.В.* Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 245–255; *Кляшторный С.Г.* Праславяне в Поволжье // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск, 2006; *Кляшторный С.Г., Старостин П.Н.* Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002.

³ По словам Н.А. Лифанова, она будто бы *«лишь констатировала отдельные черты сходства именьковских и раннеславянских материалов»* и, якобы, склонилась к позиции о славянстве носителей именьковской культуры *«лишь в конце своей научной деятельности»*.

Г.И. Матвеевой и для того, чтобы ознакомиться с ними, обращаться к ее собственным работам совсем не обязательно: *«Могу судить об этом не только на основании публикаций, но и многолетнего личного общения с Галиной Ивановной»*. Однако Н.А. Лифанов был далеко не единственным человеком, с которым общалась и обсуждала именьковскую проблематику Г.И. Матвеева.

Множественно обсуждала она эти темы, например, с известным востоковедом – заведующим отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН Сергеем Григорьевичем Кляшторным, посвятившем проблеме соотношения именьковской культуры и помещаемых арабскими авторами в Среднем Поволжье *ас-сакалиба*-славян цикл работ¹. Ныне я развиваю концепцию С.Г. Кляшторного², и мы с ним не раз обсуждали соответствующие вопросы. По словам Сергея Григорьевича, Г.И. Матвеева с 1980-х гг. не сомневалась в славянской принадлежности «именьковцев», а отрицать её приоритет в выдвижении данной гипотезы – поступать некорректно. Вот выдержка из интервью, взятого мной у С.Г. Кляшторного в конце 2012 г.:

– *Сейчас некоторые так подают дело, что это Седов первым высказал мнение, что «именьковцы» были славянами. Вот, к сожалению, даже один из учеников Галины Ивановны Матвеевой, Николай Лифанов это утверждал в споре со мной.*

– Ну, это не хорошо, конечно, так говорить, некорректно по отношению к Галине Ивановне Матвеевой. Она эту идею выдвинула задолго до Седова, мы с ней обсуждали это, она рассказывала, как ещё в 1980-е гг. «пробивала» свои взгляды о славянской принадлежности именьковской культуры. Седов тогда и не думал об этом. Потом уже, в середине 1990-х гг., он выводы Матвеевой воспринял и ввёл их в общеславянский контекст, будучи лучшим знатоком славянской археологии в целом. Но славянская атрибуция именьковской культуры – это, в первую очередь,

¹ *Кляшторный С.Г.* 1) Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I. М., 1964. С. 16–18; 2) Межкультурный диалог на Великом Волжском пути: исторический аспект // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 2001. С. 56–60; 3) Праславяне в Поволжье; *Кляшторный С.Г., Старостин П.Н.* Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. С. 210–217.

² См. его рецензию на мою работу: *Кляшторный С.Г.* Рец. на: Жих М.И. Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников). СПб.; Казань, 2011 // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия 5: История и филология. 2013. Вып. 3. С. 121–122.

заслуга Матвеевой, Седов только поддержал её, но до того она уже много лет отстаивала славянство «именьковцев»¹.

Для того, чтобы узнать, кто говорит правду: С.Г. Кляшторный или Н.А. Лифанов, предоставим слово самой Галине Ивановне Матвеевой. В 2004 г. она писала о себе в третьем лице: «**В 1988 году Г.И. Матвеева попыталась обосновать славянскую атрибуцию именьковской культуры** (выделено мною. – М.Ж.) [*Матвеева Г.И. К вопросу об этнической принадлежности племен именьковской культуры // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма (сборник тезисов). М., 1988*]². В 1988 г., а вовсе не «в конце своей научной деятельности» как утверждает за нее Н.А. Лифанов!

И далее исследовательница продолжала, словно поясняя Н.А. Лифанову, который убежден в том, что «*прямое отождествление именьковской археологической культуры с праславянскими или просто славянскими племенами впервые было сделано В.В. Седовым*»: «**Позднее ее** (Г.И. Матвееву. – М.Ж.) **поддержал В.В. Седов** (выделено мною. – М.Ж.) [*Седов В.В. 1) Симпозиум «Проблема именьковской культуры» // Российская археология. 1994. № 3; 2) Очерки по археологии славян. М., 1994*]. В настоящее время эта точка зрения приобретает все большее число сторонников [*Баран В.Д. Венеди, склавіни, та анти у світлі археологічних джерел // Проблеми славянської археології. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. I. М., 1997. С. 154*]. О славянской принадлежности именьковских племен свидетельствует их погребальный обряд... Особенно показательно отсутствие в именьковских погребениях этноопределяющих женских украшений, которые присутствуют почти в каждом женском захоронении балтов и финно-угров... Типично именьковских украшений вообще не существовало, как не было их у всех славянских племен вплоть до VIII века, что также было подмечено Л. Нидерле [*Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956*]. Поселения именьковской культуры, как и все славянские, располагались группами – «гнездами». Как и у племен пражско-корчакской культуры, основным типом жилищ у именьковцев были полуземлянки квадратной формы... Можно отметить черты именьковской керамики, общие с керамикой других славянских

¹ Кляшторный С.Г. О славянах Среднего Поволжья и о коллегах-славистах (интервью записанное М.И. Жихом 15.11.2012) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). Самара, 2013. С. 70.

² Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв... С. 74.

культур... *Одинаковы типы глиняных биконических пряслиц*»¹. Сделанные исследовательницей выводы о судьбе части потомков «именьковцев» также вполне однозначны: *«Из сказанного следует, что в начале X века население Волжской Болгарии состояло из тюркских и славянских племен»*². Цитировать работы Г.И. Матвеевой можно и дальше, и везде она высказывает свою позицию об этносе «именьковцев» совершенно недвусмысленно, а вот зачем Н.А. Лифанов искажает и «затуманивает» позицию Г.И. Матвеевой – вопрос интересный...

Элементарные правила научной этики требуют бережного отношения к памяти ушедших исследователей, т.к. они уже не могут ответить и «постоять за себя». Искажать их позицию, чтобы «подтянуть» ее к своему видению вопроса – откровенно некрасиво.

Далее Н.А. Лифанов пытается оспорить мой тезис о том, что происхождение имениковской культуры из ареала культур полей погребений (зарубинецкой и развившейся из нее киевской, пшеворской и черняховской) хорошо согласуется с гипотезой о праславянской этнической принадлежности ее носителей или какой-то их части, приводя два контрдовода. Во-первых, по словам Н.А. Лифанова, *«связь указанных археологических культур со славянами с позиций археологической науки остается до конца не определенной, однозначной славянской атрибуции не получила ни одна из них»*. Но подавляющее большинство археологов-славистов при различии взглядов по ряду конкретных вопросов ищет предков исторических славян именно в рамках означенного культурного ареала (Б.А. Рыбаков, И.П. Русанова, В.В. Седов, П.Н. Третьяков, Е.А. Горюнов, В.Д. Баран, Д.Н. Козак, Р.В. Терпиловский, Б.В. Магомедов, Е.В. Максимов, С.П. Пачкова, Л.Д. Поболь, А.М. Обломский, О.М. Приходнюк и т.д.). Дискуссия идет, большей частью, по вопросу о том, какие именно регионы культур полей погребений в какие периоды связаны с праславянами. При этом все большее число археологов-славистов (Р.В. Терпиловский, А.М. Обломский) ставит в центр процесса славянского этногенеза зарубинецкую культуру. Во-вторых, рецензент указывает на то, что *«анализ имениковских материалов, несмотря на значительные объемы полевых исследований, вообще серьезно отстает от уровня изученности синхронных культур бассейнов Вислы и Днепра»*. Это так, но большинство специалистов-археологов (в том числе, насколько мне известно, и сам Н.А. Лифанов) не сомневается в том, что толчком к формированию имениковской археологической культуры

¹ Там же. С. 74–76.

² Там же. С. 76.

послужила миграция (или миграции) населения с запада – из ареала культур полей погребений. Спор идет лишь о том, какой конкретно регион (или регионы) указанного ареала послужили исходной точкой этой миграции (миграций). При этом все большее число специалистов отводит в этом процессе преимущественную роль каким-то группам позднензарибинского населения.

Заодно Н.А. Лифанов выдвигает возражение к моему тезису, согласно которому *«именьковская культура связана преимущественно с теми их (пшеворской и черняховской культур – М.Ж.) районами, которые занимали [пра]славяне. В первую очередь – с регионом Верхнего Поднепростровья»*. Если в первоначальном тексте своей «рецензии» Н.А. Лифанов отрицал сам факт того, что кто-либо отмечал связь между верхнеднепровскими памятниками и средневожскими материалами «именьковского круга»¹, то после того как я в своем ответе указал на конкретные работы Г.И. Матвеевой, в которых она рассматривала этот вопрос, он стал утверждать, что *«краткие выкладки Г.И. Матвеевой, во-первых относятся не к именьковской культуре, а во-вторых, сделаны лишь на основании публикаций. Непосредственно же с материалами с территории Украины Г.И., увы, никогда не работала»*. Что касается первого тезиса Н.А. Лифанова, то участие носителей древностей славянского типа и типа городища Лбище в формировании именьковской культуры несомненно², а по мнению Г.И. Матвеевой, они вообще представляли собой ни что иное, как ранний этап именьковской культуры: по ее словам *«раскопки городища Лбище на Самарской Луке дали основание выделить ранний этап именьковской культуры, который представлен памятниками с материальной культурой типа выявленной на городище Лбище»*³. В любом случае, как один из компонентов, потомки «лбищенцев» влились в состав именьковского населения.

Выявленное Г.И. Матвеевой сходство славянских и лбищенских материалов с верхнеднепровскими было полностью поддержано таким

¹ Н.А. Лифанов утверждал, что *«сопоставлений именьковских материалов с верхнеднепровскими вообще не проводилось, на каком основании был сделан такой вывод – неизвестно»*.

² Матвеева Г.И. Памятники начала эпохи великого переселения народов (II–IV вв. н.э.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000. С. 97–104.

³ Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв. С. 53. Не все согласны с оценкой славянских и лбищенских памятников как непосредственных предшественников именьковской культуры, но сам факт включения потомков «славянцев» «лбищенцев» в число «именьковцев», на сколько мне известно, ни у кого не вызывает сомнений.

крупнейшим знатоком раннеславянских культур, как В.В. Седов¹. По словам ученого, «слоев с исключительно позднезарубинецкими материалами на поселениях лбищенского облика не выявляется. Фрагменты керамики, сопоставимой с позднезарубинецкой, встречены вместе с черняховско- пшеворскими материалами, что наблюдается также на некоторых поселениях черняховской культуры Верхнего Поднестровья и Южного Побужья. Весь облик лбищенских древностей дает основание полагать, что переселение осуществлялось из одного или нескольких регионов, в которых имело место смешение черняховского населения с пшеворским... Об этом свидетельствует сходство планировки поселений, жилищных котлованов и глинобитных печей»². Регионом, в котором местный вариант черняховской культуры сложился на базе смешанных пшеворско-зарубинецких памятников и было Верхнее Поднестровье³. И именно миграция предков «лбищенцев» оттуда хорошо объясняет синкретические черты их культуры.

Можно, вероятно, говорить о том, что наблюдения и выводы Г.И. Матвеевой и В.В. Седова нуждаются в дальнейшем развитии и конкретизации, но говорить о том, что сопоставление материалов Верхнего Поднестровья и Среднего Поволжья вообще не проводилось – значит, искажать факты.

Н.А. Лифанов искажает позицию и Алексея Петровича Смирнова, отрицая тот факт, что этот ученый первым сопоставил именьковские и волынцевские материалы. Предоставим слово самому ученому: «Данный могильник (Рождественский II – М.Ж.) стоит одиноко среди памятников Среднего Поволжья и Прикамья, на что обратил внимание его исследователь В.Ф. Генинг [Генинг В.Ф. Селище и могильник с обрядом трупосожжения добулгарского времени у с. Рождествено в Татарии // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1961. Вып. 80. С. 144]... Рождественский могильник грунтовой, без признаков могильных насыпей. Для него характерны неглубокие ямы небольшого размера, приготовленные только для захоронения остатков кремированных трупов. Остатки сожженного трупа помещались в специально вырытые ямки. Инвентарь погребения составляли сосуды и украшения. Если обратиться к аналогиям, то, пожалуй, наиболее

¹ Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 245–249.

² Там же. С. 247.

³ Баран В.Д. Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). Київ, 1981; Козак Д.Н. Венеди. Київ, 2008; Седов В.В. 1) Славяне в древности. М., 1994. С. 270; 2) Славяне. С. 186, 187; Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001. С. 124, 125.

близкой окажется бескурганый могильник, исследованный Д.Т. Березовцом [Березовец Д.Т. Дослідження на території Путивльського району Сумської області // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1952. С. 242] близ с. Волинцево Сумської області, где исследователь установил, что покойников сжигали на стороне, а урны с прахом закапывали на могильнике... Приведенные соображения заставляют датировать памятник VI–VIII вв. и отнести его к бурной эпохе прихода болгар в Поволжье. Он (Рождественский II могильник – М.Ж.) **принадлежит племенам лесостепи, известным нам по Волинцевскому могильнику** (выделено мною. – М.Ж.), который большинством исследователей приписывается древним славянам»¹. Как видим, позиция А.П. Смирнова совершенно четкая: Рождественский могильник именьковской культуры он увязывает в единую генетическую цепочку с Волинцевским могильником и связывает появление в Волго-Камье Рождественского могильника с миграцией какой-то группы «волинцевцев»: «приход болгарских смешанных орд вместе с племенами лесостепи – славянами документируется достаточно убедительно»². Ныне мы знаем, что на самом деле хронологически Рождественский II могильник предшествовал Волинцевскому, но это никак не умаляет значимости вывода А.П. Смирнова об их генетической связи, которую теперь мы можем понимать в обратной последовательности, что и сделали В.В. Седов и О.М. Приходнюк. Аргументация последнего, кстати, вопреки утверждению Н.А. Лифанова, имеет совершенно самостоятельный характер³. Несмотря на то, что позиция Седова-Приходнюка по генезису волинцевской культуры не является в историографии единственной, на сегодняшний день она является наиболее доказательной. В.В. Седов дал аргументированный ответ своим оппонентам⁴, который Н.А. Лифанов никак не прокомментировал.

Говоря о том, что я «принимаю в целом выкладки В.В. Напольских о принадлежности реконструируемого им языка именьковского населения

¹ Смирнов А.П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 162–165.

² Там же. С. 169.

³ Приходнюк О.М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования). Воронеж, 1998. С. 75, 76.

⁴ Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 84. Примеч. 72. Н.А. Лифанову не нравится мое осторожное предположение о возможности фиксации реликтов «именьковского языка» у населения Левобережной Украины. Между тем, в свете работ А.П. Смирнова, В.В. Седова, В.В. Приймака, О.М. Приходнюка и других ученых – сторонников гипотезы о генетической связи именьковского и волинцевского населения, оно вполне имеет право на существование. Во всяком случае до тех пор, пока оппоненты В.В. Седова не докажут однозначно его неправоту.

к макробалтскому (балто-славянскому) языковому ареалу», Н.А. Лифанов существенно искажает мою позицию, т.к. я в принципе не разделяю базовую для В.В. Напольских гипотезу о существовании «балто-славянской языковой общности». Выводы О.Н. Трубачева об исходно независимом существовании балтских и славянских диалектов и их последующем сближении являются, на мой взгляд, гораздо более обоснованными¹. Соответственно, далее Н.А. Лифанов не понимает сути моих возражений в адрес работы В.В. Напольских об «именьковском языке», говоря о том, что я «упрекаю» В.В. Напольских «в осторожности суждений и боязни безоговорочно признать именьковцев [пра]славянами». Речь у меня идет совсем о другом: о том, что конкретные наблюдения В.В. Напольских и та концептуальная рамка, в которую он пытается эти наблюдения встроить, существуют как бы в разных плоскостях: ученый принимает гипотезу (выделено мною. – М.Ж.) о существовании «балто-славянской общности» как аксиому и подстраивает под нее свои конкретные наблюдения, которые говорят о [пра]славянском характере языка «именьковцев».

Переходя к критике моих трактовок данных письменных источников, Н.А. Лифанов приписывает Е.С. Галкиной, на источниковедческие наблюдения которой я в значительной степени опираюсь, идею о том, что этноним «с.л.виюн» из письма царя Иосифа относился к ранним башкирам. Но в работах Е.С. Галкиной нет ничего подобного, и мне непонятно, откуда Н.А. Лифанов это взял.

Критикуя мою трактовку указанного этнонима как относящегося к потомкам «именьковцев», Н.А. Лифанов обвиняет меня в том, что «вариант, в котором этот термин означает достоверно славянское население западной части Восточноевропейской равнины» был будто бы мной «отброшен изначально». Это совершенно не соответствует действительности. Он был мной «отброшен» вовсе не «изначально», а на основании анализа текста источника: Иосиф ясно помещает народ «с.л.виюн», как и его соседей, в Поволжье: «У (этой) реки (Атил (Волга) – М.Ж.) расположены многочисленные народы... Вот их имена: Бур.т.с, Бул.г.р, С.вар, Арису, Ц.р.мис, В.н.н.тит, С.в.р, С.л.виюн. Каждый народ не поддается (точному) расследованию, и им нет числа. Все они мне служат и платят дань»², причем после народа «с.л.виюн» «граница поворачивает

¹ Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002.

² Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 98.

по пути к Хуварезму (Хорезму – М.Ж.)»¹. Каким образом в таком контексте (на берегах Волги в районе, где граница Хазарии поворачивает к Хорезму) можно понимать под «с.л.виюн» Иосифа «*достоверно славянское население западной части Восточноевропейской равнины*», я не понимаю.

Н.А. Лифанов с пафосом обвиняет меня в плохом знании текста Ибн Фадлана, у которого будто бы не упоминаются ни зерновые ямы, ни «стационарные» жилища болгар. Предоставим слово самому арабскому путешественнику:

А) О зерновых ямах у болгар: *«Их пища (это) просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень (у них) в большом количестве, и каждый, кто что-либо посеял, берет это для себя, и у царя нет на это (эти посевы) никакого права, за исключением того, что они платят ему в каждом году от каждого дома шкуру соболя. Если же он прикажет дружине (совершить) набег на какую-либо из стран, и она (дружина) нагребит, то он имеет вместе с ними (дружинниками) долю. Каждому, кто устраивает для себя свадьбу или созывает званый пир, необходимо сделать подношение (продуктов) царю в зависимости от размеров пиришества, а потом (уж) он вынесет (для гостей) медовый набид и пшеницу скверную, потому что земля у них черная вонючая, а у них нет мест (помещений), в которых бы они складывали свою пищу, так что они вырывают в земле колодцы и складывают пищу в них. Таким образом проходит только немного дней, как она портится* (выделено мною. – М.Ж.) *(изменяется) и воспринимает запах, и ею нельзя пользоваться*»².

Здесь речь совершенно четко идет о хранении зерна в земляных ямах, где оно может храниться только не очень долгий срок, а иначе портится. Слова Н.А. Лифанова о том, что здесь «*имеется в виду явно не зерно, а скорее продукты животного происхождения*», решительно противоречат тексту источника. Что же касается того, что, по Ибн Фадлану, зерно болгары долго в ямах хранить не могли, то здесь идет речь о принесенной с юга черте быта – на юге зерно в ямах могло храниться несравненно дольше, чем на севере, где этому препятствовала сырая лесная почва, и по этой причине в южных районах они получили существенно большее распространение, чем в северных: их хорошо знали на Украине, в Южной Беларуси и в Южной России, в то время как на большей части территории Беларуси, в

¹ Там же.

² [Ковалевский А.П.] Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий / Под редакцией академика И.Ю. Крачковского. М., 1939. С. 72, 73. «*Земля у них черная вонючая*» – это, по объяснению А.П. Ковалевского, черноземная почва (Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 211. Прим. 514).

центральных и северных областях России они не были распространены. На севере зерно, как правило, хранили в специальных наземных строениях¹. Но как «именьковцы», так и болгары были выходцами из более южных в сравнении со Средним Поволжьем районов и принесли сюда не очень подходившую к местному климату традицию создания зерновых ям, хранить продукты в которых на своей новой родине они могли меньший по времени срок.

Эти болгарские зерновые ямы хорошо известны археологам², при этом, по словам Г.И. Матвеевой, *«полностью совпадают типы зерновых ям болгар и племен именьковской культуры»*³, в чем можно видеть одно из проявлений наследия последней.

Б) Ибн Фадлан говорит не только о юртах у болгар, но и об их «стационарных» жилищах: *«каждый, кто что-либо посеял, берет это для себя, и у царя нет на это (эти посева) никакого права, за исключением того, что они платят ему в каждом году от каждого дома шкуру соболя»*⁴. Как поясняет А.П. Ковалевский, здесь имеется в виду *«“дом” в общем значении, в отличие от прежнего наименования “палатка”, “юрта”»*⁵. На то, что такое словоупотребление в данном фрагменте сочинения Ибн Фадлана неслучайно, указывает следующее обстоятельство: термин для наименования жилища, не обозначающий юрту, идет у Ибн Фадлана в едином блоке с рассказом о земледелии жителей Волжской Болгарии. Видимо, эти земледельцы, в отличие от кочевой части населения, жили не в юртах. По мнению Г.И. Матвеевой и В.В. Седова, значительную часть первых земледельцев Волжской Болгарии составляли именно потомки именьковского населения⁶.

Что касается работ Е.П. Казакова о смешении именьковской и турбаплинской культур в Закамье⁷, то он занимает в вопросе происхождения и этнической атрибуции именьковской культуры совершенно особую пози-

¹ *Балушок В.* Етногенез українців. Київ, 2004. С. 98.

² Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. Самара, 2007. С. 266.

³ *Матвеева Г.И.* Экспедиции в прошлое... С. 91.

⁴ [*Ковалевский А.П.*] Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М., 1939. С. 72.

⁵ Там же. С. 115. Примеч. 507.

⁶ *Седов В.В.* 1) Древнерусская народность. М., 1999. С. 60, 61; 2) К этногенезу волжских болгар // Российская археология. 2001. № 2; 3) Славяне. С. 254, 255; Матвеева Г.И. 1) Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. С. 98, 99; 2) Среднее Поволжье в IV–VII вв. С. 77–79.

⁷ *Казаков Е.П.* К вопросу о турбаплинско-именьковских памятниках Закамья // Культурные евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.

цию¹, считая ее родственной турбаслинской культуре, и видит в носителях этих двух культур хионитов². При этом ученый опирается на исследованные им памятники одного из именьковских регионов, отразившие взаимодействие и смешение двух культур, трактуя их как свидетельство родственности между ними. Однако ситуация смешения с турбаслинской культурой характерна лишь для одного из именьковских регионов и скорее отражает процесс взаимной ассимиляции их носителей, продвинувшихся в один и тот же район Закамья. Характерно, что опираясь на исследованные им смешанные с турбаслинскими именьковские памятники Закамья, Е.П. Казаков датирует формирование именьковской культуры в этом регионе VI в.³, в то время как ее наиболее древние памятники, известные ныне преимущественно на Самарской Луке, датируются IV в. или, возможно, даже III в.⁴ Тем же временем датируются и расположенные в том же районе лбищенские памятники, также сыгравшие, по мнению Г.И. Матвеевой, важную роль в становлении именьковской культуры. Поэтому совершенно непонятно, что не устраивает Н.А. Лифанова в предложенной Е.С. Галкиной и поддержанной мной трактовке материалов Е.П. Казакова как отражения миграции «именьковцев» в Закамье и их смешения здесь с местными племенами⁵.

Подводя некоторые итоги сказанному, отмечу, что разные позиции в науке и полемика между их сторонниками – вещь совершенно неизбежная и закономерная. Более того, научная полемика – это двигатель развития науки. Разумеется, лишь в том случае, когда она имеет уважительный и конструктивный характер и полемизирующие ученые ставят во главу угла не личные амбиции и не взаимные нападки, а поиски научной истины.

¹ Кроме него, кажется, никто не сомневается в том, что ее происхождение связано с культурами полей погребений.

² *Казаков Е.П.* Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* Самара, 1998. С. 110, 111.

³ Там же. С. 110.

⁴ *Сташенков Д.А.* О хронологическом соотношении памятников Лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры // *Известия Самарского научного центра Российской Академии наук.* Самара, 2010. Т. 12. С. 274.

⁵ *Галкина Е.С.* Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). М., 2006. С. 343, 344; *Жих М.И.* Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников). СПб.; Казань, 2011. С. 32, 33.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аетдинов Эльдар Хайретдинович – кандидат политических наук, доцент кафедры социальных наук Набережночелнинского филиала Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Набережные Челны, eaetdinov@mail.ru

Аникин Даниил Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, dandee@list.ru

Беляев Владимир Александрович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева, г. Казань, vlad_belyaev@list.ru

Галиев Ануар Абитаевич – доктор исторических наук, профессор, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, г. Алматы (Казахстан), galiev_anuar@mail.ru

Галиндабаева Вера Валериевна – научный сотрудник Центра культурных исследований постсоциализма Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, nkarbainov@gmail.com

Головашина Оксана Владимировна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, ovgolovashina@mail.ru

Даркина Анна Владимировна – кандидат исторических наук, преподаватель ГОБУ СПО ВО «Воронежский юридический техникум», г. Воронеж, anna_darkina@mail.ru

Жих Максим Иванович – аспирант кафедры музеологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, max-mors@mail.ru

Ильхамов Алишер – кандидат исторических наук, ассоциированный научный сотрудник при Школе восточных и африканских исследований (SOAS) Университета Лондона, г. Лондон, Великобритания, ailkhamov@gmail.com.

Карбаинов Николай Иванович – научный сотрудник Центра культурных исследований постсоциализма Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, nkarbainov@gmail.com

Кирчанов Максим Валерьевич – доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, maksymkirchanoff@gmail.com

Линченко Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Липецк, linchenko1@mail.ru

Люкшин Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики и международных экономических отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Dmitryi.Lyukshin@kpfu.ru

Михайлов Дмитрий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, Сибирский институт управления–РАНХиГС, г. Новосибирск, damihan@yandex.ru

Мурзина Диляра Шамилевна – кандидат политических наук, Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань, mulyukovadi@yahoo.com

Овчинников Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Философии и гуманитарных дисциплин Института социальных и гуманитарных знаний, г. Казань, ovchinnikov8_831@mail.ru

Румянцев Сергей – научный сотрудник Фонда Александра фон Гумбольдта (постдокторская программа) Института европейской этнологии Университета имени Гумбольдта, г. Берлин; научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, руководитель независимой исследовательской группы «Novator», г. Баку, sergnovator@yandex.ru

Сыров Василий Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой Онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Томского государственного университета, г. Томск, Россия, narrat@inbox.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН** – Академия наук
АРК – Автономная Республика Крым
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
БелГУ – Белгородский государственный университет
ВВП – валовый внутренний продукт
ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВС РТ – Верховный Совет Республики Татарстан
ВТОЦ – Всетатарский общественный центр
ГОБУ СПО ВО – Государственное образовательное бюджетное учреждение среднего специального образования Воронежской области
ГУЛАГ – Главное управление лагерей и мест заключения
ДДРТ – Движение демократических реформ Республики Татарстан
ДНК – дезоксирибонуклеиновая кислота
ИСГЗ – Институт социальных и гуманитарных знаний
КазССР – Казахская Советская Социалистическая Республика
КГТУ – Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева
КГУ – Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина
КНБ – Комитет национальной безопасности
КНИТУ – Казанский национальный исследовательский технологический университет
К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
Крымучпедгиз – Крымское учебно-педагогическое государственное издательство
МНР – Монгольская Народная Республика
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
ОБКМ – «Общественная коммуникация», электронное издание
ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ООН – Организация Объединенных Наций
ОУН – Организация украинских националистов
МИОН – Межрегиональный институт общественных наук при Иркутском государственном университете
ПМА – полевые материалы автора
РАГС – Российская академия государственной службы
РАН – Российская Академия наук

РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

РАЕ – Российский археологический ежегодник

РБ – Республика Бурятия

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд

Рескомзем – Республиканский комитет по земельным ресурсам

РИСИ – Российский институт стратегических исследований

РК – Республика Казахстан

РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая

Республика

РФ – Российская Федерация

СБН – Сайт бурятского народа

СМИ – средства массовой информации

СОЦИС – «Социальные исследования», журнал

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

СУАР КНР – Синьцзян-Уйгурский автономный округ Китайской

Народной Республики

ТРОДИИУ – Татарстанское региональное общественно-политическое движение интеграции «Идел-Урал»

УзССР – Узбекская Советская Социалистическая Республика

УПА – Украинская повстанческая армия

УРСР – Українська Радянська Соціалістична Республіка (Украинская Советская Социалистическая Республика)

ФГБОУ ВПО – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования

ФРГ – Федеративная Республика Германия

ЦДАГО – Центральний державний архів громадських об'єднань України

ЦНСИ – Центр Независимых Социальных Исследований, Санкт-Петербург

ЦПЭ МВД по РТ – Центр по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел по Республике Татарстан

ЮАР – Южно-Африканская Республика

Научное издание

**КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ
(сборник научных статей)**

Материалы Международного научно-методологического семинара
г. Казань, 26 марта 2015 г

Корректор Ершова Г.Н.

Компьютерная верстка, оформление Издательство «Юниверсум»

Формат 60*90^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Times. Печать ризо.

Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 13,78. Тираж 150 экз. Заказ №41/9.

Издательство «Юниверсум».

420111, г. Казань, ул. Профсоюзная, д. 13/16.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37.

тел.: (843) 233–73–59, 292–65–60